

"Bal'mont, K.D.

К. Д. БАЛЬМОНТЬ

БЪЛЫЯ ЗАРНИЦЫ

МЫСЛИ и ВПЕЧАТЛЬНІЯ

49453
4943
©

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ М. В. ПИРОЖКОВА

1908

КЕ

ORDER DEPARTMENT
UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY
ANN ARBOR, MICHIGAN

ORDER NO.

C61203748

FUND:

ISA

B91525

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich.

Belya zarnitsi; misli i vpechatleniya.
Hpb., 1908.

MICROFILM FOR COPYFLO

CAT. & ITEM:

Columbia U.

ORDER # 18-60

THIS IS A PURCHASE ORDER - SEE OTHER SIDE FOR INSTRUCTIONS

91.7B21

5

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich, 1867-1943.
Бал'монт Зарницы; мысли и впечатления. С.-Петербургъ, Издание М. В. Пирожкова, 1908.
217 p.

Title transliterated: Belya zarnitsy.

I. Belya zarnitsy.

891.7821

05

Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина. Екатерин. кам., № 71—6.

MAR 2 1942 OT

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТРАН.

Избранныкъ Земли	1
Поэзия Стихий	13
Пъвецъ личности и жизни	59
Поэзия Борьбы	85
Объ Уайлдъ	135
Тайна одиночества и смерти	143
Символизмъ народныхъ повѣрій	163
Флейты изъ человѣческихъ костей	175

Избранникъ Земли

(Памяти Гёте)

К. Д. ВАЛЬМОНТЬ

Въ слахъ пробужденной Земли
Цвѣты расцвѣли, отцвѣли.
Но былъ ей одинъ всѣхъ милѣе:
Избранникъ зеленой Земли,
Онъ вѣчно живеть, зеленѣя.

*Б***.*

Приближаясь къ Океану, можешь думать только о немъ, и если даже, въ тайнѣ души, любишь сильнѣе не Море, а горы,—не помнишь о горахъ, когда вокругъ тебя шумитъ безконечная равнина водъ, обтекающихъ Землю.

Проходя гдѣ-нибудь по густому лѣсу, среди вѣковыхъ деревьевъ, вершины которыхъ гудятъ подъ вѣтромъ, протяжнымъ шумомъ, подобнымъ гулу морского прибоя,—забываешь о томъ, что есть пѣніе музыки, сочетанія струнныхъ инструментовъ.

Приближаясь къ Гёте, видишь царственную фигуру, заслоняющую всѣхъ другихъ любимыхъ тобой,—чувствуешь цѣльность, которая поглощаетъ все твое вниманіе и радуетъ своимъ духовнымъ спокойствіемъ.

Сконцентрированная буря, сознающая себя и со всѣхъ сторонъ окруженнная громадной сферой без-

вѣтрія—вотъ точное опредѣленіе Гѣтевскаго паѳоса, чуждаго тому, другому, стenящему, острому и большому, которымъ полны современныя души.

Мы видимъ здѣсь предѣльный типъ законченной художественной натуры, нашедшій идеальное свое воплощеніе, быть можетъ, только дважды среди обширнаго сонма художниковъ и поэтовъ. Я разумѣю подъ вторымъ—уравновѣшеннаго генія Возрожденной Италіи, Леонардо да Винчи, бывшаго одновременно и художникомъ, и анатомомъ, и физикомъ, и архитекторомъ, и даже музыкантомъ.

Многое связываетъ воедино двухъ этихъ сози-
дателей разныхъ эпохъ, дѣлаетъ ихъ двумя раз-
личными воплощеніями одного и того же типа: все-
сторонность личности, жаждущей всезнанія, мощь
самобытныхъ творческихъ захватовъ, планомѣрность
развитія, геніальная отрѣшенность отъ рамокъ добра
и зла, и это гармоничное сліяніе красоты виѣшней
и внутренней, и эта исключительная любовь къ
Землѣ при полной ихъ побѣдѣ надъ земнымъ. И
Винчи и Гѣте были полубогами. И Винчи и Гѣте
смотрѣли на Землю, какъ на собственное свое цар-
ство, ликъ котораго они измѣнили, не колеблясь
и не уставая. За то Земля и любила ихъ какъ сво-
ихъ первородныхъ сыновъ, получающихъ раньше
другихъ возможность дышать и способность видѣть.
Земля кинула ихъ жизни въ свѣтлую полосу, и
если есть души, которыхъ всегда, какъ героянью
Эдды, Брингильду, уносятъ волны *несчастія*, есть
другія, которыя свѣтлымъ потокомъ всегда приби-

ваетъ къ цвѣтущимъ островамъ. Къ такимъ душамъ, когда путь ихъ завершенъ, примѣнны ритмическая строки:

Я слышалъ о свѣтломъ героѣ,
Свободномъ отъ всякихъ желаній,
О немъ, перешедшемъ потокъ.
Въ лучистомъ застыль онъ покой,
Покинувъ нашъ міръ восклицаній
Для славы несозданныхъ строкъ.
Въ разрывахъ глубокой лазури,
Въ краю отодвинутой дали,
Съ нимъ тайно колдуетъ Судьба.
Къ нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему незнакома борьба.
Съ безсмертий загадкой во взорѣ,
Онъ высится гдѣ-то надъ нами,
Въ душѣ отразивъ небосводъ.
Въ высоко-митущемся Морѣ
Онъ островъ, забытый вѣтрами,
Среди успокоенныхъ водъ.

Вся долгая жизнь Гёте, ея внѣшнія обстоятельства и ея внутреннія теченія отмѣчены благосклонностью Судьбы. Родившись въ богатой семье, онъ былъ въ ней маленькимъ принцемъ. Его дѣтство все озарено золотыми лучами Солнца, которые казались вдвойнѣ роскошными, потому что они падали на шелкъ и бархать. Его юность—юность сказочного царевича: онъ красивъ, уменъ, и одаренъ; для него ростутъ и блестятъ все новые деревья и цветы; для него расцвѣтаютъ улыбки и румянецъ смущенія на женскихъ лицахъ. Его гений просы-

пается рано и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ, разви-
ваясь пышно и легко, безъ болѣзненныхъ измѣнъ
и безъ горькихъ паденій. Родная литература от-
крываетъ для него широкое пустынное поле, и ему,
не связанныму предками, выпадаетъ лучшая радость
быть создателемъ литературы своей страны. Ясность
и простота его кристальныхъ созданій быстро обез-
печивають его славу, и ему не приходится утѣшать
себя, что его поймутъ потомки. Могучая стойкость
здоровья и кипѣніе всего жизнерадостнаго существа
его были такъ велики, что въ семьдесятъ лѣтъ онъ
могъ увлекаться изученіемъ Арабскаго языка—и
девятнадцатилѣтней Ульрикой фонъ Левецовъ. Это—
въ семьдесятъ лѣтъ,—что же было, когда въ гла-
захъ поэта таилось еще больше огня, когда въ его
сновидѣніяхъ было прозрачное лѣто? Его трудовая
жизнь была непрекращающимся праздникомъ, и
когда 82 лѣтъ онъ умеръ,—не умеръ, а безболѣз-
ненно уснуль,—Эккерманъ, стоя у смертнаго одра
его, любовался его почти столѣтнимъ тѣломъ, пре-
краснымъ и правильнымъ, какъ статуя, безъ ма-
лѣйшаго утолщенія, безъ малѣйшаго исхуданія.
Такъ умиралъ въ древности, такъ будутъ умирать
въ грядущемъ, оглядываясь на завершенность пути,
и не терзаясь ни страхомъ ни раскаяніемъ.

То, что сдѣлалъ Гёте для Германіи, и не только
для Германіи, а для всего міра, по значительности
и широкому объему какъ будто превышаетъ еди-
ничныя силы. Нѣмецкая литература, чахлая до него,
была вознесена имъ на степень первоклассной. И

въ различныхъ ея областяхъ онъ одинаково—пересоздатель и созидатель. Въ любовной лирикѣ и въ балладахъ, онъ, въ замѣну ложныхъ образцовъ, идеально возсоздаетъ духъ Германского народа. Въ пантеистическихъ стихотвореніяхъ онъ указываетъ людямъ на стройное единство Мирозданія. Въ „Гёцѣ“, возбудившемъ сразу всеобщій восторгъ, онъ возсоздалъ родную старину и началъ въ Нѣмецкой литературѣ новое теченіе, полное освободительныхъ стремленій. Въ „Вертерѣ“ онъ создалъ романтическую поэму, которую мы всегда будемъ читать въ юности. Въ такихъ поэмахъ, какъ „Сатиры“ и „Прометей“ (3-й отрывокъ), въ желѣзныхъ строкахъ, имъ закрѣплены титанические порывы человѣческой души. Въ романѣ „Избирательное Сродство“, недостаточно извѣстномъ большой публикѣ, онъ создалъ настоящій современный романъ, основанный на душевно-тѣлесномъ разсмотрѣніи любви, прежде чѣмъ это сдѣлалъ Флоберъ въ „Madame Bovary“ и Левъ Толстой въ „Аннѣ Карениной“. Наконецъ, въ „Фаустѣ“ онъ написалъ поэму всего XIX-го вѣка.

Этого было бы достаточно для иѣсколькихъ писателей, чтобы пріобрѣсти справедливую славу. Но этого недостаточно, чтобы стать избранникомъ Земли, который высится надъ вѣками, какъ свѣтлый примѣръ совершенства. Если бы Гёте написалъ только свои поэтическія произведенія,—онъ былъ бы геніальнымъ писателемъ, какіе есть въ каждой странѣ. А между тѣмъ онъ является единственнымъ

поэтомъ, достигшимъ идеальной красоты цѣльности, и въ смыслѣ *совершенства типического*, какъ художественная натура, онъ превосходитъ всѣхъ поэтовъ, хотя по силѣ таланта онъ значительно уступаетъ и Шекспиру и Кальдерону.

У Гёте была разносторонняя и жадная душа. Онъ не могъ удовлетвориться одной поэзіей. Увлекаясь зрѣлищами, онъ руководилъ театромъ, вводя въ него новые элементы; онъ писалъ превосходныя критическія статьи, оказавшія большое вліяніе; онъ не боялся унизить свой геній, переводя Бенвенуто Челлини. Онъ былъ неутомимымъ естествоиспытателемъ, и его заслуги въ этой области настолько велики, что нѣкій ревнитель строгаго знанія однажды сказалъ: „Этотъ законъ установленъ Вольфгангомъ Гёте, который писалъ и стихи“. Въ исторіи первоначальной разработки эволюціонной теоріи имя Гёте стоитъ рядомъ съ именами Ламарка и Дарвина. Морфологія и остеологія, минералогія и геологія одинаково привлекаютъ его вниманіе. Онъ занимается нумизматикой и метеорологіей, онъ изучаетъ философію и Итальянскую живопись, онъ съ любопытствомъ заглядываетъ въ Китайскую литературу, онъ пишетъ о краскахъ работу, которая поражаетъ Шопенгауэра. Въ то время какъ Гётевскій Мефистофель является духомъ, который вѣчно отрицаешь и, какъ замѣчаетъ чуткая Гретхенъ, ни въ чемъ не принимаетъ сердечнаго участія, самъ Гёте является живой противоположностью своего безсильнаго дьявола. Все узнать, все понять, все

обнять—вотъ истинный лозунгъ, достойный *Uebermensch'a*,—слово, которое Гёте употреблялъ раньше Ницше и съ бОльшимъ правомъ.

Смотря, какъ Солнце, на цѣлый міръ, и любя, какъ Солнце, все, Гёте достигъ въ своей личности гармонической соразмѣрности частей, осуществилъ въ себѣ такую красоту, которая не боится дневного свѣта, а избираетъ его, какъ свою блестящую раму. Но неистощимый, какъ Земля, вѣчно склонная къ разнообразію, онъ любить и тьму, только его ночь—не наши осеннія ночи: его ночь полна легкаго сумрака, напоминающаго то теплія ночи Италіи, то бѣлые ночи Сѣвера.

Такъ увѣренno и гордо достигнувъ своей цѣльности. Гёте именно этой чертой отличается отъ другихъ поэтовъ. Ихъ много,—прекрасныхъ,—и ихъ всѣхъ можно опредѣлить, слѣдя основной ихъ особенности. О Шекспирѣ кто-то сказалъ, что это цѣлый континентъ. О Марло можно сказать, что онъ—воплощенное властолюбіе. Кальдеронъ—многоцвѣтенъ, какъ Индійская лілія, дающая на одномъ стеблѣ двѣнадцать цвѣтковъ. Сервантесъ смѣется горькимъ смѣхомъ, и этотъ смѣхъ слышить весь міръ. Байронъ прекрасенъ, какъ Люциферъ. Шелли рыдаетъ, какъ геніальная скрипка, и переливается лунными дрожаніями воздушной лютни. Но каждый изъ этихъ поэтовъ воплощаетъ, въ общемъ, только одну черту. Ихъ можно любить больше, но о нихъ нельзя сказать того, что мы можемъ сказать о Гёте: они—части, онъ—цѣлосъ. Они видятъ міръ подъ

однимъ угломъ, и никогда не властны отрѣшиться отъ своего темперамента. Гёте видить вселенную подъ разными углами и можетъ мѣняться, какъ Протей, ускользая отъ тѣхъ, кто не умѣеть спрашивать, и говоря съ мудрыми, какъ предсказатель и мудрецъ. И потому въ будущемъ, когда люди вполнѣ овладеютъ Землей, этой зеленої планетой, данной намъ для блаженства, они будутъ подобны не Шекспиру и не Шелли, а гармонически-властному Гёте.

Но есть еще другое отличіе этого великаго генія отъ цѣлой группы поэтовъ, заставляюще насъ, изнервничавшихся, утонченныхъ, и утомленныхъ своей утонченностью, періодически возвращаться къ уравновѣшенному Гёте, покидая наши душистыя и душныя теплицы, и, подобно вѣрнымъ богомольцамъ, приносить ему обѣтный даръ нашихъ лучшихъ влечений. Это отличіе заключается въ томъ, что онъ — *рызкая пропилюножность* коренящемуся въ насъ *трагизму*. Въ немъ — враждебное человѣческой природы, вступая въ междуусобную борьбу и создавая лирическія грозы, всегда приводить къ радугѣ. Трагическія души, какъ Свифтъ, Эдгаръ По, Бодлеръ, или Ницше, какъ камни, сорвавшіеся съ высоты утеса, съ логической неизбѣжностью и все возрастающей быстротой, летять въ пропасть, попутно увлекая за собою другіе камни меньшаго сопротивленія,— и чѣмъ тяжелѣе такой обломокъ, тѣмъ больше красоты въ его паденіи, тѣмъ тяжелѣе поднятый имъ гулъ. Души гармоническія, какъ

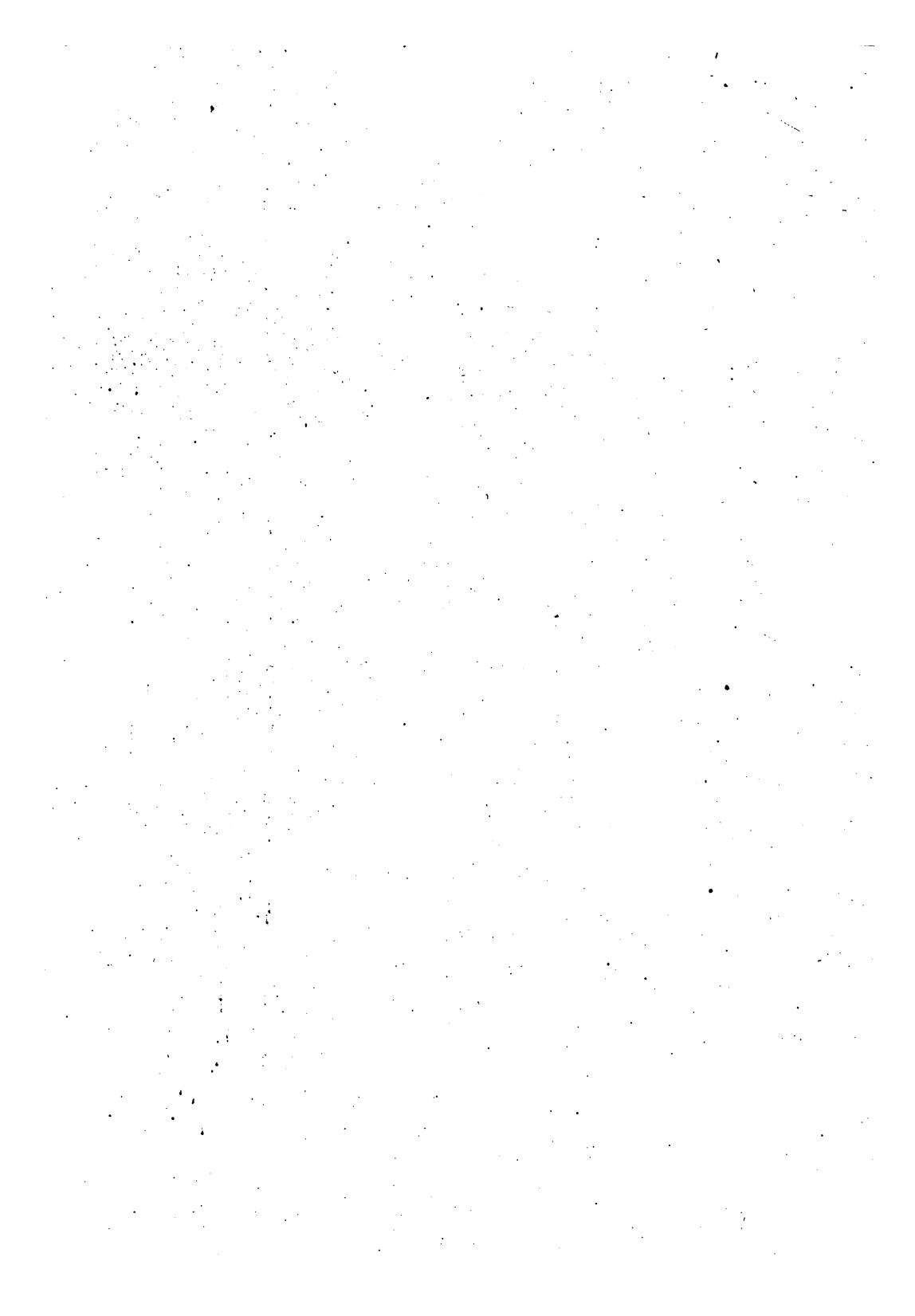
Гете, подобны громадному развѣистому дереву, которое ростеть столѣтія, поднимается упорно въ опредѣленіомъ направлениі, и бури свои перено-ситъ—качаясь, метаясь, шумя, но цѣпко и твердо стоя на своемъ, Судьбой ему данномъ, мѣстѣ.

Да, и камни, сорвавшіеся съ высоты, убиваютъ тѣхъ, кто всталъ на ихъ пути. А священное дерево Бодхи, подъ тѣнью котораго Сакьямуни достигъ обладанія Истиной, жило, зеленѣя, долгія столѣтія, и, перенесенное, въ видѣ свѣжаго побѣга, на жем-чужный островъ Цейлонъ, живетъ тамъ до сихъ поръ, внушая всѣмъ, кто къ нему приближается, мысли, отмѣченныя спокойной мудростью.

Поэзия Стихий

(Земля, Вода, Огонь и Воздухъ)

Есть на Землѣ страна вѣчной Весны, она называется Мексикой. Есть страна въ человѣческой душѣ, гдѣ царитъ вѣчная Юность, ее называютъ Мечтой.

Все красочно и свѣжо въ неистощимой Мечтѣ, все ярко, цвѣтисто, и пышно въ странѣ, гдѣ царитъ Весна. Выжженныя Солнцемъ равнины перемѣшаны съ долинами поразительной плодородности, всюду дикіе роскошные цвѣты, чаща ароматически-дышащихъ кустарниковъ, запахъ ванили, мерцанія индиго, безсмѣнныя изумруды листовъ и травъ, горные оплоты, ощущеніе вулканическихъ порывовъ, которые были и будутъ, которые вотъ-вотъ разразятся ликующимъ праздникомъ дыма и пламени. Ручьи и рѣки, озера и болота, порфировыя скалы, и поля покрытыя лилейными цвѣтами алоэ, а на фонѣ глубокой Лазури, въ которой зарождаются бѣшеные бури и освѣжительные вѣтерки, четко высится чарующая горная вершина, съ плѣнительнымъ именемъ—спящая Снѣжная Женщина.

Этотъ край Вѣчной Весны называютъ теперь „страной, которая просыпается“. Послѣ пышныхъ

торжествъ благоговѣнья и проклятій, жестокости и нѣжности, молитвъ Солнцу и трепета вырванныхъ сердецъ, красивыхъ ликовъ и изуродованныхъ тѣлъ, брошенныхъ на жертвенный камень на страшныхъ пирамидныхъ теокалли, — послѣ безумнаго расцвѣта фантазіи, страна Вѣчной Весны застыла огъ грубаго вторженья чуждой насильственной дѣйствительности, по она опять уже чувствуетъ, что въ Солнцѣ еще много алаго и золотого цвѣта, и становится — страной, которая просыпается. Самая красивая изъ земныхъ птицъ, фантастическая по своему малому размѣру и по своей неутомимой силѣ, красочная птичка колибри, находящаяся въ вѣчномъ движениі, перелетаетъ, какъ легкій драгоценный камень, съ вѣтки на вѣтку, побѣждая своею красотою даже нарядныхъ бабочекъ, изъ зелени слышится птичій зовъ - напѣвъ — „Тіуй“, слово, которое на языкѣ древней Мексики означало — „Идемъ“ — мелькасть, гипнотизируя глаза и душу, смѣлая малютка колибри, которую древніе поэты Мексики называли тысячецвѣтной, — и въ памяти встаетъ легенда - правда, которую должно выразить весенними намеками, расцвѣтно - пѣвущими звуками.

Колибри, птичка-мушка, безстрашная, хоть малая,
Которой властью Солнца нарядъ цвѣтистыій данъ,
Рубиновая фея, лазурная и алая,
Сманила смѣыхъ бросить родимый ихъ Ацтланъ.

Веселымъ пышнымъ утромъ, когда Весна багряная
Ростить цвѣты, какъ солнца, какъ луны, межъ вѣтвей,

Летунья щебетнула: „Туй, туй”, — румяная,
Какъ бы цвѣточно-пьяная, — „Туй, идемъ, скорѣй!“.

Въ тотъ мигъ жрецы молились, и пѣніе жемчужное
Лазурно-алой феи услышали они:—
Пошелъ народъ безстрашный, все дальше, въ царство
[Южное,
И красной лентой крови свои обвилъ онъ дни.

И Мексика возникла, видѣніе вдохновенное,
Страна цвѣтовъ и Солнца, и плясокъ, и стиховъ,
Безжалостность и нѣжность, для грезы — сердце пѣнное,
Сынъ Бога — жертва Богу, земной — среди боговъ.

Дабы въ Чертогахъ Солнца избранникъ зналь забвеніе,
Ему исторгнуть сердце агатовымъ ножомъ,
Разбей земную лютни, забудь напевъ мгновенія,
Тамъ въ Небѣ Дѣны Солнца, Богъ Семицвѣтникъ въ немъ.

Богиня Бѣлой Жатвы, Богиня Звѣздоткани, Богъ Пламя, Богъ Зеркальность, Богиня Сердце Горъ...
Колибри, птичка-мушка, въ безжизненной туманности
Ты сердце научила знать красочный узоръ!

Воители и утонченники, неукротимые сыны бога
Мекситли, страшного бога Виципохтли, возлюбив-
шіе яркій цвѣтъ крови и нѣжныя украшенія, со-
тканныя изъ перышекъ птички-мушки, послушались
зова колибри, и, уйдя за мечтой, создали самое
причудливое историческое сновидѣніе, длительность
котораго была до изумительности краткой, какъ
длительность всѣхъ чрезмѣрно опьяняющихъ мо-
ментовъ.

Однако же и до сихъ поръ, на знамени нынѣш-
ней измѣненной Мексики, мы видимъ изображеніе

причудливаго растенья, кактуса, и крылатую птицу, но не самую маленькую, а самую большую, солнце-любиваго орла. Почему? Воинственные утонченники, влюбленные въ краски, скитались много времени, прёжде чвмъ прочно поселились на отмѣченномъ Судьбою мѣстѣ, для краткаго, но бессмертнаго торжества исторической праздничной сказки. Въ своихъ скитаньяхъ они увидѣли воочію островъ, и на островѣ скалу, и на скалѣ могучій кактусъ, и на кактусѣ, съ ликующими цвѣтками, сильнаго орла, который кривымъ своимъ клювомъ терзалъ змѣю. Въ такомъ-то причудливомъ мѣстѣ они основали городъ, который назвали сперва Теноктитланъ (камень и кактусъ), а позднѣе Мехико.

Намъ, блѣдиоликимъ, страшенъ цвѣть крови. Среди нась есть такіе, которые отъ одного ея вида лишаются чувствъ. Насъ тревожать даже красные цвѣты, и кактусы пугаютъ нашу впечатлительность. Правда, въ нихъ есть что-то странно-страшное.

Кактусы цѣпкіе, хищные, сочные,
Странно-яркіе, тяжкіе, жаркіе,
Не по-цвѣточному прочные,
Что-то паучье есть въ кактусѣ зломъ,
Мысль онъ смущаетъ, хоть радуетъ взглядъ.
Этотъ ликующій цвѣть,—
Смотришь — растенье, а можетъ быть — нѣть,
Алою кровью напившійся гадъ!

Да, нась тревожитъ и беспокойно волнуетъ все красочно-торжествующее. Какъ мѣтко сказалъ поэтъ нашей городской впечатлительности, пѣвецъ „Tertia Vigilia“ и „Urbi et Orbi“,

„Мы къ яркимъ краскамъ не привыкли,
Одежда наша — цветъ земли”...

Но тѣ люди, которые, въ составѣ цѣлаго народа, дерзнули бросить свои родныя мѣста и пошли—не за могучимъ Фараономъ, и не за огненнымъ столбомъ въ пустынѣ, а за самой малой, за самой неправдоподобной, нереальной птичкой,— могли и смѣли любить ликующіе цвета, могли и неизбѣжно должны были создать самую яркую реальность и встрѣтить на искрушимой каменной основѣ побѣднаго царя крылатыхъ. Они должны были, эти мечтатели, эти поэты молитвенныхъ безумствъ, такъ же красиво и такъ же ужасно, вопреки своей воинственности, вопреки своей неукротимой храбости, отдать все свое множество въ руки смѣлой шайки бѣолицыхъ, въ которыхъ они увидѣли дѣтей боговъ,— и потомъ слишкомъ поздно узнать, не мечтою, а разсудкомъ, что божественность грабителей сомнительна, и рвануться навстрѣчу—слишкомъ поздно, и мучиться, и молчать, и таить про себя свои красочные сны—до новаго мига, потому что такой мигъ долженъ настать для сердца, знающаго неисчерпаемую мощь Мечты.

Кромѣ чарующей Страны Мечты, есть не менѣе чарующая, и временами еще болѣе сильная и яркая страна, то жаркая, то кристально-льдисто-холодная Страна Мысли. Не о современной Мысли говорю я,—она, со своею раздробленностью и жалкой полузырячей ползучестью, не имѣть для меня никакого очарованія, мало того, кажется мнѣ презрѣнной. Я

говорю о Мысли всеобъемлющей, знающей предъльное, но касающейся его лишь настолько, насколько это необходимо, и быстро и смѣло уходящей въ Запредъльное. Ея символъ среди земныхъ странъ—Индія, всеобъемлющая и всепонимающая, всевоспринимающая Индія, которая жила тысячелѣтія—сонмы вѣковъ—и будетъ жить до скончанія нашихъ земныхъ дней. Эта Страна включила въ себя и Мечту, будучи, однако, по преимуществу Страною Мысли. Я скажу о ней нѣсколько словъ позднѣе. Сейчасъ мы побудемъ еще въ странѣ красочнаго, въ области грезъ и свѣтоноснаго Огня. Впрочемъ, Мексиканскій богъ Пламя, желтоликій Куэцальццинъ совсѣмъ сродни Индійскому богу Агни. И и въ эти дни, когда мы живемъ впотьмахъ и на Сѣверѣ, въ эти дни, когда

Для насъ блистательное Солнце не богъ, несущій жизнь и мечь, А просто желтый Шаръ центральный, планетъ сферическая печь, въ эти дни унылыхъ ликовъ, душныхъ домовъ, и трусливыхъ мыслей,—унесемся, хотя на короткія мгновенія, въ область звуковъ несвязанныхъ боязнью, и послушаемъ голосъ Стихій,—Огня, и Воды, и Земли, и Воздуха.

Мнѣ явствѣнно кажется, что очень давно я уже много разъ былъ и въ Странѣ Мечты, и въ Странѣ Мысли, что я лишь въ силу закона сцѣпленія причинъ и слѣдствій, волею суроваго закона Кармы, попалъ въ холодный сумракъ Сѣвера, и огненные строки поютъ во мнѣ.

Огнепоклонникомъ я прежде былъ когда-то,
Огнепоклонникомъ останусь я всегда,
Мое индійское мышленіе богато
Разнообразіемъ разсвѣта и заката,
Я между смертными падучая звѣзда.

Средь человѣческихъ безсвѣтныхъ привидѣній,
Межъ этихъ будничныхъ безжизненныхъ тѣней,
Я вспышка яркая, блаженство изступленій,
Игрою красочной свѣтло вѣничанный гений,
Я праздникъ радости, рассвѣта, и огней.

Какъ обольстительна въ провалахъ тьмы комета!
Она пугаетъ мысль и радуетъ мечту.
На всемъ моемъ пути есть свѣтлая примѣта,
Мой взоръ блестицій кругъ, за мною — вихри свѣта,
Изъ тьмы и пламени узоры я плету.

При разрѣщенности стихійного мечтанья,
Въ начальномъ Хаосѣ, еще не знаящемъ дня,
Не гномомъ роющимъ и былъ средь мірозданья,
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандроу творящаго Огия.

Подъ Гималаями, чьи выси—въ блескахъ Рая,
Я понялъ яркость думъ, среди долинной мглы,
Горѣла въ темнотѣ моя душа живая,
И людямъ я свѣтилъ, костры имъ зажигая,
И Агни свѣтлому слагаль свои хвалы.

Съ тѣхъ поръ, какъ мигъ одинъ, прошли тысячелѣтія,
Смѣшились языки, содвинулись моря.
Но все еще на Свѣтѣ не въ силахъ не глядѣть я,
И знаю явственно, пройдутъ еще столѣтія,
Я буду все сиѣтить, сжигая и горя.

О, да, мнѣ нравится, что было такъ и ало
Горынѣе вѣчное земныхъ и горнихъ странъ.
Молиться пламени сознанье не устало,

И для блестящаго мнъ служать ритуала
Уста горячія, и Солнце, и вулканъ.

Какъ убѣдительна лучей ростущихъ чара,
Когда намъ Солнце вновь бросаетъ жаркій взглядъ,
Неисчерпаемость блистательного дара!
И въ красномъ заревѣ побѣднаго пожара
Какъ убѣдителенъ, въ оправѣ тьмы, закатъ!

И въ страшныхъ кратерахъ—молитвенные взрывы:
Качаясь въ пропастяхъ, рождаются на днѣ
Колосья пламени, чудовищно - красивы,
И вдругъ взметаются пылающія нивы,
Уставъ скрывать свой блескъ въ могучей глубинѣ.

Бѣгутъ колосья въ высы изъ творческаго горна,
И шелестѣнья ихъ слагаются въ напѣвъ,
И стебли жгучіе сплетаются узорно,
И съ свистомъ падаютъ пурпурояз зерна,
Для сна отдѣльности въ той слитности созрѣвъ.

Не то же ль творчество, не то же ли горѣнья,
Не тѣ же ль ужасы, и та же красота
Кидаютъ любящихъ въ безумныя сплестины,
И заставляютъ ихъ кричать отъ наслажденія,
И замыкаютъ имъ безмолвіемъ уста.

Въ порывѣ бѣшенства въ себя принявши Вѣчность,
Въ блаженствѣ сладостномъ истомной слѣпоты,
Они вдругъ чувствуютъ, какъ дышетъ Безконечность,
И въ ихъ сокрытостяхъ, сквозь ласковую млечность,
Молніеносные рождаются цвѣты.

Огнепоклонникомъ Судьба мнѣ быть велѣла,
Мечтѣ молитвенної ни въ чёмъ преграды нѣть,
Единымъ пламенемъ горятъ душа и тѣло,
Глядимъ въ бездонность мы въ узорностяхъ предѣла,
На вѣчный праздникъ сновъ зоветь безбрежный Свѣтъ.

Огонь приходит съ высоты,
Изъ темныхъ тучъ, достигшихъ грани
Своей ростущей темноты,
И порождающей черты
Молниеносныхъ содроганий.
Огонь приходит съ высоты,
И, если онъ въ землѣ танится,
Онъ лавой вырваться стремится,
Изъ подземельной тѣсноты.
Когда жь съ высотъ лучомъ струится,
Онъ въ хороводъ зоветъ цвѣты.

Вонъ лотосъ, любимецъ Стихіи тройной,
На свѣтъ и на воздухъ, надъ зыбкой волной,
Поднялся, покинувши иль,
Онъ Рай обѣщаетъ намъ съ вѣчной Весной,
И съ блескомъ побѣдныхъ Свѣтиль.

Вотъ пышная роза, Персидскій цвѣтокъ,
Душистая греза Ирана,
Предъ розой исполненъ влюбленныхъ я строкъ,
Волнуетъ уста лепестковъ вѣтерокъ,
И сердце отъ радости пьяно.

Вонъ чампакъ, цвѣтущий въ столѣтіе разъ,
Но грезу лелѣющій вѣкъ,
Онъ тоже оттуда примѣта для насъ,
Куда убѣгаютъ, въ волненыи свѣтясь,
Всѣ воды намъ вѣдомыхъ рѣкъ.

Но что это? Дрогнувъ, мѣняются чары.
Какъ будто бы смѣхъ Соблазнителя-Мары,
Сорвавшись къ долинамъ съ вершинъ,
Мнѣ шепчетъ, что жадны какъ звѣри, растенія,
И сдавленность воплей и слышу сквозь пѣнье,
И если мечтѣ драгоцѣнны каменія,
Кровавы гвоздики и страшенъ рубинъ.

Мнъ страшенъ угаръ ароматовъ и блесковъ расцвѣта,
Все смѣшалось во мнъ,
Я горю какъ въ Огнѣ,
Душное Лѣто,
Цвѣточный кошмаръ овладѣлъ распаленной мечтой,
Синіе пляшутъ огни, пляшетъ Огонь золотой,
Страшно стала мнъ даже трава,
Вижу какъ въ маревѣ стебли нѣмые,
Пляшутъ и мысли кругомъ и слова.
Мысли мои? Или, можетъ, чужія?

Закатное Небо. Костры отдаленные.
Гвоздики, и маки, въ своихъ сновидѣньяхъ безсонные.
Волчцы подъ Луной, привидѣнья они.
Обманные бродить огни
Пустырими унылыми.
Георгины тупые, съ цвѣтами застылыми,
Точно ихъ создала не Природа живая,
А измыслилъ въ безжизненный мигъ человѣкъ.
Одуванчиковъ стая сѣдая.
Милліоны раздавленныхъ красныхъ цвѣтовъ,
Клокотанье кроваво-окрашенныхъ рѣкъ.
Гнѣть Пустыни надъ выжженной ширью песковъ.
Кактусы, цѣпкіе, хищные, сочные,
Странно-яркіе, тяжкіе, жаркіе,
Не по-цвѣточному прочные,
Что-то научье есть въ кактусѣ зломъ,
Мысль онъ пугаетъ, хоть манить онъ взглядъ,
Этотъ ликующій цвѣтъ,
Смотришь растеніе, а можетъ быть—нѣть,
Алою кровью напившійся гадъ?

И много, и много отвратностей разныхъ,
Красивыхъ цвѣтовъ, и цвѣтовъ безобразныхъ,
Нахлынули, тянутся, въ мысли —прибой,
Рожденный самою Судьбой.

Болиголовъ, наркозъ, съ противнымъ духомъ,—
Воронковидный вѣнчикъ бѣлены,
Затерто-желтый, съ сѣтью синихъ жилокъ,—
Съ оттѣнкомъ буро-краснымъ заразиха,
Съ покатой шлемовидною губой,—
Подобный пауку, офрись, съ губою
Широкой, желто-бурой, или красной,—
Колючее созданіе, татарникъ,
Какъ бы въ бронѣ крылоподобныхъ листьевъ,
Зубчатыхъ, паутинисто-шерстистыхъ,—
Дурманъ вонючій, — мертвенный морозникъ,—
Цвѣты травы, хищности, и тьмы, —
Мыльнянка, съ корневищемъ ядовитымъ,
Взлюбившая края дорогъ, опушки
Лѣсныя, и рѣчные берега,
Мѣста, что въ самой сущности предѣльны,
Цвѣтокъ любимый бабочекъ ночныхъ,—
Вороній глазъ, съ приманкою изъ ягодъ
Отливноцвѣтныхъ, синевато-черныхъ,—
Пятнадцатилучистый сложный зонтикъ
Изъ ядовитыхъ бѣленъкихъ цвѣтковъ,
Зовущихся — такъ памятно — цикутой, —
И линікія исчадія Земли,
Ужасныя растенія-полузвѣри,
Въ лѣнивыхъ водахъ, медленно-текущихъ,
Въ затонахъ, гдѣ стоячая вода,
Вся полная сосудцевъ, пузырчатка,
Капканъ для водной мелочи животной,
Для жертвы открываетъ тонкій клапанъ,
Замкнуть ее въ тюремномъ пузыркѣ,
И уморить, и лакомится гнилю,
Росянка ждеть, какъ воръ, своей добычи,
При помощи уродливыхъ желѣзокъ
И красныхъ волосковъ, такъ липко-клейкихъ,
Улавливаетъ мухъ, ихъ убиваетъ,

Удавливает медленнымъ сжиманьемъ,
О, крабъ-цвѣтокъ!—и сокъ изъ нихъ сосеть,
Болотная причудливость, растенье,
Которое цвѣткомъ не хочетъ быть,
И хотъ имѣть гроздъ расцвѣтовъ бѣлыхъ,
На гада больше хочетъ походить.
Еще, еще, косматыя, сѣдыя,
Мохнатыя, жестокія видѣнья,
Измышенныя дьявольской мечтой,
Чтобъ сердце въ достовѣрнѣйшемъ, въ послѣднемъ
Убѣжнѣѣ, среди цвѣтоў и листьевъ
Убить.

Кошмаръ, уходи, я рожденъ, чтобы ласкать и любить!
Для чаръ безпредѣльныхъ раскрыта душа,
И все, что живеть, расцвѣтая, спѣша,
Привѣтствую, каждому хочется быть,
Кѣмъ хочешь, тѣмъ будешь, будь вольнымъ, собой,
Ты черный? будь чернымъ, — мой цвѣтъ голубой,
Мой цвѣтъ будетъ бѣлымъ на вышнихъ горахъ,
Въ вертепахъ я веселъ, я страшенъ впотьмахъ,
Все, все я прѣмлю, чтобъ сдѣлаться Всѣмъ,
Я слѣпъ былъ — я вижу, я глухъ былъ и нѣмъ,
Но какъ говорю я — вы знаете, люди,
А что я услышаль, застывші въ безжалостномъ Чудѣ,
Скажу, но не все, не теперь,
Нѣть словъ, нѣть размѣровъ, ни знаковъ,
Чтобъ таинство блесковъ и мраковъ
Явитъ въ полнотѣ, только мигъ — и закроется дверь,
Песчинокъ блестящихъ я нѣсколько брошу,
Желаніе миѣ лицъ Человѣка, и боги, растенье, и птица,
и звѣрь,
Но свѣтлую ношу,
Что въ сердцѣ храню,
Я долженъ пока сохранять, я поклялся, я клялся — Огню.

Буря промчалась,
Конченъ кошмаръ.
Солнце есть вѣчный пожаръ,
Въ сердцѣ горячая радость осталась.

Ждите. Я жду.
Если хотите,
Темными будьте, живите въ бреду,
Только не лгите,
Самъ я въ вертепы влѣсъ всѣхъ поведу.

Если хотите,
Мысли сплетайте въ лучистый нити,
Свѣтлая ткань хороша, хороша,
Только не лгите,
Къ Солнцу идите, коль Солнца воистину хочетъ душа.

Все совершился,
Кругъ неизбѣженъ.
Люди, я нѣжень,
Сладко забыться.
Пытки я вѣдалъ. О, ждите. Я жду.
Рѣчь отъ Огня я и Духа веду.

Лучи и кровь, цвѣты и краски,
И искры въ пляскѣ вокругъ костровъ--
Слова одной и той же сказки
Разсвѣтовъ, полдней, вечеровъ.

Я съ вами былъ, я съ вами буду,
О, многоликии Огня,
Я умъ зажегъ, отдался Чуду,
Возможно счастье для меня.

Въ темницѣ кузницѣ неустанныхъ,
Гдѣ горнъ, и молотъ, жаръ, и чадъ,

**Слова напѣвовъ звѣздотканныхъ
Неумолкаемо звучать.**

Съ Огнемъ неразлучимы дымы,
Но горицвѣтный блескъ углей
Поеть, что свѣтлы Серафимы
Надъ тѣсной здѣшностью моей.

Есть Духи Пламени въ Незримомъ,
Какъ здѣсь цвѣты есть изъ Огня,
И пусть я самъ развѣюсь дымомъ,
Но пусть Огонь войдетъ въ меня.

Горѣть хотя одно мгновеніе,
Свѣтить хоть краткій часъ звѣздой—
Въ томъ радость вѣрнаго забвенья,
Въ томъ праздникъ ярко-молодой.

И если въ Небѣ Солнце властно,
И свѣтлы звѣздные пути,
Все жь искра малая прекрасна,
И можетъ алый цвѣтъ цвѣсти.

Гори, Вулканъ, и лейся, лава,
Сийте, звѣзды, въ вышинѣ,
Но пусть и здѣсь да будетъ слава
Тому, кто сжегъ себя въ Огнѣ!

Стихіи освобождаются, и Огонь, будеть ли это
пламя Солнца, или пламя пожара, или, хотя бы
пламя свѣчи, отъ котораго дрогнули сумерки сѣрой
печальной комнаты, или хотя бы зелененький фон-
нарикъ свѣтляка, мелькнувшій въ ночномъ лѣсу,—
всегда, безмолвно и властно, Огонь освобождаетъ
нашу душу отъ угрюмыхъ мыслей, сдвигаетъ съ

мѣста цѣлкія тѣни, отдаляетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ живыми, и, если не властенъ прогнать ихъ совсѣмъ, заставляетъ ихъ колыхаться, бросаетъ отъ насъ подъ Луной безмѣрные длинные призраки, которые бѣгутъ по снѣгу и превращаютъ плоскую равнину въ фантазію, гдѣ наша мысль овѣяна голосами воспоминаній. Въ нашихъ душахъ, несознаваемо для насъ самихъ, загораются звѣздоносныя волны, свѣтить звѣздная печать. Мы съ тайнымъ удивленіемъ прислушиваемся къ собственному нашему голосу, и замѣчаемъ, что онъ сталъ звучнѣе и отчетливѣе, когда еле зримый серпъ Луны показался на Лазури. Мы видимъ игру свѣта въ драгоценныхъ камняхъ, или въ Водѣ, или въ облакѣ,—и мы чувствуемъ, что мы стали нѣжнѣе. Мы были въ темнотѣ, и намъ было страшно, мы были подъ тусклымъ дождливымъ небомъ, и міръ казался намъ склонившимся и тѣснымъ. Но вотъ свѣтъ расширилъ пространство. Огонь весело шутить, міръ стать широкимъ, желаннымъ, и заманчивымъ, за крайней предѣльной чертой горизонта мечта улавливаетъ новыя и вѣчно-новыя дали, и въ горлѣ у птицъ и людей возникаетъ желаніе пѣть.

О, по истинѣ красавъ Чаровникъ. Огонь, и что можетъ сравняться съ нимъ? Но зачѣмъ сравненіе для подчиненности.—можно сравнивать лишь для установленія связи.

Съ Огнемъ прежде всего я сравню Воду, и не знаю, что сильнѣе,—глядя на Пламя, душа принадлежитъ ему, слушаю пѣніе струй, или отдален-

ный рокотъ Океана, душа принадлежить Влагѣ. Въ соучастіи Стихій, въ ихъ вѣчномъ состязаньи, въ празднествѣ ихъ взаимной слитности и переплетенности, я вижу равенство каждой изъ могучихъ Силъ, образующихъ Мировое Кольцо Творческаго Четверогласія.

Одному маленькому мальчику, когда онъ гулялъ по снѣжному застывшему саду, упала на руку снѣжинка, и еще другая, и третья, много снѣжинокъ. Каждая имѣла видъ маленькой звѣзды, и онъ подумалъ, что они пришли къ нему съ самаго Неба. Онъ не зналъ еще, что звѣзды—жгучія, и ему показалось, что земные снѣга и небесныя сіянья слиты въ одно. Въ другой разъ, весной, онъ увидѣлъ подъ Солнцемъ падающія капли дождевой влаги, весело прыгавшія и плясавшія по листьямъ цвѣтущей черемухи. Онъ раньше видѣлъ, въ зимнихъ комнатахъ, на красивыхъ женщинахъ, брилліанты, игравшіе всѣми переливами при свѣтѣ бальныхъ огней,—и тутъ, въ саду, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что между драгоценными камнями и каплями стремительной влаги существуетъ полное тождество. Онъ видѣлъ потомъ и лѣто и осень, видѣлъ цвѣты, красные какъ ленты, и листья, золотые, какъ колыханья золотой занавѣси, видѣлъ рѣки, похожія на аллеи, и рѣки, похожія на исполинскихъ змѣй, которая ему снились, хрустальная озера, странно напоминавшія о принцессѣ въ хрустальныхъ башмачкахъ, лѣса, гдѣ есть подземные норы и совсѣмъ человѣческіе шопоты, ручейки, много разныхъ ру-

чайковъ, много видѣлъ онъ разнаго, но ему съ не-
побѣдимой убѣдительностью казалось, что все это
разное есть Одно. Онъ не зналъ, какъ называется
это Одно. Не знаю и я. Но мнѣ очень близки
ощущенія этого маленькаго мальчика, и всего убѣ-
дительнѣе кажутся мнѣ тѣ минуты, когда, о чёмъ
бы ни сталъ говорить, мнѣ упорно помнится слит-
ность различнаго Одного, и я чувствую за малымъ
Безграничное, и отъ Безпредѣльнаго переношуясь
къ самому малому,—мечта тогда кружится и вьется
снѣжинкой, разъединенность отдѣльностей уничто-
жается, стройно слышится немолчное журчаніе, это
голосъ влаги, это душа Воды.

Вода, стихія сладострастія,
Вода, зеркальность нашихъ думъ,
Бездонность сновъ, безбрежность счастія,
Часовъ бѣгушихъ легкій шумъ.

То недвижимо-безглагольная,
То съ исудержною волной,
Но вѣчно легкая и вольная,
И вѣчно дружная съ Луной.

И съ Солнцемъ творческимъ сліянная,
То гуль, то плескъ, то—блески струй,
Стихія страстина и странная,
Твой голосъ—влажный поцѣлуй.

Отъ капли росы, что трепещетъ, играя
Огнемъ драгоценныхъ камней,
До блѣдныхъ просторовъ, гдѣ, вдали убѣгая,
Вѣничается пѣною влага морская,

На глади бездонныхъ морей,
Ты всюду, всегда неизмѣнно-живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красныхъ и желтыхъ лучей,
Оранжевыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, и синихъ,
И тѣхъ, что рождаются только въ пустыняхъ,
Въ волнены и пѣни беззмѣрныхъ зыбей,
Оттыковъ, что видны лишь избраннымъ взорамъ,
Дрожаній, сверканій, мельканій, которымъ
Нельзя отыскать отражающихъ словъ,
Хоть въ словѣ безднинность оттыковъ блестаетъ,
Хоть въ словѣ красивомъ всегда расцвѣтаетъ
Весна многоцвѣтныхъ цветовъ.

Вода бесконечные линии вмѣшаетъ
Въ бѣззмѣрность своей глубины,
Мечтанье на зыбяхъ различныхъ качаетъ,
Молчаньемъ и пѣньемъ душѣ отвѣчаетъ,
Уводить сознаніе въ сны.
Богатыми были, богаты и иныѣ
Просторы лазурно-зеленої пустыни,
Рождающей міръ островной.
И Море—все Море, но, въ вольномъ просторѣ,
Различно оно въ человѣческомъ взорѣ
Качается грезой-волной.

Въ различныхъ скитаньяхъ,
Въ иныхъ сочетаньяхъ,
Я слышалъ сказанія бурь,
И знаю, есть разность въ мечтаньяхъ.
Я видѣлъ Индійское море, лазурь,
Въ немъ волны голубые извины,
И Красное море, гдѣ ласковъ кораль,
Гдѣ розовой краскою зыбится валъ,
И Желтое, водные нивы,
Зеленое море, Персидскій заливъ,

И Черное море, гдѣ буенъ приливъ,
И Бѣлое, призракъ красивый.

И всюду я думалъ, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна Вода.

Я помню, въ далекіе дѣтскіе дни
Привидѣлся странный мнѣ сонъ.
Мнѣ снилось, что бѣлые въ Небѣ огни,
И ими нашъ садъ озаренъ.

Сверкаютъ далеко холодные льды,
*Струится безжизненный свѣтъ.
Звѣзда отражаетъ сіянье звѣзды,
Сплетаются гроздья планетъ.

Сплетаются тысячи крупныхъ планетъ,
Блестяты, возростаютъ, ростутъ.
Но въ этомъ сіянъ мнѣ радости нѣть,
Цвѣты предо мной не цвѣтутъ.

Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестка,—
Иначе зажжется ли взглядъ.
Но нѣть предо мною въ саду ни цвѣтка,
Весь бѣлый, безжизненный—садъ.

И стала я тихонько молиться въ бреду,
И звѣзды дрожали вѣтъ отвѣтъ,
И что-то какъ будто мѣнялось во льду,
И таяли гроздья планетъ.

И въ свѣтлой по-новому, въ той полумгѣ
Возникли потоки дождя,
Они прикоснулись къ далекой Землѣ,
Съ высокаго Неба идя.

Окуталъ поль-мира блистающій мостъ,
Въ немъ разныя были цвѣта.

Въ немъ не было блѣдности мертвенныхъ звѣздъ,
Живая была красота.

О, чудо! О, радость! Вблизи предо мной
Вдругъ ожилъ мой сказочный садъ.
Цвѣты расцвѣтали живой пеленой,
Былъ свѣтель младенческій взглядъ.

Раздвинулись полосы ровныхъ аллей,
Свѣтло заигралъ изумрудъ.
Подъ частою чащей зеленыхъ вѣтвей
Цвѣты голубые цвѣтутъ.

Багряныхъ, и алыхъ, и желтыхъ цвѣтовъ[”]
Росла золотая семья.
Ребенку такъ нужень расцвѣть лепестковъ,
И это такъ чувствовалъ я.

И въ ландышахъ бѣлыхъ, отъ капель дождя,
Иначе зажглась бѣлизна.
И дождь прекратился, и, съ Неба идя
Струилась лишь музыка сна.

Мы видимъ въ младенчествѣ вѣщіе сны,
Такъ близки мы къ Небу тогда.
И этого сна, и цвѣтовъ пелены
Не могъ я забыть никогда.

Съ звѣздою, блестая, сплеталась звѣзда,
Тянулась звѣзда до звѣзды.
Я помню, я понялъ впервые тогда
Зиждительность свѣтлой Воды.

Но минули дѣтскіе годы,
Иного хотѣла мечта.
Хоть все же я въ царствѣ Природы
Любиль и цвѣты и цвѣта.

Блаженно, всегда и повсюду,
Мнѣ чудились рокоты струнъ.
Я шелъ къ неизвѣстному чуду,
Мечтателенъ, иѣженъ и юнъ.

И ночью плѣнительной Мая
Да въ первую четверть Луны,
Мнѣ что-то сверкнуло, мелькая,
И вновь я увѣровалъ въ сны.

Я помню баюканья бала,
Весь ожилъ старинный нашъ домъ.
И музыка сладко звучала
Въ мечтающемъ сердцѣ моемъ.

Улыбки, мельканья, узоры,
Желанныя сердцу черты.
Мгновенно-сліянные взоры,
Цвѣты и мечты Красоты.

Все было вотъ здѣсь, въ настоящемъ,
Въ волнѣ нарстающихъ силь.
Съ желанною, въ залѣ блестящемъ,
Я въ вальсѣ старинномъ скользилъ.

И чудилось мнѣ, что столѣтий
Надъ нами качался полетъ.
Но мы проносились какъ дѣти,
И поль озарялся какъ ледъ.

И близкое тѣло скользило,
Я иѣжно обѣятіе длю.
Ты любишь?* душа говорила.
Глаза говорили: „Люблю“.

Другъ другу сказали мы взоромъ,
Что тотчасъ мы спустимся въ садъ.
И, связаны тѣмъ договоромъ,
Скользили, какъ тѣни скользять.

Лиши иѣсколько быстрыхъ мгновеній,
И мы отошли оть огней.
Мы въ сумракъ цвѣтушихъ сиреней
Съ знакомыхъ сошли ступеней.

Истройная музыка бала,
И вальса стариннаго звонъ,
Какъ дальняя сказка звучала,
И душу качала, какъ сонъ.

Но ближе, другое влиянье
Слагало свой властный напѣвъ.
Всѣ думы сожгло ожиданье,
И сердце блеснуло, сгорѣвъ.

Въ саду, въ томъ старинномъ, пустынномъ,
Гдѣ праздникъ цвѣтовъ былъ мнѣ данъ.
Подъ свѣтомъ планеть паутиннымъ
Журчаль неумолично фонтанъ.

О, какъ былъ узычивъ тотъ сонный
И вѣчно-живой водоемъ.
Онъ полонъ былъ мысли бездонной
Въ журчаныи безсмертномъ своемъ.

Изъ раковинъ звонкихъ сбѣгая,
И влагу въ лобзаньяхъ дробя,
Вода трепетала, мелькая,
Онъ лился въ себя—изъ себя.

И снова, какъ въ дѣствѣ, свѣтили
Созвѣздья съ нѣмой высоты.
И въ сладостно-дышащей силѣ
Цвѣли многоцвѣтно цвѣты.

Но пряности ихъ аромата
Сказали намъ, съ пѣніемъ водъ,

Что къ прошлому нѣть намъ возврата,
Что новое новымъ живеть.

И пыли такъ сладко свирѣли
Въ себя убѣгающихъ струй,
Что мы колебаться не смѣли,
И влажный возникъ поцѣлуй.

И радостныхъ звѣздъ чарованье
Свѣтилось такъ странно въ тотъ чась,
Что влажное это сліянье
Навѣкъ пересоздало насть.

Я видѣлъ такъ ясно узоры,
Сплетенья, гирлянды планеть.
И чын-то бессмертные взоры
Хранили немеркнущій свѣтъ.

Лелѣя цвѣты міровые,
Межъ звѣздъ проходила Весна.
Въ той ночи прозрачной, впервые,
Я понялъ, какъ влага нѣжна.

Боль, какъ бы ни пришла, приходитъ слишкомъ рано.
Прошли, въ теченыи лѣтъ, еще, еще года.
На шепчущемъ пескѣ ночного Океана
Я въ полночь былъ одинъ, и пѣнилась Вода.

Вставалъ и упадаль прибой живой пустыни,
Рождала отклики на сушѣ глубина.
Былъ тѣмъ же Океанъ отъ вѣка и донынѣ,
Но я не зналъ, о чёмъ поеть его волна.

Въ моемъ сознаніи иныя волны пѣли,
Припоминанія всего, что видѣлъ я.
И чудилась мнѣ мать у дѣтской колыбели,
И чудился мнѣ гробъ, любовь, и смерть моя.

Въ предѣльность точную замкнутыя стремленья,
Паденье, высота, разорванный узоръ.
Все тѣхъ же вѣчныхъ силь все новыя сѣпленья,
Моей души ночной качанье и просторъ.

Но за разорванной и многоцвѣтной тканью
Я чувствовалъ мою—иль не мою—мечту.
Въ концѣ концовъ я радъ—всему—я радъ страданью,
Я нити яркія въ живой узоръ плету.

Но мнѣ хотѣлось знать все содержанье смысла.
Куда же я иду? Куда мы всѣ идемъ?
Скажите, Звѣзды, мнѣ, вы, замыслы и числа,
Вы, волны вѣчныя, чьихъ влажныхъ ласкъ мы ждемъ.

На Небѣ облака, нѣжнѣ мечтаній лѣтомъ,
Въ холодной ясности ночного Сентября,
Дышали призрачнымъ неуловимымъ свѣтомъ,
Какъ бы сознаніемъ прошедшаго горя.

Отъ водъ вставала мгла волнистаго тумана,
И долго я смотрѣлъ на синій небосклонъ.
И вотъ, въ мои зрачки— отъ зыбей Океана
И отъ высотъ Небесъ вошелъ безсмертный сонъ.

Такъ глубока Вода, подъ Небомъ безъ предѣла,
Такая тайна въ двухъ живѣсть, всегда дыша,
Что можетъ утонуть въ ихъ снахъ не только тѣло,
Но и глубокая всезрящая душа.

Изъ легкой водной мглы и изъ сіяній звѣздныхъ,
Изъ нѣжно-зыбкаго воздушнаго руна,
Межъ двухъ бездонностей, и въ двухъ зеркальныхъ
безднахъ,
Возникла призрачно блаженная Страна.

Миръ, гдѣ ни мукъ, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Гдѣ, всѣ, плети узоръ, въ узорность сплетены,

Какъ будто города погибшей Атлантиды,
Преображенныя, возстали съ глубинны.

Домовъ прекраснѣйшихъ возникли миріады,
Среди невиданныхъ фонтановъ и садовъ.
Я зналъ, что въ тѣхъ стѣнахъ всегда лучисты взгляды,
И могутъ все сказать глаза живыхъ, безъ словъ.

Здѣсь каждый новый день быль сказкой, какъ вчераший,
Созданій мысленныхъ, дрожа, росли лѣса.
Здѣсь каждый стройный домъ кончался легкой башней,
И все, что на Землѣ, всходило въ Небеса.

Весь блѣдный, Оксанъ сліялся съ небосклономъ,
Нѣть нежеланаго, ни въ чёмъ, ни гдѣ-нибудь.
Весь Миръ наполнился однимъ воздушнымъ звономъ,
Вселенная была — единый Млечный Путь.

И этихъ блѣдныхъ эпізодъ мерцающія рѣки
Сказали молча мнѣ, какой удѣль намъ данъ.
И въ тотъ полночный часъ я сталъ инымъ на вѣки,
И понялъ я, о чёмъ поеть намъ Океанъ.

Когда устаешь отъ нашей тусклой раздробленной
и некрасивой Современности, радостно уноситься
вспоминаниемъ въ иная страны, въ иная времена.
Быть вольной птицей, пересѣкать крыльями Воздухъ,
побѣждать власть разстояній, и съ прозрачной вы-
соты глядѣть то на горы, то на долины, то на одну
могучую страну, завершеннюю въ своеемъ историче-
скомъ циклѣ, то на другую, у которой было много
построеній, наслоеній, надстроекъ, но которая все
еще любить игру вымысловъ и истинъ, и все еще
живетъ, ибо ткань Жизни неистощима. Великіе на-

роды, завершая свои полные или частичные циклы, превращаются какъ бы въ великия горныя вершины, съ которыхъ, отъ одной верховности къ другой, доносятся возгласы духовъ и волшебныя полосы безтѣлеснаго свѣта, ясно зrimаго для души. Между судьбами народовъ нѣть не только тождества, но и сходства. Глубоко заблуждаются тѣ, которые говорятъ о круговоротѣ и простой повторности цикловъ. Каждый народъ — опредѣленный актеръ съ неповторяющейся ролью, на сценѣ Мирового Театра. Каждая страна есть опредѣленная, и непохожая на другія, горница въ Теремѣ Земныхъ Событій.

Изъ странъ, къ которымъ упорно возвращаются помыслы людей, стремящихся освѣжиться отъ настоящаго въ прошломъ, побѣдительны по своей роскоши три владычицы мечтаній, три хранительницы тайныхъ талисмановъ. Ассирия, Египетъ, Индія,— какъ четки очертанія этихъ обострѣлыхъ царствъ, краснорѣчиво говорящихъ съ мыслю!

Строить зданья, быть въ гаремѣ, выходить на львовъ,
Превращать царей сестрѣнъ въ собственныхъ рабовъ,
Опьяниться повторенiemъ яркой буквы „Я“,
Вотъ Ассирия, дорога истинно твоя.

Превратить народъ могучій въ восходящесть плитъ,
Быть создателемъ загадокъ, сфинксомъ Пирамидъ,
И, достигши граней въ тайнахъ, обратиться въ пыль,
О, Египетъ, эту сказку ты явилъ какъ былъ.

Миръ опутать свѣтлой тканью мыслей-паутинъ,
Слитъ душой жужжанье мошки съ грохотомъ лавинъ,

Въ лабиринтахъ быть какъ дома, все понять, принять,—
Свѣтъ мой, Индія, святыня, дѣвственная мать.

Много есть еще созданій въ мірѣ Бытія,
Но прекрасна только слитность разныхъ „ты“ и „я“,
Много есть еще мечтаній, сладко жить въ бреду,—
Но, уставши, лишь къ родимой, только къ ней приду.

Я думаю, что Индійская Мудрость включаетъ въ себя всѣ оттѣнки, доступной человѣку, мудrosti, многогранность Индійского Ума неисчерпаема, какъ въ природѣ Индіи есть всѣ оттѣнки и противоположности, самыя мертвяя пустыни и самые цвѣтущиye оазисы. Индія—законченная въ своихъ очертаніяхъ Страна Мысли, а въ Мысли есть и Мечта, какъ въ зеленыхъ стебляхъ таятся нераскрытые цвѣты, въ Мысли есть все, поклоненіе Жизни и поклоненіе Смерти, служеніе Солнцу и многообразная поэтизациія всѣхъ нашихъ темныхъ влечений, историческая бури завоевательныхъ убийствъ, и боязнь уничтожить своимъ прикосновеніемъ малѣйшее существо, которое летаетъ и звениетъ, изваянія просвѣтленности, спокойные лики существъ, похожихъ на зеркальные помыслы озера, на сновидѣнія лотоса, и чудовищныя лица свирѣпыхъ божествъ, которые упиваются жестокостью и умерщвлениемъ, всѣ концы, всѣ узлы, всѣ грани, все безгранное, сліяніе всѣхъ малыхъ потоковъ въ одномъ неизреченномъ и безсмертномъ Океанѣ.

Когда я думаю объ Индіи, въ ея прошломъ и въ ея, теперь едва означающемся, освободительномъ

будущемъ, мнѣ кажется, что я чувствую безчисленные крылья въ Воздухѣ.

Но изъ всѣхъ многочисленныхъ мыслей, созданныхъ Индійскимъ Умомъ, всего больше мнѣ нравится—мысль о постоянной связи безконечно-малаго съ Безконечно-Великимъ, и мысль о добровольной жертвѣ, какъ о свѣтломъ пути къ безпредѣльной всемирной радости.

Первая изъ этихъ мыслей символизуется въ моемъ сознаніи то съ Водою, то съ Воздухомъ, вторая—съ самой родной для насъ Стихіей, Землей.

Всего прекраснѣе въ Воздухѣ то его свойство, которое сближаетъ его со всѣми другими Стихіями—единство въ разности, и возможность быстраго перехода отъ одного своего полюса къ другому. Двѣ крайности—и нѣчто третье, соединяющее ихъ своею сущностью. Тройственность двухъ, углубляющая самое пониманіе чего бы то ни было.

Что представляется намъ, когда мы говоримъ о Воздухѣ? Вѣтеръ, вихри, бури, циклоны, огромныя массы быстро движущихся веществъ, нѣчто неизмѣримо-огромное. Воздухъ дѣйствительно таковъ. Но о немъ можно говорить и хрустально-смѣющими звуками дѣтской пѣсенки, или нѣжными напѣвностями дѣвической утренней мечты.

Въ серебристыхъ пузырькахъ
Онъ скрывается въ рѣкахъ,
Тамъ, на днѣ,
Въ глубинѣ,
Подъ водою въ тростникахъ.

Ихъ лягушка колыхнеть,
Или окунь шевельнеть,
Глазъ да глазъ,
Туть сейчасъ
Наступаетъ ихъ чередъ.

Пузырьки изъ серебра
Вдругъ поймуть, что—ихъ пора,
„Буль, буль, буль”,
Каждый — нуль,
Но на мигъ живеть игра.

А вѣять, мѣять, и лелѣять
Едва расцвѣтшіе цветѣтки,
Въ пространствѣ свѣломъ нѣжно сѣять
Ихъ пыль, ихъ страсть, ихъ лепестки,
И сонно, близко, отдаленно,
Струной чутъ слышно звенѣть,
Пожить мгновеніе влюбленно,
И незамѣтно умереть.

Отдѣлить чутъ замѣтную прядь
Въ золотистомъ богатствѣ волосъ,
И играть ей, ласкать, и играть,
Чтобы Солнце въ неѣ ярко зажглось,—
Чтобъ глаза, не узнавши о томъ,
Засвѣтились, расширивъ зрачокъ,
Потому что плѣнительнымъ сномъ
Овѣасть мечту вѣтерокъ,
И, внезапно усиливъ себя,
Пронестись и примчать ароматъ,
Чтобы дрогнуло сердце, любя,
И зажегся влюбленностью взглядъ,
Чтобы ту золотистую прядь
Кто-то радостный вдругъ увидалъ,
И скорѣе бы сталъ цѣловать,
И душою бы весь трепеталъ.

Въ одинъ мигъ, въ одно атомное дѣленіе времени и сознанія мысль уносится безконечно - далеко. Какъ хорошо мчаться путемъ, которымъ проходитъ молнія, проходитъ свѣтъ, проходитъ звукъ, проходитъ мысль, мечта. Отъ играющей въ вѣтеркѣ пряди волосъ, и отъ расширенныхъ зрачковъ, куда можетъ идти душа? Можетъ оставаться воть здѣсь съ другою душой въ тѣсномъ сліяніи,—можетъ, оставшись съ ней въ единствѣ, безъ конца восходить по свѣтлымъ путямъ, къ области тѣхъ нетронутоневѣдомыхъ міровъ, къ которымъ идетъ и тянется нашъ Воздухъ.

Нашъ Воздухъ только часть безбрежнаго Энира,
Въ которомъ носятся бессмертные міры.
Онъ круговой шатерь, покровъ земного міра,
Гдѣ Духи Времени сбираются для пира,
И ткуть калейдоскопъ сверкающей игры.

Равнины, пропасти, высоты и обрывы,
По чьей поверхности проходятъ облака,
Многообразія живые переливы,
Руна завѣтнаго скользящіе извины,
Всльдъ за которыми мечта плыветь вѣка.

Въ долинахъ Воздуха есть призраки-травинки,
Взрастаютъ-таютъ въ немъ, въ единый мигъ, цветы,
Какъ пчелы, кружатся въ немъ блѣдны снѣжинки,
Путями фейными проходятъ паутинки,
И водопадъ лучай струится съ высоты.

Несутся съ бѣшенствомъ свирѣпые циклоны,
Разгульной вольницей ликуютъ взрывы громовъ,
И въ неурочинный часъ гудятъ на башняхъ звоны,

Но посль быстрыхъ грозъ такъ изумрудны склоны
Подъ дѣтскимъ лепетомъ апрѣльскихъ вѣтерковъ.

Чертогомъ радости и міровыхъ сліяній
Сверкастъ радуга изъ тысячи тоновъ.
И въ душахъ временныхъ тотъ праздникъ обаяній
Намекомъ говоритьъ, что въ тысячахъ вліяній
Побѣдно царствуютъ лишь семь первоосновъ.

Отъ предразсвѣтной мглы до яркаго заката,
Отъ бѣлизны снѣговъ до кактусовъ и розъ,
Пространство Воздуха ликующе-богато
Напѣвомъ красочнымъ, гипнозомъ аромата,
Многосліянностью, въ которой все сошлось.

Когда подъ шелесты влюблляющаго Мая
Бѣлѣютъ ландышы и свѣтить углемъ—макъ,
Волна цвѣточныхъ душъ проносится, мечтая,
И Воздухъ, пьяностью два пола сочетая,
Велитъ имъ вмѣстѣ быть—нѣжнѣй, тѣснѣй, вотъ такъ.

Онъ измѣняется, переливасть краски,
Перебирастъ ихъ, въ игрѣ неистощимъ,
И незабудки спять, какъ глазки дѣтской сказки,
И арумъ яростенъ, какъ кровь и крикъ развязки,
И жизнь идеть, зоветь, и все плыветь, какъ дымъ.

Въ Іюльскихъ празднествахъ, когда жнецы и жницы
Даютъ безумствовать сверканіемъ серпа,
Тревожны въ Воздухѣ передъ отлетомъ птицы,
И говорять въ ночахъ одна съ другой зарницы
Надъ страннимъ знаменемъ тяжелаго снопа.

Сжигаютъ молніи но неустанныи руки,
Сгораютъ зданія но вновь мечта ростеть,
Кривою линіей стенаю ходятъ муки,
Но тонуть въ Воздухѣ всѣ возгласы, всѣ звуки,
И снова—первый день, и снова—начать счетъ.

Всего таинственный незримость параллелей,
Передаваемость, сны въ снахъ—и снова сны,
Духъ невещественный вещественныхъ веселій,
Отвѣтность марева, въ душѣ напѣвъ свирѣлей,
Отображенія странъ и звуковой волны.

Въ душѣ ли грезящихъ, гдѣ встала мысль впервые,
Иль въ кругозорностяхъ, гдѣ склепъ Небесъ такъ синъ,
Въ прекрасной разности, они всегда живыя,
Созданія Воздуха, тѣ волны звуковыя,
И краски зыбкія, и таинный храмъ святыни.

О, Воздухъ жизненный! Прозрачность круговая!
Онъ долженъ волынью быть. Когда-жъ его замкнуть,
Въ немъ дышать скрытый гнѣвъ, встаетъ отрава злая,
И, тяжесть мертвую на душу налагая,
Кошмары цѣпкіе невидимо ростутъ.

Но, хоть велика шатеръ любого полуміра,
Хранилище-покровъ двухъ нашихъ полусферь,
Нашъ Воздухъ лишь намекъ на пропасти Эоира,
Гдѣ неразсказанность совсѣмъ иного міра,
Неполовинного, вѣтъ горь и вигъ нещерь.

О, свѣтоносное, великое Пространство,
Гдѣ мысли чудится всходящая стезя,
Всегда одѣтая въ созвѣздныя убранства,
Въ тебѣ міровъ и сновъ беззданно постоянство,
Никѣмъ не считанныхъ, и ихъ считать нельзъ.

Начало и конецъ всѣхъ мысленныхъ явленій,
Воздушный Океанъ эаирныхъ синихъ водъ,
Ты Солнце намъ дашь надъ сумракомъ томлений,
И красные цвѣты въ пожарахъ преступленій,
И въ зеркалѣ морей повторный Небосводъ.

Долго, пристально, самозабвенно смотря на безконечныя видоизмѣненія облаковъ, нарстающихъ

и какъ будто безслѣдно тающихъ, дѣлающихъ
красивыми и некрасивыми, большими и неопределѣ-
ленными, розовыми, красными, багряными, опалово-
нѣжными, свинцово-тяжкими, дымными и слабо-
раскаленными, какъ очень далекое зарево,—начи-
наешь все яснѣе чувствовать, что и всѣ людскіе
лики, и твой собственный ликъ—лишь мгновенно
существующія тучки, которые живутъ—на мѣстѣ
умершаго, и умираютъ—чтобъ дать жить другому.
Намъ трудно помнить всегда о томъ, что пѣтъ 'рѣ.., все
находится въ потокѣ, намъ страшно жертвовать
своимъ спокойствіемъ, недвижностью, своимъ, разъ
принятымъ, ликомъ. Въ этомъ есть смыслъ, потому,
что богъ Покоя—родной братъ богу Движенія. Но,
когда четко помнишь, какъ Вода отдаетъ себя Огню,
и какъ Огонь, безъ устали, до побѣдности, грѣеть
холодные камни, на которыхъ начинаютъ играть
бессмертныя краски, тогда не только не страшно
отдавать свою малую отдѣльную личность неугод-
ливому Великому, но и кажется желаннымъ, страстно
хотется—все мѣнять, и измѣнять, въ себѣ, во имя
цвѣтной Мировой Ткани безъ конца отдаваться
творящему Потоку Жизни.

Есть печальное, красиво-печальное стихотво-
реніе Валерія Брюсова, *У земли*.

Помоги мнѣ, мать земля,
Съ тишиной меня совсмай.
Глыбы черныя дѣли,
Я стучусь къ тебѣ лопатой.

Ты всему живому— мать,
Ты всему живому— сваха.
Перстень свадебный сыскать
Помоги мнѣ въ комьяхъ праха.

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь послѣднимъ бракомъ.
Ты вѣнчашь съ вѣтромъ тиши,
Лугъ съ росой, зарю со мракомъ.

Помоги сыскать кольцо.
Я обѣ немъ безъ слезъ тоскую,
И, упавъ, твое лицо
Въ губы черныя цѣлую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтахъ, на гранитахъ...
Хорошо мнѣ здѣсь лежать
На грядахъ, недавно взрытыхъ.

Я— твой сынъ, я— тоже прахъ,
Я, какъ ты, — звено созданій.
Такъ откуда— страсть и страхъ,
И безсонный бредъ исканій?

Въ синевѣ плыветъ весна,
Вѣтеръ вольно носить шумы...
Гдѣ ты, дѣва-тишина,
Жизнь безъ жажды и безъ думы...

Помоги мнѣ, мать. Къ тебѣ
Я стучусь съ послѣдней силой.
Или ты, въ отвѣтъ мольбѣ,
Обручиши меня съ могилой?

Въ этихъ красиво-покорныхъ строкахъ звучить
чувство, слишкомъ болыно-знакомое каждому, кто
хочеть отъ жизни безмѣрности, Красоты, и воль-

ности, но силой тупого проклятия прикованъ къ навязанной его сознанию убогой дѣйствительности. Но здѣсь есть Талисманъ—добровольная жертва. Жертва — пугающее слово, но въ немъ радостный исходъ. Не о жертвѣ робкой, смиренной говорю я, а о смѣлой жертвѣ съ блестящими зрачками. Освободительно и дивно, когда одинъ встаетъ противъ множества, когда мысль побѣждаетъ вещество.

И не на могилахъ ли цвѣтутъ самыя зеленые травы? Минѣ кажется, что Земля даетъ намъ—свадебное кольцо, и что одежда ея—не черная, а изумрудная.

Земля, я неземной, но я съ тобою скованъ,
На много долгихъ дней, на бездину быстрыхъ лѣтъ.
Зеленый твой просторъ мечтою облюбованъ,
Земною красотой я сладко заколдованъ,
Ты мнѣ позволила, чтобъ жить я какъ Поэтъ.

Межъ тысячи умовъ мой мозгъ образовала
Въ такихъ причудливыхъ сплетеньяхъ и узлахъ,
Что все мнѣ хочется, „Еще!“ твержу я — „Мало!“,
И пытку я люблю, какъ упоенъ бала,
Я быстрый альбатrossъ въ безбрежныхъ облакахъ.

Не страшны смѣлуому безмѣрии усилия,
Шутя перелечу я изъ страны въ страну.
Но въ томъ весь ужасъ мой, что, если эти крылья
Во влагѣ омочу, исполненный безсилия,
Воздушный, неземной, я въ Морѣ утону.

Я долженъ издали глядѣть на эти воды,
Въ которыхъ жадный клювъ добычу можетъ взять,
Я долженъ надъ Землей летать не дни, а годы.

Но я блаженствую, я—лучший сонъ Природы,
Хоть какъ я мучаюсь,—мнѣ некому сказать.

И рыбы блѣдныя, нѣмыя черепахи,
Быть можетъ, знаютъ миръ, безвѣстный для меня.
Но мнѣ такъ радостно застыть въ воздушномъ взмахѣ,
Въ ненасытности, въ поспѣшиности и страхѣ,
Надъ пропастью иочей, и надъ проваломъ дна.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
Сама вѣлья ты, чтобы здѣсь я быль такимъ,
Ты въ пропастяхъ летишь, и я лечу, послушный,
Я страшень, какъ и ты, я чуткій и бездушный,
Хотя я весь душа, и мнѣ не быть другимъ.

Зеленая звѣзда, планета изумруда,
Я такъ въ тебѣ люблю безжалостность твою,
Ты не игрушка, нѣть, ты ужасъ, блескъ, и чудо,
И ты спѣшишь—туда, хотя идешь —оттуда,
И я тебя люблю, и я тебя ною.

Въ раскинутой твоей роскошной панорамѣ,
Въ твоей —нестынущей и въ декабряхъ— Веснѣ,
Въ вертенѣ, въ мастерской, въ тюрьмѣ, въ семье, и въ храмѣ,
Мнѣ вѣчно чудится картина въ дивной рамѣ,
Я съ нею, въ неї, и виѣ, и этотъ сонъ — во мнѣ.

Сказаль, и болѣе я повторять не стану,
Быть можетъ; повторю, я властенъ повторить:
Я предалъ жизнь мою лучистому обману,
Я въ безднахъ міровыхъ нашель свою Свѣтлану,
И для нея кручу блистающую нить.

Моя любовь Земля, я съ неї сплетенъ— для пира,
Легенду мы поемъ изъ звуковыхъ примѣтъ.
Въ кошмарныхъ звѣздностяхъ, въ безмѣрныхъ безднахъ міра,
Въ алмазной плотности бессмертнаго Энира—
Сонъ Жизни, Изумрудъ, Весна, Зеленый Свѣтъ!

Земля, ты такъ любви достойна, за то, что ты всегда иная.
Какъ убѣдительно и стройно все въ глуби глазъ, вся жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы, и лѣса,
Болота, преріи, мареммы, пустыни, Море, Небеса.

Улыбки, шопоты, и ласки, шуршанье, шелестъ, шорохъ, травы,
Хребты безмѣрныхъ горъ во мракѣ, какъ исполинскіе удавы.
Кошмарность ходовъ подъ землею, разсѣлинъ, впадинъ, и пещерь
И храмы въ страшныхъ подземельяхъ, чей страненъ сказочный
размѣръ.

Дремотный блескъ зарытыхъ кладовъ, цѣлебный ключъ въ тюрьмѣ
гранита,
И слитковъ золота сокрытость, что будетъ смытыми открыта.
Паденье въ пропасть, въ мракъ и ужась, въ рудникъ, гдѣ рабъ—
какъ властелинъ,
И горло горного потока, и рядъ овраговъ между стремнинъ.

Въ глубокихъ безднахъ Океана - дворцы погибшей Атлантиды,
За сномъ потопа -новь подъ Солнцемъ, ковчегъ Атлантовъ,
Пирамиды.
Землетрясенія, ужасность —тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоятельная ясность вчера лишь вспаханныхъ полей.

Земля научаетъ глядѣть -глубоко, глубоко.

Тѣлесные дремлють глаза, незримое свѣтится око.
Пугаясь, глядить
На тайну земную.
Земля между тѣмъ говорить:
Ликуй - я ликую.

Гляди предъ собой.
Есть голосъ въ веселомъ Сегодніи, какъ голосъ есть въ
темномъ Вчера.
Подпочва во впадинѣ озера -глина, рухлякъ, перегной,

Но это--поверхностный слой,
Тамъ дно, а надъ дномъ глубина, а надъ глубью волна за
волной.

И зыбится вѣчно игра
Хрустала, бриллиантовъ, сафира, жемчуговъ, янтарей, се-
ребра,
Порождаемыхъ Воздухомъ, Солнцемъ, и Луной, и Землей,
и Водой.

Слушай! Пора!
Будь --молодой!
Все на Земль въ перемѣнахъ, слагай же черту за чертой.

Мысли сверкаютъ,
Память жива,
Звучны слова.
Дни убѣгаютъ,--
Есть острова.

Глубочайшія впадины синихъ морей
Неизмѣнно вблизи острововъ залегаютъ.
Будь душою своей--
Какъ они,
Тѣ, что двойственность въ слитность слагаютъ,
Ночи и дни,
Мракъ и огни.
Мысли сверкаютъ,
Память жива.

Не позабудь острова!

Въ дикой пустынѣ, надъ пропастью водъ,
Нѣжныи оазисъ цвѣтеть и цвѣтеть.
Сномъ золотымъ
Нѣжить игра.
Нынче какъ дымъ--
Станеть Вчера.

Духомъ святымъ,
Будь молодымъ.
Время! Скорѣе! Пора!

Слышу я, слышу твой голосъ, Земля молодая,
Слышно и видно мнѣ все: я—какъ ты.
Слышу, какъ дышутъ ночные цветы,
Вижу, какъ травка дрожитъ, расцвѣтая.

Только мнѣ страшно какой-то внезапной въ душѣ пустоты.—
Что же мнѣ въ томъ, что возникнуть черты?
То, что люблю я, бѣжитъ, пропадая.

Звученъ твой голосъ, Земля молодая,
Ты многоцвѣтна навѣкъ.
Вижу я цветы твой и тайные взоры,
Слышу я стройные струнные хоры,
Голосъ подземныхъ и солнечныхъ рѣкъ,—
Только мнѣ страшно, что рвутся узоры,
Страшно, Земля, мнѣ, вѣдь я Человѣкъ.

Что-жъ мнѣ озера, и Море, и горы?
Вѣчно-ли буду съ одною мечтой?
Юноша страшенъ, когда онъ сѣдой.

Явственно съ горнаго склона я
Вижу, что ты
Не только зеленая.
Въ пурпуръ такъ часто ты любишь рядить
Нѣжность своей красоты,
Красную въ ткани проводишь ты нить.

Ты предстаешь мнѣ какъ темная, жадная,
И неоглядная,
Страшно-огромная, съ этими взрывами скрытыхъ огней,

Вся еще только— намекъ и рожденіе,
Вся— заблужденіе
Быстрыхъ людей и звѣрей,
Еся еще— алчнсть и крики незнанія,
Непониманіе,
Бѣшенство дней и безумство ночей,
Только сгораюс, только канунъ прссвѣтленія,
Еле намѣченный стихъ пѣснопѣнія
Блесковъ святыхъ Откровенія,
Съ царствомъ такого блаженства, гдѣ стонъ не раздастся
ничей.

Да, я помню, да, я знаю запахъ пороха и дыма,
Да, я видѣлъ слишкомъ ясно: Смерть какъ Жизнь непсбѣдима.
Вотъ, столкнулась груда съ грудой, туча съ тучей саранчи,
Отвратительное чудо, ослѣпительны мечи.

Человѣкъ на человѣка, ужасъ бѣшеной погони,
Почва взрата, стукъ копыта, мчатся люди, мчатся кони,
И подъ тяжестью срудй, и подъ яростью копыть,
Звукъ хрустнья, дышутъ люди, счастливъ, кто совсѣмъ убить.

Запахъ пороха и крови, запахъ пушечнаго мяса,
Изуродованныхъ мертвыхъ сумасшедшая гримаса.
Новой жертвой возникаютъ для чудовищныхъ бойницъ
Версины пыльныхъ, грязныхъ, безобразныхъ, потныхъ лицъ.

О, конечно, есть отрада въ этомъ страхѣ, въ этомъ зноѣ,
Благородство безразсудныхъ, въ смерти свѣтлые герон.
Но за ними, въ душномъ дымѣ, паль за темнымъ рядомъ рядъ
Противъ воли въ этой бойнѣ умирающихъ солдатъ.

Добиванье недобитыхъ, разстрѣлянъ дезертира,—
На такой меня зовешь ты праздникъ радостнаго пира?
О, Земля, я слышу стоны оскверненныхъ дѣвъ и женъ,
Побѣженъ мой врагъ заклятый, но побѣдой Я сраженъ.

Помню, помню я другое. Ночь. Неаполь. Сонъ счастливый.
Какъ же все перемѣнилось? Люди стали смертной нивой!
Отвратительно-красивый отблескъ лавы клокоталъ,
Точно чѣмъ-то былъ поддѣланъ между этихъ черныхъ скалъ.

Въ страшной жидкости кипѣла точно чуждая прикраса,
Какъ разорванное тѣло, какъ растерзанное мясо.
Точно пинія вздыпался расползающійся паръ,
Накоплялся и взметался ужасаюїй пожаръ.

Красный, сѣрий, темно-сѣрий, бѣлый паръ, а снизу лава,—
Такъ чудовищный Везувій забавлялся величаво.
Изверженье, изверженіе, въ самомъ словѣ ужасъ есть,
Въ немъ уродливость намековъ, всѣхъ отѣнковъ намъ не счасть.

Въ немъ размахъ, и пьяность, рьяность огневого водопада.
Убѣдительность потока, отвратительность распада.
Тамъ, въ одной сплеленной грудѣ, звѣри, люди и дома,
Пепель, болѣе губящій, чѣмъ Азійская Чума.

Свѣтъ искусства, слово мысли, губы въ первомъ поцѣлуѣ,
Замели, сожгли, застигли лавно-пепельныя струи.
Ненасытнаго удава звенѣя сжали цѣлый міръ,
Здѣсь хозяинъ пьяный —Лава, будуть помнить этотъ пиръ.

Что-же, что тамъ шелеститъ?
Точно шорохъ тихихъ водъ.
Что тамъ грезить —спить не спить,
Наростаетъ и посты?

Беззлагольность. Тишина.
Міръ полноченъ. Все молчитъ.
Чья-же тамъ душа слышна?
Что такъ жизненно звучить?

Голосъ вѣчно-молодой,
Хоть почти-почти безъ словъ.

Но прекрасный, но святой,
Какъ основа всѣхъ основъ.

Перекатная волна:
Но не море. Глубоко
Дышеть жизнь иного сна.
Подъ Луной ей такъ легко.

Это нива. Ночь глядитъ.
Ласковъ звѣздный этотъ взглядъ.
Нѣжныи колосья шелестить.
Всѣ колоссяя шелестить.

Отгибаются, поютъ,
Наклоняются ко сну.
Соки жизни. Вѣчный трудъ.
Кротко льнетъ зерно къ зерну.

Что тамъ дальше? Цѣлыи строй
Неживыхъ -живыхъ стволовъ.
Грозы ягодъ надъ Землей.
Вновь основа всѣхъ основъ.

На тычинкахъ небольшихъ
Затаинная гроза,
Звонкій смѣхъ, и звонкій стихъ,
Мигъ забвенія, лоза.

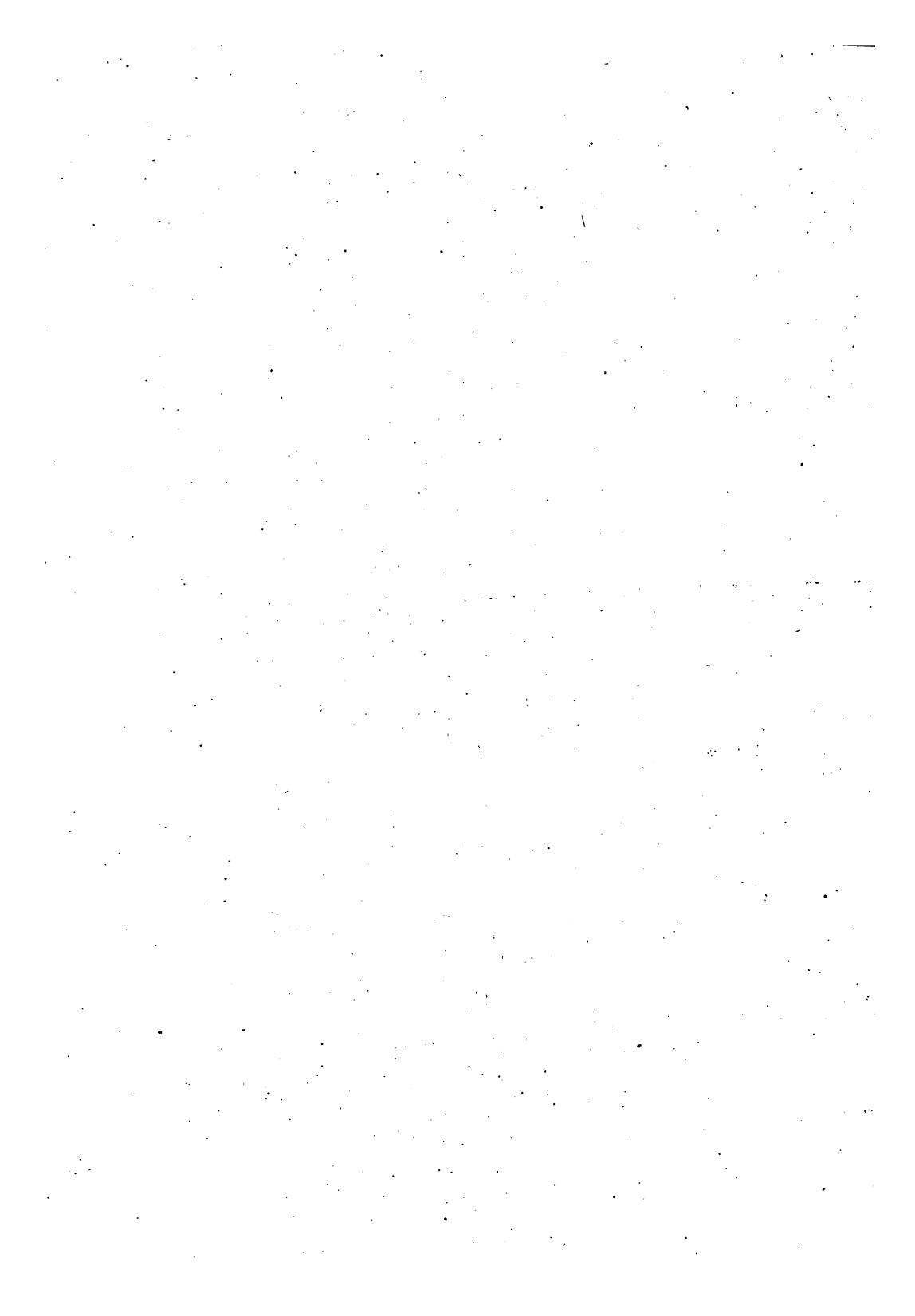
Радость свѣтлая лица.
Звѣзды ласково глядять.
Зрѣеть, спѣеть безъ конца
Желтый, красный виноградъ.

Эти ягоды сорвутъ,
Разомнутъ ихъ, выжмутъ кровь.
Весель трудъ. Сердца поютъ.
Въ жизни вновь живеть Любовь.

О, побѣдное зерно,
Гроздья ягодъ бытія!
Будеть бѣлое вино,
Будеть красная струя!

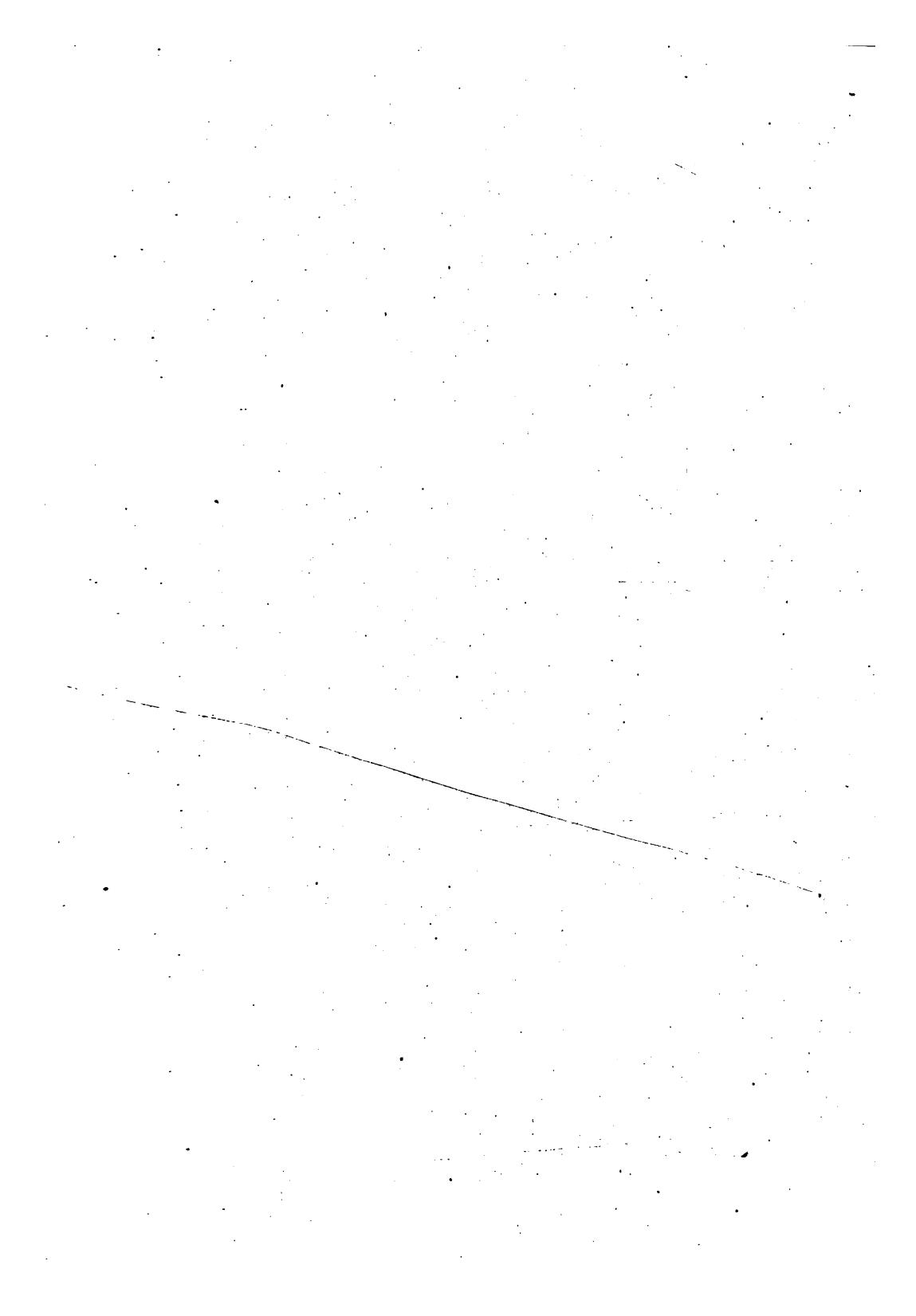
Протечеть за годомъ годъ,
Жизнь не можетъ не спѣшить.
Только колосья не пройдетъ,
Только гроздья будуть жить.

Не окончатся мечты,
Всѣмъ засвѣтится Весна!
Литургія Красоты
Есть, была, и быть должна!

Пъвецъ личности и жизни

(Уолтъ Уитманъ)

Мнѣ всегда казалось интереснымъ, что на извѣстной ступени сознанія, на извѣстномъ уровнѣ чувствованія, совсѣмъ различныя души, или души лишь схожія отдаленно, могутъ выражаться вполнѣ тождественно. Есть незримые острова, которые на каждого глянутъ одними и тѣми же очертаніями, если человѣкъ пройдетъ извѣстные пути.

„Безъ покрова печали мнѣ никогда не являлось божественное въ жизни“, говоритъ мало у насъ извѣстный, но замѣчательный нѣмецкій поэтъ Ленау, авторъ превосходнаго Фауста. „Красота какого бы то ни было рода, въ высшемъ ея развитіи, неизмѣнно возбуждаетъ впечатлительную душу до слезъ“, говоритъ Эдгаръ По. „Melancholy,“—дбавляетъ онъ, „печаль, есть такимъ образомъ наиболѣе законное изъ всѣхъ поэтическихъ настроеній“.

Если бы я сталъ отыскивать формулы красоты въ словахъ другихъ большихъ и великихъ поэтовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, я могъ бы привести цѣлый рядъ опредѣленій, совпадающихъ съ формулой Ленау и Эдгара По, съ формулой, устанавливающей тѣсную неразрывную связь между красотой

и печалью. Но не беря простыя словесныя определенія, а обращаясь къ міру незабвенныхъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ изысканными душами поэтовъ, не видимъ ли мы, на самомъ дѣлѣ, неуклонное стремленіе творческой фантазіи связывать лучшія свои достиженія съ ощущеніемъ душевной боли? Почему мы любимъ Библію, Эсхила, Софокла, почему намъ дороги Шекспиръ и Данте, Гете и Байронъ, Левъ Толстой и Достоевскій? Вспомните. Мы любимъ ихъ за красивую боль, которую они намъ причинили и продолжаютъ причинять. Проклинающій небо Іовъ, съ исполнинской пронзенной душой, вопіющей о неправедностяхъ міра; окровавленный Апостоль человѣчества, Прометей, прикованный къ скалѣ; мучительный Эдипъ, осльпленный за чрезмѣрную свою зоркость; царственный Макбетъ и сомнамбула леди Макбетъ, дваочные призрака, окруженные дьявольскимъ ореоломъ изъ красныхъ цвѣтовъ; тоскующій Гамлетъ и утопленница Офелія; трагические лики Антонія, Лиры, Корделіи, Клеопатры, Дездемоны; сраженные однимъ ударомъ, Паоло и Франческа, въ ураганѣ, врачающіемъ призраки преступной любви; Грэтхенъ, на тюремномъ полу, дѣвшка, заплатившая за любовь плахой; таинственный Манфредъ, съ душою, исполненной міровыхъ воплей; чарующая Анна Карапина, бросившая свое любившее тѣло подъ поѣздъ; полубезумные, страшные, своей болью влекущіе, своей уродливостью маниящіе и завлекающіе облики Карамазовыхъ и Раскольникова, Рогожина и Сви-

дригайлова, и Грушеньки, и Насти, этихъ женщинъ съ кошачьей, съ пантерной душой; все боль и боль, нагроможденье боли, преступность, меланхолія, мракъ, темный покровъ печали, усъянный свѣтыми пятнами, черный ночной небосводъ, красивый своими провалами, пьянящій страшной бездонностью своихъ междузвѣздныхъ пространствъ.

Великіе поэты, стремясь къ созданью красоты, и желая чарами поэзіи подчинить себѣ души людей, обращаются къ области печали, какъ къ области наиболѣе имъ надлежащей, и доставляющей имъ наиболѣе вѣрныя средства достигать художественной побѣды, создавать гипнотизирующія чары.

И потому въ огромномъ большинствѣ поэты являются пѣвцами боли, утраты, и смерти, а не пѣвцами жизни, утра, и достиженья. О, насколько легче вращаться въ области печали! Чтобы выражать ее, у насъ есть скрипки флейты, инструменты нѣжные, какъ мягкие тона зимней лунной ночи и лѣтняго разсвѣта въ лѣсу. Чтобы выражать ощущеніе достоинства женія, чтобы могъ раздастся утвердительный звонъ жизни и жизнерадостной личности, у насъ нѣть почти ничего, кроме трубъ, и боевого рога, и вслны барабанного боя. Но, если трудность достиженія усиливаетъ цѣнность достигнутаго, мы вдвойнѣ, вдесятернѣ, должны цѣнить тѣхъ поэтовъ, которые сумѣли дать намъ образцового созданья, отмѣченныя не печатью красивой печали, а нѣжнымъ румянцемъ молодого лица, которому хочется жизни и жизни. Великіе творцы-поэты срываются

и падаютъ, когда задаются желаньемъ создать красоту не въ печальныхъ покровахъ, а въ веселой одеждѣ. Типичный поэтъ радости и жизни, Уильямъ Уордсуортъ, въ девяти десятыхъ своего творчества просто нестерпимъ и пошлъ. Гете скученъ въ своимъ идилляхъ. Добродѣтельныя заключенія многихъ драмъ Шекспира могутъ вызывать въ насъ чувство негодованія. Данте безцвѣтенъ въ доброй части своего Ра я. Два положительные типа Достоевскаго, Алеша и Соня, потому насы и влекутъ, что первый утонченъ до ненормальности, а вторая ненормальна до утонченности. Самъ великий Толстой, которому на міровомъ состязаніи геніевъ Судьба присудила львиную долю добычи, впадаетъ въ плоскость, когда замышляетъ быть художникомъ радостной жизненности.

И потому, говорю я, вдвойнѣ мы должны цѣнить великихъ пѣвцовъ жизни. Изъ нихъ мнѣ кажутся главными, и не только главными, но и единствено-великими, Англійскій утонченный Аріэль, Шелли, и могучій, какъ грубое узлистое дерево, сильный, какъ старый вязъ, бардъ свободной Америки, Уольть Уитманъ.

Русская публика приблизительно знаетъ, что такое Шелли, но въ подавляющемъ большинствѣ она не только не знакома съ поэзіей и жизнью Уольта Уитмана, а даже не знаетъ его имени. Виѣшнимъ образомъ это обстоятельство можетъ быть въ значительной степени объяснено тѣмъ, что Уитманъ въ своемъ творчествѣ совершиенно поры-

ваетъ съ обще-Европейскими литературными формами, и совсѣмъ не имѣть тѣхъ общедоступныхъ элементовъ красивости, которые легко привлекаютъ къ себѣ большую публику. Внутреннимъ образомъ—онъ черезчуръ усложненъ, отвлечененъ, и, кромѣ того, онъ слишкомъ много ввелъ въ свои стихи элементовъ чисто-Американскихъ, мѣстныхъ. Притомъ же онъ написалъ, строго говоря, одну только книгу, книгу стиховъ, *Leaves of Grass*, Листья травы, Побѣги травы. Но этой своей книгой и всей своей жизнью, въ которой мечта слита съ дѣйствительностью, Уитманъ далъ образецъ новаго человѣка, всеобъемлющаго человѣка второй половины XIX-го столѣтія. Онъ слилъ воедино элементъ литературный, политическій, религіозныій, съ элементомъ чисто-жизненной дѣйственности, глубокая душа соединилась здѣсь съ красивымъ сильнымъ тѣломъ, безстрашіе мысли съ безстрашіемъ дѣйствія, все это существо справедливо взяло своимъ символомъ побѣги травы,—зеленое сильное стремленіе, окруженнное воздухомъ, цѣпко ухватившееся за родную землю, но смѣло глядящее на далекое Солнце.

Изъ Американскихъ поэтовъ Русской публикѣ особенно пришелся по душѣ Эдгаръ По. Но у Эдгара По глубокая утонченная аристократическая душа. Тутъ можно припомнить поучительную исторію. Въ Оксфордѣ, въ этомъ старинномъ университетскомъ городѣ, въ умственной столицѣ Англійскихъ созерцательныхъ душъ, при многихъ домахъ,

и при всѣхъ коледжахъ существуютъ, прекрасные газоны съ поразительно-нѣжной зеленью. Въ одномъ изъ такихъ скверовъ нѣкая Американская лэди спросила садовника, какимъ образомъ лужайка можетъ быть доведена до такого удивительного совершенства, до такой безукоризненной изумрудности газона. Отвѣтъ былъ слѣдующій: „Если вы будете укатывать ее и орошать правильно втеченіе приблизительно трехъ столѣтій, вы получите совершенство такіе же результаты“. Эдгаръ По, хотя и Американецъ, былъ истиннымъ джентльмэномъ изъ Оксфорда, съ его чудными библіотеками, съ его сѣдыми коледжами, съ его перезвонами башень, съ печальными тѣнистыми аллеями изъ тысячелѣтнихъ деревьевъ, и съ роскошными парками, гдѣ каждый день, въ строго-опредѣленномъ порядке, раскрываются новые цвѣты.

Уольть Уитманъ, напротивъ, является хаотически юной необузданной и недисциплинированной душой, для которой все вновѣ, для которой Мірозданіе началось только сегодня,убѣдительно только сегодня, заманчиво, цѣнно, при всѣхъ своихъ спутанностяхъ, только сегодня. Онъ любить всѣхъ, онъ любить все. Его впечатлительность неразборчива и прожорлива, какъ допотопный Левіафанъ. Но, какъ допотопное грунтовое и грозное чудовище, онъ переносить насъ къ утру Мірозданія, и даетъ намъ ощущеніе огромныхъ творческихъ пространствъ Земли и Воды.

Уольть Уитманъ воспѣваетъ личность, берущую

все изъ прошлаго, что было въ нѣмъ сильнаго, но лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать свой день единственнымъ по силѣ новизны. Кто дѣйствительно живеть въ своей жизни, тотъ не можетъ не ощущать, что до него какъ будто и не было жизни, были лишь приближенія.

Я говорю, что никто еще не былъ наполовину достаточно благоговѣйнымъ,
Наполовину никто не молился достаточно, не обожалъ,
Думать не началъ никто, какъ божественъ онъ, и какъ вѣрно
грядущее.

Уольтер Уитманъ чувствуетъ себя пѣвцомъ сильной личности, и своего ненасытно-стремящагося народа, исполненнаго ощущеній свободы,— своей молодой страны, хаотически рвущейся къ массовымъ созданьямъ новыхъ формъ жизни. Чувствуя себя новымъ, онъ отбрасываетъ старое, и прежде всего, будучи поэтомъ, онъ отбрасываетъ старую форму стиховъ.

Прочь эти старыя сказки!
Прочь эти повѣсти, замыслы, драмы дворовъ чужестранныхъ,
Прочь эта сахарность риѳмъ въ любовныхъ стихахъ,
Съ интригами, съ праздною сѣтью любовей.

Для юной кряжистой натуры, жаждущей новаго творчества, и любящей стукъ топора въ лѣсахъ, гдѣ еще не ступала нога человѣка, заманчивость жизни не въ тѣхъ очаровательностяхъ, которыя влекутъ усталыя души въ голубые и нѣжно-палевые салоны, съ утонченной мебелью, и съ блѣдными картинами, полными смягченныхъ тоновъ.

**Уольть Уиттианъ воспѣваетъ простое сильное
„Я“ молодой расы.**

Одного воспѣваю я, личность, простую, отдаленную,
Но слово мое для Народа, мой лозунгъ - для всѣхъ.
О тыѣ живущемъ пою, съ головы и до ногъ.
Не только лицо и мозгъ
Достойны, сказала мнѣ Муза,
Ова мнѣ сказала, что умного достойнѣе Форма въ своемъ
завершенни.
И Женщину я наравни воспѣваю съ Мужчиной.
О жизни безмѣрной въ бѣсны, во власти и страсти,
Веселой, для вольныхъ дѣяній
По законамъ божественнымъ созданной,
Я пою.
Человѣка пою Нашихъ Дней.

Человѣкъ божествененъ, говоритъ Уольть Уиттианъ. Если онъ не видить божественности въ себѣ, и въ своихъ собратьяхъ, онъ не найдетъ ее нигдѣ въ мірѣ. Въ стихотвореніи Къ вамъ онъ говоритъ:

Я оставлю всѣхъ и приду и создамъ я гимнъ о васъ:
Никто васъ не понялъ, но я понимаю васъ;
Никто справедливъ стъ вами не былъ - вы сами съ собой спра-
ведливыми не были;
Васъ находилъ несовершенныиѣ каждый;
Несовершенства въ васъ не нашелъ только я.
Всякій хотѣлъ подчинить васъ; одинъ только я никогда
Не соглашусь подчинять васъ.
Не помѣщаю надъ вами лишь я господина, и собственника,
Лучшаго, Бога, того, что за гранию живущаго внутренно въ васъ.
Живописцы писали роями кишашія группы,
И фигуру центральную всѣхъ,

И вкругъ головы центральной фигуры ореолъ златоцвѣтнаго
Но я пишу мириады головъ, [свѣта.
Ни одной головы безъ ся ореола лучей златоцвѣтнаго свѣта,
Отъ моей онъ стремится руки, и изъ мозга всѣхъ женщинъ,
Истекаетъ сіяніемъ всегда. [любого мужчины,

Такъ любя современаго новаго человѣка, освобожденаго отъ рабскихъ путь, Уольть Уитманъ создаетъ, одинъ за другимъ, гимны душѣ и тѣлу. Онъ не разрываетъ брата съ сестрой, онъ всегда чувствуетъ плѣнительную безпрерывность мистического брака матери и духомъ, вещества съ душой. Не всегда возможно процитировать какой-либо изъ самыхъ его существенныхъ, поразительно-смѣлыхъ гимновъ человѣческому тѣлу, гдѣ онъ воспѣваетъ каждую часть нашего тѣла, въ каждой части видить красоту, и воспѣваетъ каждый моментъ человѣческой страсти. Но я приведу здѣсь пре- восходное его стихотвореніе Ласка орловъ, гдѣ поэзію влюбленной тѣлесности онъ переносить въ воздушную область вѣтровъ и летящихъ крыльевъ, даетъ намъ видѣть, какъ прекрасны птицы въ воздухѣ.

Идя вдоль рѣки по дорогѣ (это утромъ мой отдыхъ, прогулка),
Я въ воздухѣ, тамъ, ближе къ небу, заглушенный услышалъ звукъ.
Внезапная ласка орловъ, любовная схватка въ пространствѣ,
Сплетеніе вмѣстѣ высоко, сомкнутые сжатые когти,
Вращеніе, бѣшенство, ярость живого вверху колеса,
Четыре могучихъ крыла, два клюва, същеніе массы,
Верченіе, круженье комка, разрывы его и увертки,
Прямое паденіе внизъ, покуда, застывъ надъ рѣкою,
Два вмѣстѣ не стали одно, въ блаженномъ мгновеніи затишия

Воть, въ воздухѣ медлять они въ недвижномъ еще равновѣсии, —
Разлука, и втянуты когти, и воть они, медленно, снова
На крѣпкихъ и вѣрныхъ крылахъ, вкось, въ разномъ отдѣль-
Летяты, онъ своею дорогой, своею дорогой она. [номъ полетъ

Въ любви къ тѣлу Уитманъ не останавливается на одномъ только строѣ явленій. Онъ слишкомъ художникъ, чтобы любить только женское тѣло. Истинно-видящій глазъ видить все. Красота мужчины плѣняетъ этого поэта не менѣе, чѣмъ красота женщины. Онъ касается тонкихъ, страшно-тонкихъ струнъ нашей души, идущей въ извѣстная мгновенія созерцательности слишкомъ далеко, по дорогамъ, уводящимъ къ необычному, къ невыработанному, къ неосуществленному. У людей Эпохи Возрожденія это чувство имѣеть болѣе утонченный и, быть можетъ, болѣе извращенный характеръ, чѣмъ у современаго Американскаго поэта. Въ созданіяхъ Микель Анджело тѣла женщинъ отличаются не столько женственностью, сколько мужественной красотой, даютъ намъ типы женщинъ съ какой-то другой планеты, куда не чувствуетъ тяготѣнія никто изъ ощущающихъ истинное очарованіе женственности. Въ геніальныхъ рисункахъ Леонардо да Винчи мы видимъ упорно повторяющійся ликъ юнаго андрогина, тоже существо не нашей планеты, болѣе влекущее, но говорящее о томъ мірѣ чувствованій, гдѣ все окутано змѣиною зыбкостью, исполнено невѣрныхъ очертаній, намековъ на что-то орхидейное, тепличное, душистое, и удушливое. Въ знаменитомъ стихотвореніи Уитмана *Мой образъ*

Земля, насть волнуетъ и страшитъ подобная же змѣиная уклончивость и недоговоренность, но въ то же время мы чувствуемъ нѣчто первобытно-сильное, понятое въ силу своей рельефности, допустимое въ силу своей могучести.

Нужно сказать также, что въ данной области Уитманъ очень осторожно вводить элементъ чувственности, и не этотъ элементъ въ такихъ гимнахъ господствуетъ. То, что ему настойчиво снится, это поэзія товарищества, поэзія какъ бы нѣкоторой идеальной Запорожской Сѣчи, дружины, гдѣ всѣ други, въ смыслѣ красоты чувства и личности.

Миѣ снислось во снѣ, что я вижу невѣдомый городъ,
Непобѣдимыѣ, хотя бѣ на него и напади всѣ царства земли,
Снился миѣ новый городъ Друзей,
Самымъ высокимъ тамъ - качество было могучей любви,
Выше ничто, и за неї все идетъ остальное,
Зрима была она ясно мгновеніе каждое,
Въ дѣйствіяхъ жителей этого города,
Въ ихъ взорахъ, во всѣхъ ихъ словахъ.

Но, во всякомъ случаѣ, до Уитмана не было такого смѣлаго, такого беззавѣтнаго, и такого всеобъемлющаго пѣвца человѣческаго тѣла.

Уольть Уитманъ—пѣвецъ и человѣческой души, и человѣческаго тѣла, этого естественаго нашего храма, который мы оскверняемъ своимъ непризнаніемъ, уродуемъ не видя его божественности. Мы приижаемъ наши ощущенія, усматривая косымъ окомъ грѣхъ и низменность тамъ, гдѣ есть только утро страсти, гармонія возрождающаго генія, блаженство

забытья, отъ котораго блѣднѣютъ лица до превращенія ихъ въ лики неземные, и расширяются зрачки, какъ ростутъ, расширяясь, звѣзды отъ прозрачности чистаго воздуха въ предѣлахъ пламенного Юга.

Что-то въ лучшемъ смыслѣ библейское, и что-то, одновременно, утонченное, дошедшее до насъ изъ дней грядущихъ, слышится въ такомъ тѣлесномъ гимнѣ Уитмана:

Какъ Адамъ раннимъ утромъ,
Выхожу изъ ночной я бесѣдки, освѣженный сномъ,
Глядите, какъ я прохожу, услышьте мой голосъ, приблизьтесь,
Прикоснитесь ко мнѣ, прикоснитесь ладонью руки
До тѣла, пока прохожу я,
Не бойтесь, не страшно
Тѣло мое!

Человѣкъ есть мѣра Вселенной. Великія слова, которая должно выжечь сознаніемъ въ своей душѣ. Начертать на пергаментѣ мысли эти острыя письмена. Занести ихъ красками нѣжными на волнующихся тканяхъ перемѣнчивой мечты.

Что особенно плѣняетъ въ Уольтѣ Уитманѣ, какъ человѣкъ и поэтъ, это великая сложность простоты, очарованье и простота истинно-сложнаго природнаго явленія. Зерно, изъ котораго пробивается ростокъ, и ростокъ вырастаетъ въ стебель, и стебель превращается въ стволъ, покрытый боковыми побѣгами, и стволъ утолщается, кругъ вырастаетъ за кругомъ, и пышная листва шумитъ, и шелеститъ, и зеленѣеть, и на вѣткахъ, одѣтыхъ рукою Весны, дышутъ цветы, и въ лиственій чащѣ поютъ смѣ-

лымъ голосомъ птицы, а выше, тамъ выше,—что это,—Небо, облака, безбрежность жизни, безграничность красоты.

Поэть съ тѣломъ гладіатора, съ гармоничнымъ лицомъ красиваго звѣря, полнаго природныхъ силъ, Уитманъ былъ однимъ изъ тѣхъ отошедшихъ первородныхъ людей, которые проводили цѣлые дни, недѣли, и мѣсяцы въ лѣсахъ и степяхъ, на охотѣ, и прижимали ухо къ землѣ, чтобы слышать отдѣленійшіе шумы и ропоты. Отецъ Уольта Уитмана былъ плотникомъ, и въ стихахъ его сына мы чувствуемъ удары топора. Его мать была по происхожденію Голландкой, и въ поэзіи Уитмана мы такъ часто видимъ, столь свойственное Голландцамъ и Фламандцамъ, преклоненіе передъ непосредственнымъ, передъ красотой, воплощающейся ежеминутно въ нашей повседневности, ненасытное обожаніе дѣйствительности. Большую часть своихъ поэмъ Уитманъ написалъ на открытомъ воздухѣ. Цѣлые мѣсяцы, цѣлые годы онъ провелъ такъ, что постоянно ъздила верхомъ, катался въ лодкѣ, ходилъ на огромныя разстоянія пѣшкомъ, *вбирая въ себя* поля, берега, морскія пространства, события, характеры, прохожихъ, фермы, города, безконечность городовъ. По цѣлымъ часамъ, обнаженный, онъ бродилъ по плотному приморскому песку, и подъ крики чаекъ читалъ нараспѣвъ Гомера и Шекспира. Въ простой одеждѣ онъ входилъ въ ряды рабочихъ и говорилъ, и не только смотрѣлъ, и не только слушалъ, но видѣлъ и слышалъ. Онъ

посещалъ плавильни, лавки, мельницы, бойни, фабрики, заводы, корабельные доки, онъ приходилъ на свадьбы, на крестины, аукціоны, бѣга, и гонки. Онъ зналъ каждого омнибуснаго кондуктора въ Нью-Йоркѣ. И никакую сцену природной красоты, ни яблони въ цвѣту, ни лилейный кустъ, гдѣ каждый листъ есть чудо, ни широкій воздухъ, ни заходящее Солнце, ни благовонный вѣтерокъ, напоенный дыханіемъ травъ, онъ не любилъ такъ, какъ людныя улицы гигантскаго Нью-Йорка, съ ихъ „неисчислимymi глазами“. Уитманъ былъ читатель душъ людскихъ. Онъ былъ звѣздочетъ людскихъ глазъ.

Сказать, что онъ былъ демократъ и прѣвецъ Демократіи, это значитъ дать незнающему невѣрное ощущеніе. Ничего не говорить намъ, несвѣдущимъ, это затаинаное слово. Уитманъ былъ на твой глубоко-религіозной, въ истинномъ смыслѣ этого понятія. Онъ лелѣялъ въ душѣ своей неистощимый запасъ способности преклоненія, восхищенія, обоготворенія, иѣжнаго благоговѣнія. Эта способность вся была устремлена на жизнь. Этотъ сильный человѣкъ твердо стоитъ на землѣ, и говорить: „Люблю Землю“. Демократію Уитманъ разсматриваетъ, главнымъ образомъ, не какъ политическое явленіе, а скорѣе какъ форму религіознаго энтузіазма. Вольный союзъ мыслящихъ личностей, гдѣ каждый гармонично выдѣляеть изъ себя магнетизмъ—тѣмъ, что онъ силенъ, здоровъ, и свободенъ.

Какое сильное проявленіе такого магнитическаго

тока могъ осуществлять онъ самъ, видно изъ слѣдующаго маленькаго событія. Въ одномъ изъ глухихъ закоулковъ Бостона онъ случайно встрѣтилъ уличнаго бродягу, котораго зналъ когда-то невиннымъ ребенкомъ. Теперь это былъ взрослый юноша, искушившійся въ порокѣ, онъ только-что бѣжалъ изъ Канады отъ преслѣдованія полиціи, и черты его лица, на которомъ была неотрицаемая печать грѣха, носили еще слѣды отъ недавней кровавой свалки въ Нью-Йоркѣ, гдѣ, какъ полагалъ онъ, онъ кого-то убилъ. Бродяга быстро рассказалъ все это Уольту Уитману, побужденный на полную откровенность именно добротой и полной чистотой Уольта Уитмана, той нѣжностью, которая, въ силу своей тонкости, любить всѣхъ и все. Уитманъ далъ ему, что могъ, изъ своихъ денегъ. И, прощаюсь, на мгновеніе отъ охватилъ своей рукою его шею и, наклонившись къ этому ужасному, избитому, преждевременно-старому лицу отверженца, онъ поцѣловалъ его въ щеку, и этотъ загнанный бродяга, быть можетъ впервые въ своей низкой жизни встрѣтивъ такой солнечный знакъ любви и состраданія, поспѣшно удалился съ рыданьями, глубоко потрясенный.

Человѣкъ съ такою душой, могъ написать строки, носящія названіе Къ тебѣ.

Незнакомецъ, коль ты, проходя, повстрѣчашь меня,
И со мной говорить пожелаешь,
Почему бы тебѣ не начать разговора со мной?
Почему бы и мнѣ не начать разговора съ тобою?

Какимъ тонкимъ чувствомъ успокоенія и обще-человѣческой близости вѣеть отъ этихъ немногихъ словъ! Уитманъ маниемъ руки превращаетъ сложный міръ, гдѣ страшно и холодно, въ большую, но уютную комнату, гдѣ глаза безъ страха глядятъ въ глаза, и рука невольнымъ и легкимъ жестомъ прикасается къ другой рукѣ, не чужой, но уже родной.

Въ этомъ смыслѣ Уитманъ настоящій чаровникъ. Въ двухъ-трехъ словахъ онъ умѣеть дать намъ извѣстный толчокъ, устремить нашу душу въ мечтанье, и вызвать мгновенную картину.

Кто умѣлъ говорить такъ кратко?

КРАСИВЫЯ ЖЕНЩИНЫ.

Женщины ходять, сидять, молодыя и старыя,
Молодыя красивыя красивѣе старыя юныхъ.

СТАРЫЕ ЛЮДИ.

Я вижу въ вѣсѣ устье рѣки, что ростеть, расширяется,
Вливаюсь въ великое море.

МАТЬ И ДИТЯ.

Я вижу, дитя задремало, какъ въ гнѣздѣ, на груди материнской,
Мать и ребенокъ спятъ — о, долго я ихъ изучаю.

КАРТИНА ФЕРМЫ.

Гумно, открыта дверь широкая овина,
И видно пастбище, на немъ рогатый скотъ,
Пасутся лошади, подъ солнечнымъ сияньемъ,
А тамъ туманъ, и ширь, и дальний горизонтъ.

О комъ бы ни заговорилъ Уитманъ, онъ чувствуетъ неразрывную съ нимъ связь. Онъ говоритъ о первоздателяхъ, которыми движется человѣческая исторія. Онъ чувствуетъ себя однимъ изъ этихъ избранныхъ, онъ чувствуетъ себя бойцомъ, затѣявшимъ великую сложную битву.

Когда размышлялъ я въ молчаныи,
Къ по^Эдамъ моимъ возвращаясь, и думая, медля такъ долго,
Призракъ предсталь предо мной недовѣрчивый съ виду,
Страшный въ своей красотѣ, возрастѣ, власти,
Гечій пѣвцовъ старыхъ странъ,
Ко мнѣ обращая глаза подобные пламени,
Своимъ указуя перстомъ на многія пѣсни безсмертныя,
Что поешь?" угрожающимъ голосомъ мнѣ онъ сказалъ,
Иль не знаешь, что есть лишь единственный замыселъ
Для бардовъ живущихъ вовѣкъ?
Говорить о Войнѣ, о превратностяхъ битвъ,
Совершенныхъ готовить бойцовъ!"

Но вотъ онъ, чей духъ такой боевой, слышитъ

какую-то пѣвицу, просто дѣвушку или женщину, которая поетъ какую-то пѣсню, и полный отклика на все, онъ отдаетъ ей свои привѣтственные слова.

КЪ НѢКОТОРОЙ ПѢВИЦѢ.

Вотъ, возьми этотъ даръ,
Я его сохранилъ для героя какого-нибудь,
Для оратора, для полководца,
Для кого-нибудь, кто бы служилъ
Доброму старому дѣлу,
Великой идеѣ, росту и вольности расы,
Какомунибудь храбрецу, что смотрить тиранамъ въ глаза,
Какому-нибудь дерзновенному,
Понявшему слово матежъ;
Но я вижу теперъ то, что я сохранилъ,
Тебѣ надлежитъ, какъ любому.

Онъ весенний, онъ мальчикъ, задорный мальчишка съ другимъ столь же юнымъ мальчишкой,
исполненнымъ смѣха Весны.

Мы двое мальчишекъ, другъ къ другу мы льнемъ,
Другъ друга не бросимъ, и вмѣстѣ идемъ,
Направо, налево, на Югъ, и на Сѣверъ;
Мы сильны, и локти умѣемъ разставить,
И пальцы умѣемъ сжимать.
Оружіе съ нами, и нѣть съ нами страха,
Ѣдимъ мы, и пьемъ мы, и спимъ мы, и любимъ,
Одинъ намъ законъ есть, законъ тотъ мы сами,
Пловцы мы, солдаты, разбойники, воры,
Въ тревогѣ всѣ скряги, вся челядь, попы.
Мы воздухъ вдыхаемъ, пьемъ свѣтлую воду,
Мы пляшемъ на дернѣ зеленомъ и взморѣ,

Беремъ города, презираемъ покой,
Хохочемъ, смеемся надъ сводомъ уставовъ,
И слабость мы гонимъ, — что нужно, беремъ.

Чувство единенъя съ людьми возрастаетъ, и его
мечта охватываетъ далекія пространства.

Въ это мгновеніе, когда я одинъ полонъ мысли и грусти,
Кажется мнѣ, что другое есть люди тамъ въ странахъ другихъ,
Также какъ я одинокіе, полные грусти и мысли,
Кажется мнѣ, что гляжу я и ясно ихъ вижу,
Всюду, въ Германіи, Франціи, или Италіи,
Вижу въ Испаніи, дальше, въ Китаѣ, въ Россіи,
Рѣчь ихъ другая, и кажется мнѣ, что, когда бы
Могъ я узнать ихъ, я такъ же бы къ нимъ привязался,
Какъ я привязанъ къ живущимъ въ краяхъ мнѣ родныхъ,
Знаю, мы были бы братьями, были бы друзьями,
Знаю, навѣрно я счастье бы съ ними узналъ.

Это чувство гармонической связи съ живымъ
возрастаетъ до обожествленія того, о чёмъ ду-
маешь. Свѣтлой толпой возникаютъ новые боги,
новые въ старомъ, и вѣчные.

Любовникъ божественный, безупречный Товарищъ,
Ждущий, незримый еще, но вполнѣ достовѣрный,
Будь моимъ Богомъ.
Ты, ты, о, Совершенный Человѣкъ,
Способный, свѣтлый, и красивый,
Довольный, любящій,
Широкій въ духѣ, завершенній въ тѣлѣ,
Будь моимъ Богомъ.
О, Смерть (ибо Жизнь свой чередъ отслужила),
Открыватель, привратникъ жилища небеснаго,
Будь моимъ Богомъ.
Сильнейшее, и лучшее, что вижу,

Что знаю, постигаю (чтобъ разрушить
Оковы водь стоячихъ, и тебя,
Освободить, Душа),
Будь моимъ Богомъ.
Всѣ помыслы великие, стремленья
Народовъ, всѣ геройскія дѣянья,
Свершенья восхищенныххъ, просвѣтленныхъ,
Будьте моими Богами.
Иль Время и Пространство,
Иль форма дивная божественной Земли,
Иль что-нибудь красивое, на что я
Гляжу, дивясь,
Или лучистый обликъ солнца,
Или звѣзда въ ночи,
Будьте моими Богами.

Подходя къ смерти, этотъ поэтъ видѣть въ ней
не то, что видѣть масса людей. Онъ слишкомъ
явно ощущаетъ свое и чужое бессмертие.

ТОТЬ, КОГО Я ЛЮБЛЮ ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью, мнѣ снилось, сказали мнѣ--
умеръ,
И мнѣ снилось, пошелъ я туда, гдѣ они скоронили того, кто
мнѣ дорогъ,
Но въ томъ мѣстѣ онъ не былъ,
И мнѣ снилось, что я проходилъ и искалъ между мѣсть по-
гребальныхъ,
Чтобъ найти его,
И увидѣлъ, что каждое мѣсто -
Погребальное было.
Дома, что исполнены жизни, исполнены были и смерти,
(Вотъ и этотъ теперь),
Улицы, и корабли, и мѣста развлеченья,

Чикаго, Бостонъ, Маннагатта,
Филадельфія, были полны мертвцами, не только живыми,
Мертвцевовъ было больше повсюду, о, больше гораздо.
И то, что мнѣ снилось, хочу говорить я отнынѣ всѣмъ людямъ
и всѣмъ поколѣньямъ,
И связанъ отнынѣ я съ тѣмъ, что мнѣ снилось,
И нынѣ я знать не хочу всѣхъ мѣсть погребальныхъ,
И хочу я безъ нихъ обходиться,
И, если бъ въ честь мертвыхъ поставленъ быль памятникъ гдѣ
бы то ни было,
Хоть тамъ, гдѣ я тѣмъ и гдѣ сплю я,—я быль бы доволенъ,
И если тѣло того, кто мнѣ дорогъ, иль собственный трупъ мой,
Въ прахъ, образомъ должностнымъ, сведется, и прахомъ низверг-
нется въ море,
Я буду доволенъ,
Или, если вѣтрамъ его бросять,
Я буду доволенъ.

НОЧЬЮ ОДИНЪ НА ПРИБРЕЖЪЙ.

Ночью одинъ на прибрежын
Межъ тѣмъ какъ старая мать,
Распѣвава хриплую пѣсню,
Баюкаеть чадо свое,
Я смотрю на блестящія ясныя звѣзды,
И думаю думу,—гдѣ ключъ
Вселенныхъ и будущаго.
Смыкаютъ все обширныя подобья,
Всѣ сферы, что взросли и не взросли,
Миръ большіе, малые, смыкаютъ,
Всѣ солнца, луны, и планеты,
Всѣ разстоянья мѣсть, хотя бъ обширныхъ,
Всѣ разстоянья времени, всѣ формы,
Въ которыхъ духа нѣть,
Всѣ души, всѣ живущія тѣла,
Хотя бъ они всегда различны были,

Въ мірахъ различныхъ,
Все то, что происходит въ газахъ, влагѣ,
Растеняхъ, минералахъ, между рыбъ,
Среди звѣрей, смыкаеть всѣ народы,
Всѣ краски, варваризмы, языки,
Всѣ тождества, какія только были,
Иль могутъ возникать на этомъ шарѣ,
Всѣ жизни, смерти, все, что было въ прошломъ,
Что въ настоящемъ, въ будущемъ идетъ,
Обширныя подобія скрѣпляютъ,
Всегда скрѣпляли все, и будутъ вѣчно
Скрѣпить, смыкать, держать все плотно, цѣльно.

Люди говорять о смерти, Уольтер Уитманъ говоритъ о небесной смерти. Одно и то же явленіе принимаетъ два разные лика: у людей смерть имѣеть землистый, ужасный, отвратительный видъ, въ воспріятии поэта-философа у смерти божественный ликъ, овѣянный звѣзднымъ сияньемъ.

Шопоты смерти небесной я слышу, шептанія, ропотъ,
Сказъ-пересказъ между усть, лепестаніе ночи, хоралы въ свинѣтній шороха,

Шелесты нѣжно-входящихъ шаговъ,
Тихое вѣніе, вздохъ, плавѣній мистическихъ, струи невидимыхъ рѣкъ,
Теченья потока, который течеть, безконечно течеть,
(Или всплески то слезъ, безпределныя волны человѣческихъ слезъ?)

Я вижу, какъ разъ вижу въ небѣ, скопленье огромное тучъ,
Пасмурно тучи плывутъ, медленно, и молчаливо,
Молча они наростаютъ, мышаются другъ съ другомъ,
Время отъ времени, наполовину туманомъ закрыта,
И опечалена, дальняя свѣтить звѣзда,
То появляясь, то затмѣвается,

(Это скорѣе роды какіе-нибудь,
Торжественно это бессмертное чье-то рожденье:
На граняхъ, для глазъ непроницаемыхъ,
Проходить какая-то въ мірѣ душа).

Итакъ, вотъ основныя черты поэзіи Уольта Уитмана. Онъ поэтъ личности, бесконечности жизни, и гармонической связи всѣхъ личныхъ отдельностей съ Мировымъ Цѣлымъ. Личность—это зерно жизни. Это—фундаментъ. Но этотъ фундаментъ, слагаясь съ однородными сущностями въ одну цѣльность, образуетъ зданіе, легкимъ шпилемъ убѣгающее въ бесконечное небо, гдѣ дышутъ бессмертныя звѣзды. Уитманъ видитъ душу за всѣми явленіями; за свѣтлыми и темными тканями жизни онъ видитъ Единое Цѣлое. Религія Уитмана—космический энтузіазмъ, тотъ неистощимый міровой восторгъ, которому не скучно, и не трудно, и не утомительно создавать все новыя и новыя сцѣпленья планетъ, и каждый мигъ благословлять рождающую тьму, исполненную тайнъ, и въ каждомъ новомъ цвѣткѣ ежеминутно торжествовать первое утро Мірозданія.

Если мы бросимъ общий взглядъ на поэтические лики двухъ сладкогласныхъ геніевъ мечты, Шелли и Эдгара По, мы увидимъ что въ жизнерадостномъ творчествѣ Шелли есть то же магнетическое „что-то“, что плѣняетъ насъ въ мрачномъ поэтѣ Ворона, Морэллы, и Лигейи. Они оба представляются намъ не людьми, а демонами, въ глазахъ которыхъ горить нездѣшній странный свѣтъ.

Въ глазахъ Эдгара По этотъ свѣтъ—фосфорической, подобный сіяньямъ, пляшущимъ надъ болотами, и надъ тревожными волнами ночного Океана. Въ глазахъ Шелли этотъ свѣтъ—сіянье ослѣпительного полдня, пьяного отъ цвѣточныхъ испарений, когда Солнце на высшей своей точкѣ—или, чаще, нѣжный влажный блѣдный свѣтъ Луны, подъ которой далекимъ очеркомъ встаютъ окованная вѣчными снѣгами горные вершины, и безбрежной круговой равниной лежитъ спокойный Океанъ, говорящій своимъ безмолвіемъ о стройной Вѣчности.

Ликъ Уольта Уитмана—ликъ не духа, не демона, а свѣтлое лицо могучаго жителя Земли, по-земному влюбленнаго въ Землю, это ликъ исполина, который, какъ въ мячъ, можетъ играть обломками утесовъ, и можетъ нагромоздить эти мощные камни одинъ на другой, такъ что сложатся башни, и выростутъ города, и улицы этихъ могучихъ городовъ будутъ лабиринтами, и съ высоты безмѣрныхъ этажей изъ безчисленныхъ оконъ будутъ глядѣть въ содружественномъ множествѣ лица свободныхъ и мыслящихъ людей, примирившихся съ Землей, и въ глазахъ этихъ новыхъ свободныхъ людей, связанныхъ узами единой духовной жизни, будетъ горѣть тотъ же свѣтъ, что свѣтится въ глубокихъ глазахъ вотъ этого упорнаго и радостно-свѣжаго гиганта, напоминающаго сказочное древо Игдразиль, чьи вѣтви охватываютъ міръ, и чьи корни въ подземномъ царствѣ, и чья зеленая вершина въ безконечномъ Небѣ.

Поэзія Борьбы

(Идеализованная Демократія)

Человѣка пою Нашихъ Дней.

Унтоманъ

Мы живемъ въ смутное разорванное время—
разорванное какъ туча, которая протянулась отъ
конца до конца Неба, и выбрасывается изъ себя
молни. Гроза—преобразительница. Всѣ предметы
измѣнены тогда въ своихъ очертањахъ и кра-
скахъ. То, что казалось малымъ, странно высту-
паетъ и беспокоитъ глазъ. То, что казалось и было
огромнымъ, скрылось затянутое темнымъ саваномъ,
а, быть можетъ, и вовсе сожженное пламенемъ.
Краски—другія. Вместо спокойной и тихой лазури,
сѣрыя, темныя, мѣдныя, рдяныя, алые, красныя
сказки цвѣтовъ. Лица темнѣе— и мгновенно ярче.
Лица другія въ грозу. Звуки доходятъ до своей
полярности. Громкіе голоса превращаются въ шо-
поты, призрачные шопоты меркнуть, тонуть въ
Молчаніи. А изъ Безмолвія, въ которомъ не было
намека на звукъ, обрушиваются бѣшеные громы.
И слѣва, вонь тамъ, на обширной равнинѣ, ужь
засвѣтились живыя поляны, подъ Солнцемъ, подъ

разорвавшимися ожерельями дождя. А справа, гдѣ мрачной громадой чернѣль, враждебный быстрому стремлению, старый борь, зажглись исполинские факелы, смертный праздникъ упорныхъ стволовъ, до которыхъ коснулся поцѣлуй молніи.

Изъ Жизни—Смерть, изъ Смерти—Жизнь. И вращается міровое колесо, мѣняя понятіе о верхѣ и низѣ, и раздробляя отжившее старое во имя впередъ устремленного нового, чтобы снова свѣжей сдѣлалась Земля, и чтобы могильнос „Стукъ-стукъ“ костлявой руки Привидѣнья превратилось въ веселый зовъ Молодости, громко стукнувшей о дверь — и вотъ отворяющей дверь, на волю, на Солнце, на воздухъ.

Одинъ поэтъ воскликнулъ: „Six years, six little years, six drops of Time“ („Шесть лѣтъ, шесть малыхъ лѣтъ, шесть капель Времени“). И правда, шесть лѣтъ — такая малость. Но менѣе, чѣмъ въ эту малый срокъ, о, лишь въ мѣсяцы, въ недѣли, предъ нами развивается циклическая драма перемѣнъ. Мѣняются государства, внѣшне и внутренне, до полной неузнаваемости; неразбиваемый металлъ понятій, казавшихся несокрушимыми, бросается въ плавильникъ, и превращается въ текучую влагу; война двухъ народовъ превращается въ войну двухъ расъ; мы превышаемъ размахи Эсхилловскихъ драмъ, заглушаемъ топоты Гунновъ; въ нѣсколько минутъ гибнутъ надежды миллионовъ, и корабли за кораблями идутъ уснуть на дно морей; хищныя птицы, — народы-зрители, народы-сопер-

ники,—глядяты со стороны—и точать когти, и готовить клювы, для новыхъ битвъ и столкновеній; а внутри государствъ иная встрѣчныя теченья торопливыхъ весеннихъ ручьевъ; звоны льдинъ, загрязненныхъ и грязью и кровью, передъ тѣмъ какъ имъ вовсѣ растаять; замолкаютъ крикливые наглые, говорятъ безсловесные; орды сумасшедшихъ играютъ въ страшный маскарадъ, и думаютъ застѣлить, разстрѣлять мышленье, и хотять благородство—повѣстить на висѣлицѣ. А Земля, какъ Земля, въ этотъ мигъ замышляетъ свое, любить зреющища, и, взметнувъ изъ Везувія пепель и лаву, напугавъ дѣтской красочной вспышкой мелкорослыхъ и слишкомъ пугливыхъ людей, разразилась въ космическомъ хохотѣ, чуть качнулась, перебросила шутку, и эхо отозвалось въ Калифорніи, Великій океанъ зарадовался, возниковали и геніи Огня, увидѣвъ, что строители двадцатыхъ этажей, желая бороться съ пламенемъ, стали играть въ динамитъ.

Но ни человѣкъ не испугаетъ Человѣка, ни Земля не испугаетъ Человѣка. Онъ будетъ жить, онъ будетъ строить—и, чтобы строить, онъ будетъ разрушать.

Недалеко отъ этой цвѣтущей златоносной Калифорніи, гдѣ быстры, какъ феи, нарядныя колибри, еще въ прошломъ столѣтіи, десятки лѣтъ тому назадъ, возникли слова, вѣщія и обнимающія понятіемъ современности то, чужое, минувшее, съ нашимъ, теперешнимъ, переживаляемымъ, слова, написанныя какъ будто бы для настъ.

**Кто-то могучій, видяцій и провидяцій, самозабвенно
восклицаць.**

ГОДЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Годы современности! годы несвершенного!
Вашъ горизонтъ ростеть, я вижу, что онъ разступается
Для болѣе сильныхъ, торжественныхъ драмъ,
Я вижу не только Америку, не только народъ Свободы, я вижу,
 другіе народы готовятся,
Я вижу ужасные входы, уходы со сцены, сочетанія новыя, соли-
дарность расъ,
Я вижу грядущую эту силу, неудержимо вступающую на міро-
вую сцену,
(Старыя силы, старыя войны, сыграли-ль они свои роли?
Дѣйствія, имъ надлежащія, кончены-ли?),
Я вижу Свободу, во всесоружіи, побѣдную, гордо - надменную,
Съ Закономъ съ одной стороны и съ Миромъ съ другой,
Изумительна эта тріада, искъ они выявили на бої противъ мысли
о кастѣ;
Къ какимъ историческимъ развязкамъ мы близимся съ такой
быстротой?
Я вижу людей въ ихъ маршахъ и въ ихъ контръ-маршахъ,
спѣшать и спѣшать миллионы,
Я вижу, что всѣ рубежи и границы аристократій старинныхъ
разрушены,
Я вижу — между Европейскихъ владыкъ всѣ стерты,
Я вижу, что въ этотъ день Народъ начинаетъ свои рубежи
означать (всѣ другіе долол),
Донынѣ еще никогда столь острыхъ вопросовъ не ставили,
Никогда еще не былъ простой человѣкъ, и духъ его, болѣе
силенъ, и болѣе богоподобенъ,
Чу, какъ онъ нудить, торопить, не оставляя массы въ покой!
Шагъ дерзновенный его на землѣ и на морѣ повсюду,
Великаго онъ океана коснулся и въ немъ создаетъ поселенія,

Колонизуетъ архипелаги,
Своимъ паровымъ кораблемъ, телеграфомъ своимъ электриче-
скимъ,
Газетой, и массой военныхъ орудий,
Конторами, нити свои разбросавшими въ мірѣ,
Межъ всѣхъ географій онъ звеняя куетъ, и связуетъ всѣ страны;
Что за шопоты это, о, страны, бѣгутъ передъ вами, проходить
подъ глубью морей?
Всѣ народы бесѣду ведутъ? создается-ли это у шара земного
единое сердце?
Человѣчество хочетъ ли слиться въ сплошное одно?
Ибо, видишь, тираны трепещутъ, короны тускнѣютъ,
Упорствуютъ въ духѣ своемъ, Земля -- лицомъ къ лицу съ новой
эрой,
Предъ всеобщую, быть можетъ, войною божественной,
Не знаетъ никто, чѣмъ случится вонь-вонь, дни и ночи такими
наполнены знаменными;
Вѣщіе годы! пространство, пока я иду и тщетно стараюсь его
проницать,
Наполнено призраками,
Тѣ вещи, что скоро свершатся, дѣянья еще не совершенныя
Бросаютъ вокругъ меня тѣни свои.
Этотъ натискъ, стремленье и пыль, въ которые трудно повѣрить,
Лихорадочность сновъ изступленій, ихъ странность, о, годы,
Сновидѣнія ваши, о, годы, какъ они проникаютъ въ меня,
(Наиву ли я или во снѣ, я не знаю!)
Америка, вмѣстѣ съ Европой, завершенныя, смутно темнѣютъ,
Уходить за мной они въ тѣни,
Несконченно, столь исполненос, какъ никогда не бывало,
Идеть и идеть на меня!

Другія строки, сказанныя тѣмъ же вѣщимъ, въ
далекіе дни Франко-Пруссской войны, и Коммуны,
кажутся положительно написанными для насъ, Рус-
скихъ, переживающихъ 1905—1906 годы.

Е В Р О П ъ,

72-я и 73-й Годы Соединенныхъ Штатовъ

Внезапно изъ ветхой и сонной берлоги, изъ душной бер-
логи рабовъ,
Какъ будто бы вспыхнула яркая молния, сама на себя
удивляясь,
Ногой придавивши лохмотья и пепель, и стиснувши руки
на горлѣ владыкъ.

О, надежда и вѣра!
О, боль завершения жизней всѣхъ тѣхъ,
Кто былъ изгнанъ за то, что любилъ свою родину!
О, сколько, порвавшихся въ пыткѣ, сердцець!
Вернитесь назадъ въ этотъ день и забейтесь для жизни
свободной!

А вы, которымъ платить за услугу
Грязнить Народъ, замѣтьте вы, лжецы.
Хотя несчетны были истязанья,
Убийства, и безчестность воровства
Въ извилистыхъ и самыхъ низкихъ формахъ,
Хотя изъ тѣхъ, кто бѣденъ, выжимали
Достатокъ весь, грызя его какъ черви,
Хоть обѣщанья съ королевскихъ усть
Нарушены, и тотъ, кто обѣщался,
Отмѣтиль подлымъ смѣхомъ свой обѣтъ,
И хоть во власти тѣхъ, кто былъ обиженъ,
Владыки были, все-жь свои удары
На нихъ еще не устремила месть,
И головы не срѣзаны у знати:
Народъ презрѣть свирѣпости владыкъ.

Но мягкость милосердія была
Какъ дрожжи для погибели горчайшей,
И струсившіе деспоты вернулись,

Съ своей приходитъ каждый съ полной свитой,
При немъ—палачъ, святоша, вымогатель,
Солдатъ, законникъ, баринъ, и тюремщикъ,
И сикофантъ.

А сзади всѣхъ, ползеть, глядите, призракъ
Какъ бы туманъ, въ покровѣ безконечномъ,
Лобъ, голова, и весь—въ багряныхъ складкахъ,
Лица и глазъ никто не видѣть,
Изъ всѣхъ одеждъ, изъ красныхъ одѣяній
Приподнятыхъ рукой, лишь палецъ видно,
Изогнутый, кривой, во всемъ подобный
Змѣиной головѣ.

Межъ тѣмъ тѣла лежать въ могилахъ свѣжихъ,
Кровавыя тѣла погибшихъ юныхъ,
Веревка тяжко съ висѣлицы пала,
Летаютъ пули, принцы ихъ послали,
Приспѣшники властей хоочутъ,
И это все должно явить свой плодъ.

Тѣла погибшихъ юношей, тѣла
Замученныхъ, повѣшенныхъ, сердца
Произенныя свинцомъ жестоко-сѣрымъ,
Теперь какъ будто холодны, недвижны,
Но невозможно ихъ убить.

Они вознесены святою смертью,
Они живуть въ другихъ, такихъ же юныхъ,
Внемлите, короли,
Они живуть въ другихъ, опять готовыхъ
На вызовъ вамъ.

Надъ каждымъ, кто убитъ былъ за свободу,
Надъ каждойю подобною могилой
Ростеть трава, которой имя—вольность,
И въ свой чередъ посѣть сѣмена,

И вѣты разнесутъ ихъ для посѣвовъ,
Дожди, снѣга — кормильцы имъ.

Да, каждый духъ, котораго отъ тыла
Освободить оружіе тирана,
Здѣсь будѣть, отъ земли онъ не уйдетъ,
Онъ будѣть проходить по ней незримо,
Шептать, предупреждать, и торопить.

Свобода, пусть отчаются другіе,
Я никогда въ тебѣ не усомнюсь.

Домъ заперть? и хозяина нѣть дома?
Пусть, все равно, готовы будьте, ждите,
Онъ будѣть скоро, вѣстники его
Приходить вдругъ.

Кто онъ, этотъ провидецъ, такъ говорящій? Не одинъ ли изъ тѣхъ, которые вскормлены бурей, и умѣють говорить только гнѣвныя мятежныя слова, полныя однозначного краснорѣчія военныхъ трубъ и барабана?

Нѣть, онъ всеобъемлющій.

Ему доступны были всѣ тона. Слышалъ онъ ревъ Океана, слышалъ и журчанье ручейка. И, знаяшій раскаты военныхъ орудій, онъ нѣсколькими словами умѣлъ вводить душу въ тишину, нѣжную, какъ легкій шелестъ кустовъ цвѣтущей сирени, надъ которой начали виться, въ хороводѣ, ночные бабочки. Сумерки онъ понималъ.

СУМЕРКИ

Истомность усыпительныхъ тѣней,
Чуть скрылось солнце, сильный свѣтъ разсѣянъ,

(И я разъясню скоро, отойду),
Туманъ — нирвана — ночь — покой — забвенье.

Свѣтлый, какъ дневной свѣтъ, любившій все четкое, что закончено въ своихъ очертаніяхъ, какъ закончены подъ Солнцемъ всѣ краски и черты, этотъ поэтъ дѣйствія, бардъ пересозданія, преобразился порою какъ бы въ лунатика, который твердо идетъ по обрывнымъ путямъ съ закрытыми глазами. Онъ видить сквозь вѣки, онъ входитъ въ пещерыочныхъ сновидѣній и сливается съ душами спящихъ, читаетъ въ нихъ, тайно вникаетъ въ закрытыя таинства душъ.

Я блуждаю всю ночь въ сновидѣніи,
Я шагаю легко, я шагаю безшумно и быстро,
Останавливаюсь, наклоняюсь съ глазами раскрытыми,
Надъ глазами закрытыми спящихъ,
Я блуждаю, смущаюсь, теряюсь, себя забываю,
Не согласуюсь, противорѣчу,
Медлю, гляжу, наклоняюсь, на мѣстѣ стою.

Какъ торжественно, тихо лежать они,
Какъ дышутъ спокойно они, дѣти въ своихъ колыбеляхъ.

Несчастныя вижу черты людей пресыщенныхъ,
Облики бѣлые труповъ, багровыя лица пьяницъ,
Болѣзнико-стѣрыя лица тѣхъ, что сами ласкаютъ себя,
Тѣла на поляхъ сраженія, съ кровью глубокихъ ранъ,
Сумасшедшіе въ комнатахъ нагло запертыхъ,
Дурачки невинно-блаженные,
Новорожденные, эти изъ вратъ исходящіе,
И умирающіе, эти изъ вратъ исходящіе,
Ночь проникаетъ ихъ, ночь ихъ объемлетъ.

**Брачнаѧ спить чета спокойно въ своей постели,
Онъ положить ладонь на бедро супруги, она
Положила свою ладонь на бедро супруга,
Сестры нѣжно спять бокъ-о-бокъ въ своей постели,
Мужчины нѣжно спять бокъ-о-бокъ въ постеляхъ своихъ,
И спить съ ребенкомъ своимъ мать, закутавъ его.**

**Слѣпые крѣпко спять, глухіе спять и нѣмые,
Спить узникъ спокойно въ тюрьмѣ, и спить блудный сынъ,
Убийца, что будеть повѣшень завтра, какъ спить, какъ спить онъ,
И тотъ, кто убить, какъ онъ спить?**

**Спить женщина, любящая безъ взаимности,
Спить мужчина, любящій безъ взаимности,
И спить голова того, кто весь день строилъ планы, и деньги,
деньги сколачивалъ,
И тотъ, кто характеромъ бѣшень, и тотъ, кто предатель, спять,
всѣ спять.**

**Я стою въ темнотѣ, опустивши глаза, близъ тѣхъ, кто страдаетъ
всего и всего беспокойнѣй,
Я на нѣсколько дюймовъ отъ нихъ рукою своей провожу, успо-
Я взоромъ пронзаю тьму, существа иные являются, [каивая,
Земля отъ меня отступасть въ ночь,
Я вижу, что это было красиво, и я вижу, что то, что не земля,
красиво.**

**Я иду отъ постели къ постели, я сплю съ другими спящими,
Съ каждымъ рядомъ по очереди,
Мнѣ спятся во снѣ моемъ сны, всѣ сны другихъ уснувшихъ,
И я становлюсь другими уснувшими, спящими.**

**Я пляска! — играйте вы тамъ! Я кружусь все скорѣй и скорѣе!
Я вѣчно-смѣющійся — вотъ, новая свѣтить луна, и сумерки,
Я вижу веселыя игры, въ прятки, куда ни взгляну я, повсюду
проводорные духи,
Вновь прятки и прятки опять глубоко въ земль и въ морѣ,
И тамъ, гдѣ не море, и гдѣ не земля.**

Кто же онъ, этотъ поэтъ? Онъ — отвѣчатель.
Еще минутку маленькой тайны. Есть вопрошающіе;
есть просто говорящіе, не идущіе дальше разго-
вора, и есть — ихъ немногі — Отвѣчатели. Онъ
единый изъ этихъ послѣднихъ.

Теперь внимайте утренней пѣснѣ моей, я возглашаю вамъ зна-
менія Отвѣчателя,
Городамъ и фермамъ пою я, въ то время какъ въ утреннемъ
свѣтѣ они предо мною простираются.
Отвѣчателя ждутъ, всѣ ему отдаются, его слово рѣшающее, и
окончательное,
Его принимаютъ всѣ, въ немъ существуютъ, купаясь какъ въ
свѣтѣ, въ немъ себя замѣчаютъ.
Человѣкъ есть властительный зонъ и вызовъ,
Прятаться тщетно.
У него ключъ сердца, и ему отвѣчаетъ ручка дверная.
Желанность его всемирна, потокъ красоты не больше желаненъ
не больше всемиренъ, чѣмъ онъ.
Каждое существованье имѣть свое нарѣчіе, каждая вещь имѣть
свое нарѣчье и рѣчъ,
Онъ разрѣшаетъ всѣ языки въ свой собственный и дасть его
людямъ.
Онъ идетъ въ Капитолій совершенно спокойно,
Онъ бродитъ въ Собраніи, гдѣ застѣдаются исполнители Воли
Народной.
Потомъ мастеровы считаются его мастеровыми,
И солдаты предполагаютъ, что онъ солдатъ, и матросы, что море
ему изнѣстно,
И писатели принимаютъ его за писателя, и художники за ху-
дожника,
. И земледѣльцы видятъ, что могъ бы онъ съ ними землю пахать
и любить ихъ,
Все равно какое бы ни было дѣло, онъ эту работу можетъ
исполнить или уже исполнилъ,

Все равно какой бы ни былъ народъ, онъ могъ бы найти въ немъ
братьевъ своихъ и сестеръ,
Англичане считаютъ его изъ Англійскаго рода и племени,
Еврею Евреемъ онъ кажется, Русскому Русскимъ, онъ привыч-
ный и близкій, ни отъ кого не далекъ;
На кого онъ ни взглянетъ въ кофейнѣ для странствующихъ,
тотъ его тотчасъ признаетъ своимъ,
Итальянецъ или Французъ въ немъ увѣренъ, Нѣмецъ увѣренъ,
Испанецъ увѣренъ, островитянинъ Кубанецъ увѣренъ,
Инженеръ, или палубный съ великихъ озеръ, или съ Миссис-
сиппи, или съ Гудсонова залива, или съ Помэнока при-
знаютъ его своимъ.
Джентльмэнъ чистой крови признаетъ его чистокровность,
Хулиганъ, проститутка, разг҃ибванный, ницій себя узнаютъ въ
частихъ его, онъ странно ихъ преображаетъ,
Вотъ уже больше не низки они, они едва узнаютъ себя, такъ
они выросли...
Врѣмя, всегда безъ перерыва, указуетъ себя въ частихъ,
Что всегда указуетъ Поэта, это толпа пріятныхъ и дружныхъ
пѣвцовъ, и слова ихъ,
Слова пѣвцовъ суть часы и минуты свѣта и тьмы, но слова
создателя поэмъ суть общий свѣтъ и всеобщая тьма,
Его глубокій взглядъ внутрь обнимаетъ всѣ вещи и весь человѣ-
ческій родъ.
Пѣвцы не рождаются, рождается только Поэтъ,
Пѣвцы желанны, и ихъ понимаютъ, довольно часто они являются,
но рѣдокъ былъ день, было рѣдко и мѣсто рожденія соз-
дателя поэмъ, Отвѣтчателя,
(Не каждый вѣкъ, и не каждыя пять столѣтій содержали подоб-
ный день, при множествѣ всѣхъ ихъ именъ).
Пѣвцы равномѣрно идущихъ часовъ различныхъ столѣтій, быть мо-
жетъ, имѣли явное имя, но каждое имя такое есть имя пѣвцовъ,
Имя каждого есть пѣвецъ глазъ и красокъ, пѣвецъ слуха, зву-
ковъ, пѣвецъ размышенія, пѣвецъ сладкогласный, пѣвецъ
тьмы и ночи, пѣвецъ для гостиной, пѣвецъ-чаровникъ
любовный пѣвецъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Всъ въ это время, и во всъ времена, ждуть словъ истинныхъ поэмъ,
Слова истинныхъ поэмъ не просто лишь нравятся,
Поэты воистину суть не свита Красоты, но священные владыки
Красоты.
Божественный истиинкть, широта и объемность взгляда, законъ
разума, здоровье, дерзость тѣла, отъединенность,
Веселость, солнечный загарь, свѣжій воздухъ, таконы суть не-
многія изъ словъ поэмъ.
Морякъ и путникъ, онъ ихъ держить въ основѣ своей, создатель
поэмъ, Отвѣчатель,
Зодчій, геометръ, химикъ, анатомъ, френологъ, художникъ, онъ
всѣхъ ихъ имѣть въ основѣ своей, создатель поэмъ, Отвѣ-
чатель.
Слова истинныхъ поэмъ даютъ вамъ больше, чѣмъ поэмы,
Они даютъ вамъ изъ чего памъ создать для себя поэмы, религіи,
политику, войну, миръ, поведеніе, исторію, опыты, повес-
дневную жизнь, и всякую вещь иную,
Они Красоты не ищутъ, ихъ ищутъ,
Касаясь ихъ, или за ними немедля, во вѣки вѣковъ, идутъ Кра-
сота, стремленье, жажда истомы, любовная боль,
Къ смерти они пріготовляютъ, однако жъ они не конецъ, а
скорѣе начало,
Они никого не приводятъ къ предѣлу его, и не дѣлаютъ пол-
нымъ, довольнымъ,
Кого захватятъ, того уносятъ въ пространство, чтобы смотрѣть
на рожденіе звѣздъ и познать одно изъ значеній,
Чтобы съ полною вѣрою въ путь устремиться, умчаться впе-
редъ по звѣнямъ несчетнымъ, и больше покоя не знать
никогда.

Отвѣчатель, слова котораго властно проникаютъ
въ нашу душу, и поэзія котораго, всеобъемлющая
и водопадно-могучая, есть сторожевой маякъ на
преломленыи двухъ цивилизаций, феодально-аристо-

кратической, еще владѣющей, въ измѣненномъ видѣ, обширными пространствами Земли, и демократически - всечеловѣческой, имѣющей возникнуть какъ историческое „Завтра“ на обломкахъ современныхъ неправосудностей, этотъ апостолъ новаго человѣчества, долженствующаго обнять своей мыслю всю Землю, есть Американскій поэтъ Уольтъ Уитманъ, слишкомъ мало известный въ Европѣ, слишкомъ мало цѣненный и въ Америкѣ, ибо онъ разрушаетъ своимъ творчествомъ всѣ условности, личныя и общественныя, а современная Америка, также какъ современная Европа, вся еще — въ переломѣ, въ изломѣ старого и рождающагося новаго.

Говоря объ Уольтѣ Уитманѣ, трудно сообщать такъ называемыя фактическія данныя: его жизнь — сказка дѣйствительности, фантазія въ простомъ, долгій и проникновенный взглядъ внутрь, мѣняющій своей напряженностью, своей напряженной блестящестью, все, до чего онъ коснется. Въ этой безпрерывной, всю жизнь продолжавшейся поэмѣ превращенія простого въ сложное, будничного въ чудесное, привычнаго и малаго въ космическое и стихійное, заключается основная черта личности Уольта Уитмана. Онъ считалъ общепринятая біографіи великихъ людей полнымъ непониманіемъ натуры великаго человѣка, идущаго всегда особыми, тайными, для него самого едва ощутимыми путями. Послѣдуемъ его примѣру, и возьмемъ изъ его такъ называемой біографіи лишь необходимыя даты, и лишь тѣ черты отдѣльности, въ которыхъ

чувствуется великая отъединенная душа Отвѣчателья.

Уольтъ Уитманъ родился въ 1819-мъ году, въ Штатѣ Нью-Йоркѣ, въ Лонгъ-Айлендѣ; умеръ въ 1892-мъ году; написалъ одну книгу стиховъ „Leaves of Grass“ („Побѣги Травы“) и томъ политическихъ статей. Какъ будто немногого для такой длинной жизни. Но десятки томовъ знаменитыхъ поэтовъ, съигравшихъ свою историческую роль, создали эфемерные цветущіе сады, красиво возникшіе, и красиво переставшиѣ быть живыми, а томъ, чуждыхъ риѳмы и обычной напѣвности, стиховъ Уитмана таитъ въ себѣ возможности для новыхъ и новыхъ посѣвовъ, молодыя заросли могучихъ лѣсовъ грядущаго *).

Прекрасны и краснорѣчивы отдѣльныя черты изъ того, что составляло земной ликъ Уитмана. Онъ былъ совсѣмъ Ѣдой въ тридцать лѣтъ. У него былъ взглядъ глубокаго возраста въ его юности, и взглядъ юности въ преклонномъ возрастѣ. Какъ орель измѣняетъ полетомъ понятіе высоты, стирая различіе между равниной и горами, такъ духовный полетъ этого генія слилъ воедино разнствующіе человѣческіе возрасты, вознесясь надъ всѣми. Онъ

*). Лучшее изданіе стиховъ Уолта Уитмана: *Leaves of Grass, by Walt Whitman. Complete edition. Boston. Small, Maynard and C°.* Остерегаю отъ лицемѣрныхъ Англійскихъ изданій, съ пропусками. Лучшій этюдъ объ Уитманѣ, которому я многимъ обязанъ: *John Addington Symonds, Walt Whitman. London, 1893.*

обращалъ на себя вниманіе проходящихъ своей высокой статной фігурой: шесть футовъ въ вышину и тѣло гладіатора. Когда онъ проходилъ по улицѣ какого-нибудь люднаго города, или прогуливавался по палубѣ какого-нибудь парохода, онъ невольно приковывалъ къ себѣ вниманіе, и всѣ кругомъ спрашивали: „Это морской капитанъ въ отставкѣ?“ „Это актеръ? Это военный офицеръ? Это священникъ?“ „Быть можетъ онъ былъ владельцемъ контрабандистскаго корабля? Или торговцемъ невольниками?“

Оживленный румянцемъ, голубоглазый, съ лицомъ внимательнымъ и проникновеннымъ, истый сынъ Неба и Земли. Радостный видъ звѣринаго, красиво-звѣринаго здоровья, болѣе указывающей на охоту или греблю, нежели на сидѣніе за конторкой и письменнымъ столомъ, этими каторжными станками, съ которыми онъ былъ очень знакомъ, но которые не сумѣли его побѣдить. Воля жизни и гармонія въ томъ, что можно назвать обрядностью каждого дня. Въ пищѣ и личной чистотѣ, какъ высокорожденный браминъ. Это какъ будто одинъ изъ тѣхъ, которые первыми видѣли восходъ Солица и рожденіе Вечерней Звѣзды. Одинъ изъ начинателей. Его видъ—какъ бы видъ, какъ бы взглянуть земли, моря, и горъ. Черты его лица—антинчный образецъ, нынѣ вышедший изъ моды, и почти не встрѣчающійся въ современныхъ лицахъ. Оживленная статуя. Мыслящее тѣло, человѣкъ изъ

отшедшаго или еще не созданнаго народа, достойнаго быть живымъ основаньемъ скульптуры. Не только умъ, какъ въ знакомыхъ намъ лицахъ, но жизнь. Не книжное теоретизированіе жизни, а переживаніе ея. Вся его фигура окружена ореоломъ мужественности. Она дышеть, въ своемъ совершенномъ здоровыи и мощи, торжественнымъ очарованіемъ сильнаго. Такимъ являлся Уитманъ предъ глазами его видѣвшими.

Въ этомъ во всемъ онъ слить гармонично съ своимъ поэтическимъ творчествомъ, съ своей книгой, прекрасно названной „Побѣгами Травы“. Первое изданіе ея, въ видѣ тонкаго томика, содержащаго двѣнадцать поэмъ и прозаическое предисловіе, появилось въ Бруклинѣ, въ 1855-мъ году. Этотъ томикъ былъ зерномъ книги, постепенно потомъ разроставшейся, и въ посмертномъ изданіи являющей изъ себя убористый томъ въ 400 слишкомъ страницъ. „Побѣги Травы“ были встрѣчены криками проклятій и взрывами хохота. „Когда книга возбудила такую бурю гигіяна и всеобщаго осужденія“, говорилъ своему другу Уитманъ, „я отправился къ восточному краю Лонгъ-Айленда, и провелъ тамъ надъ моремъ позднее лѣто и весь конецъ его, счастливѣйши въ моей жизни. Потомъ вернулся въ Нью-Йоркъ, съ твердымъ рѣшеніемъ, отъ которого никогда впослѣдствіи не отступалъ, идти впередъ съ моимъ поэтическимъ предпріятіемъ собственной своей дорогой, и завершить ее такъ хорошо, какъ смогу“. Вся дальнѣйшая жизнь

Уитмана связана съ выполнениемъ задуманного и рѣшенного. Между 1855-мъ и 1892-мъ годами изданія слѣдовали одно за другимъ, и изъ первичныхъ 12-ти поэмъ естественно выросли всѣ остальные.

Когда Уитманъ выступилъ съ своей книгой, Эмерсонъ написалъ ему привѣтственное письмо, гдѣ говорить о началѣ великой дороги, которая, однако, уже должна была имѣть гдѣ-то долгую предварительную предпочту, для такого прыжка. „Солнечный лучъ“, говорилъ онъ, и послалъ экземпляръ „Побѣговъ Травы“ Карлэйлю. Торо сказалъ объ Уитманѣ: „Онъ — Демократія“. Линкольнъ, увидѣвъ его изъ оконъ Бѣлаго Дома, сказалъ слова, тождественные со словами Наполеона, увидѣвшаго Гёте: „Да, это — Человѣкъ“. Публика однако думала иначе, и, устрашенные ся яростью, книгопродавцы отказались продавать изданіе 1856-го года. А Уитманъ пѣлъ и пѣлъ торжествующія пѣсни.

Въ 1862-мъ году Уитманъ поступилъ въ братья Милосердія, чтобы ухаживать—сперва за своимъ раненымъ братомъ, волонтеромъ Джоржемъ Уитманомъ, потомъ за Бруклинскими солдатами. Онъ работалъ въ госпиталяхъ, посѣщалъ поля сраженья. Это отразилось въ его поэзіи. Не только въ ней. Постоянное ухаживаніе за солдатами, въ обстановкѣ ужасныхъ ранъ, гангрены и тифа, въ переполненныхъ душныхъ госпиталяхъ, подорвало его крѣпкую натуру. Въ 1864-мъ году онъ серьезно захворалъ. Поправился. Вернулся къ работе въ Вашингтонъ. Но недугъ уже въ скрытности былъ. Въ

1873-мъ году его поразилъ параличъ. Три года — между жизнью и смертью, и затѣмъ — инвалидъ. Но онъ веселъ, онъ бодръ, онъ не жалуется. Онъ исполненъ непоколебимой вѣры въ жизнь. Бѣдность, лишенія не побѣждаютъ его, хотя усиливаютъ тѣлесныя страданья. Тѣлесныя-ли только? Мы не знаемъ. И со сломанными крыльями онъ всетаки былъ мощной, гордой птицей, завершившей земную жизнь эпически-ясно, стихійно-величественно.

Если вліяніе поэзіи Уольта Уитмана еще донынѣ не стало широкимъ, это указываетъ не на малыя достоинства его книги, а на малыя достоинства современныхъ душъ, любящихъ общедоступную красоту, душъ плоскихъ, душъ пошлыхъ. Не лучъ малъ, а трясина велика. Но и оттуда, изъ этой трясины, лучъ исторгаетъ бѣлые цветы, и цветы золотые, и цветы красноцвѣтные. И если большой толпѣ чуждо имя великаго барда Америки, на отдаленные души онъ производить впечатлѣніе неизгладимое и единственное по своей силѣ. „Когда въ возрастѣ 25-и лѣтъ“, говорить известный Англійскій историкъ Искусства Симондсъ, „я впервые прочиталъ „Побѣги Травы“, эта книга повліяла на меня, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, исключая Библіи; болѣе чѣмъ Платонъ, болѣе, чѣмъ Гёте“. Эти слова мыслящаго, написавшаго блестящую книгу о творчествѣ Микель-Анджело и прожившаго свою жизнь съ Англійскими поэтами Шекспировской эпохи и Итальянскими мастерами

златоцвѣтной живописности, говорять болѣе, чѣмъ тупое незнаніе несвѣдущихъ.

Какъ хорошо суммировалъ Симондсъ, итогъ Уитмана, въ его цѣломъ, четвериченъ: Америка; Самость; Полъ; Народъ. Это пѣвецъ вольной Америки, безбрежной могучей страны прерій и лѣдныхъ городовъ, омываемой двумя океанами, страны развитія и будущаго; это пѣвецъ Личности, не связанный никакими путами, личности, которая не удержимо ищетъ себя, и, когда сама себя находитъ, свѣтится свѣтомъ божественно-яркимъ; это пѣвецъ Тѣла во всѣхъ его хотѣньяхъ и жаждахъ, во всей его роскоши, въ страсти родниковой, водопадно-блестящей и брызжущей, въ страсти говорящей свободнымъ языкамъ, какъ говорятъ геніи, звѣри, боги, и вѣтры; это пѣвецъ Народа, какъ мощнаго цѣлаго, который былъ въ вѣкахъ Исторіи лишь смутнымъ многоглавымъ чудовищемъ, просыпавшимся, кровожадно или героически, на нѣсколько мгновеній передъ новымъ сномъ, но который отнынѣ, отнынѣ ужъ не будетъ такимъ, ужъ не такой, ужъ пробужденъ на цѣлый историческій циклъ, ему предназначенный, его имя принявшій, циклъ всенародности, всечеловѣческой благоволительной связи — между страной и страной, между общественными группами и группами, между общес-твеннымъ цѣлымъ и личностью, между отдельнымъ человѣкомъ и человѣкомъ.

Говорятъ, что каждый родитої подъ своею Звѣздой. Я сказалъ бы, что Уолтеръ Уитманъ ро-

дился подъ многозвѣзднымъ вліяніемъ Млечнаго Пути, потому-то онъ такъ хочетъ связать всѣ души въ гроздья звѣздъ. Заставить все Человѣчество излучить, въ немъ скрывающійся, свѣтъ, и, перенеся такимъ образомъ Небо на Землю, воистину бросить Землю въ космическую пляску свѣтиль—пребраженной.

Въ каждомъ есть все, говоритъ Уитманъ. Нужно въ каждомъ пробудить его самого, и онъ будетъ все. Черезъ ясность и правду пола, черезъ полную правду предъ самимъ собой, чрезъ гармоническую связь съ своей родной страной и всей Землей, объятой ежесекундностью стремленья, мы приходимъ къ ощущенію чудесности бытія. Сердце не можетъ жить безъ чуда. Но мы ищемъ его въ призрачной далекости, между тѣмъ какъ оно всегда близко.

ЧУДЕСА

Что это, кто это тамъ посится съ чудомъ?
Что до меня, я не знаю кромѣ чудесъ ничего,
Брошу ли я въ Маниагаттъ по улицамъ,
Или свой взоръ устремлю надъ крышами въ высь, къ небесамъ,
Или съ босыми ногами хожу по прибрежью, по самому краю
воды,
Или стою подъ деревьями въ чащѣ лѣса,
Или днемъ говорю съ кѣмъ-нибудь, кого я люблю,
Или ночью, въ постели, сплю, съ кѣмъ-нибудь, кого я люблю,
Или сижу за столомъ и спокойно обѣдаю,
Или гляжу на чужихъ, что тѣутъ вонъ тамъ противъ меня въ
каретѣ,

Или слѣжу за пчелами, какъ онъ въ лѣтній полдень хлопочутъ,
въются вкругъ улья,
Или смотрю, какъ животныя кормятся въ полѣ,
Или смотрю на птицъ, на волшебность игры насекомыхъ, ле-
тающихъ въ воздухѣ,
Или смотрю на волшебность закатнаго солнца, на звѣзды, что
свѣтятъ свѣтло и спокойно,
На изысканный тонкій серпъ молодой луны весной;
Это вмѣстѣ съ другимъ, одно и все, для меня чудеса,
Все въ общей связи, но каждое все же отдельно и на мѣстѣ
своемъ.
Для меня каждый часъ свѣта и тьмы есть чудо,
Каждый кубический дюймъ пространства есть чудо,
Каждый квадратный ярдъ земной поверхности тѣмъ же покрыть,
Каждый футъ внутренняго тѣмъ же кишиТЬ.
Для меня глубокое море есть безпрерывное чудо,
Рыбы, которые плаваютъ — скалы — движеніе волнъ — корабли съ
лютьми на судахъ,
Какіи еще чудеса есть страннѣ?

Ничего нѣть чудеснѣе отдельной, отъединен-
ной, полновольной и полночувствующей личности,
которая въ себѣ находить свой законченный міръ,
и пути къ тому, что называется вѣшнимъ, не—я,
Вселенной. Уитманъ поетъ именно этого одного,
отъединенного.

Мы не чувствуемъ, что наше тѣло божественно.
Мы не чувствуемъ и не знаемъ, что движенія страсти,
связанныя съ нашимъ тѣломъ, суть поэма Красоты,
которую нужно лелѣять. Глубоко извращенные
историческимъ Христіанствомъ, полные неумной
грубости, самоневниманья, самонебреженья, вопло-
щенные духи несоразмѣрности частей, среди кото-

рыхъ голова стала какимъ-то самостоятельнымъ отъ другихъ частей тѣла чудовищемъ, насѣвшимъ на нихъ, давящимъ ихъ, насилиющимъ ихъ, иска-жающимъ ихъ, мы почти неспособны понимать красоты живущаго тѣла, прекрасного во всѣхъ своихъ движеніяхъ и побужденьяхъ, здороваго, за-конченного, одухотвореннаго, страстнаго, убѣди-тельно-узычиво-страстнаго.

Уитманъ возстановляетъ человѣческое тѣло въ его утраченныхъ правахъ. Онъ возвращаетъ ему первородный его вѣнецъ, и природно-правдивыми, прямо къ цѣли идующими строками заставляетъ насъ чувствовать ошибочность нашихъ обычныхъ вос-пріятій тѣла и неизсякаемая свойства красоты тѣлесности. „Электрическое тѣло“, восклицаетъ Уитманъ.

Я ною электрическое тѣло,
Полница тѣхъ, кого я люблю, окружаютъ меня, и я окружаю
ихъ,
Они не хотять меня отпустить, пока не пойду я съ ними, пока,
не отвѣчу имъ,
И сниму съ нихъ порчу, и ихъ наполню полнотою души.
И еще полагали, что тѣ, кто тѣла оскверняютъ свои, могутъ
прятаться?
И еще сомнѣвались въ томъ, что тотъ, кто живыхъ оскверняетъ,
такъ же дурень, какъ тотъ, кто оскверняетъ мертвыхъ?
И въ томъ, что тѣло значитъ столько же, сколько душа?
Но, если тѣло не есть душа, что же есть душа?
Любовь тѣла мужскаго и женскаго опровергаетъ всѣ счеты,
тѣло само опровергаетъ всѣ счеты,
Тѣло мужское прекрасно, и прекрасно женское тѣло.
Выраженіе лица посмѣвается надъ изъясненіями,

Но выраженье мужчины стройного, статного не только въ его лицѣ,
Оно въ его членахъ также, въ его суставахъ, оно любопытно
видится въ суставахъ кисти его и бедра,
Оно въ походкѣ его, и въ томъ, какъ держитъ онъ шею, въ
сгибѣ его поясницы, колѣнъ, одежда его не скрываетъ,
Видѣть, какъ онъ идетъ, что столько же, сколько есть въ лучшей
поэмѣ, можетъ быть больше,
Вы медлите, чтобы увидѣть спину его, и задний изгибъ его
шеи, и лицю плечь.
Баражтанье полныхъ здоровыхъ дѣтей, груди и головы женщинъ,
складки ихъ одѣяній, ихъ манера держаться на улицѣ,
очертанье фигуръ ихъ къ низу,
Пловецъ обнаженный, плывущій въ купальниѣ, котораго видно,
когда онъ плыветь, въ прозрачномъ зеленомъ синевѣ, или
лежитъ съ лицомъ, обращеннымъ вверхъ, и молча качается
вправо и влево въ подъемѣ воды,
Склоненіе впередъ и назадъ гребцовъ въ ихъ гребныхъ судахъ,
ѣздока въ сѣдлѣ его,
Дѣвушки, матери, хозяйки, во всемъ, что онѣ ни дѣлаютъ,
Группа рабочихъ, сидящихъ въ полдень, у открытыхъ своихъ
котелковъ, межъ тѣмъ какъ жены имъ служать,
Няня съ ребенкомъ, дочь фермера, въ саду или на скотномъ
дворѣ,
Парень, киркой расчищающій землю къ посѣву, кучерь въ са-
няхъ, свою шестерню черезъ толпу направляющій,
Борьба двухъ борцовъ, двухъ юныхъ матросовъ, взрослыхъ,
веселыхъ, здоровыхъ, съ открытыми лицами, естествен-
ныхъ, вольныхъ послѣ работы своей, на закатѣ солнца,
Плащи и куртки отброшены, обѣятье любви и упора,
Схватка вверху и схватка внизу, растрепаны волосы, размета-
лись, сльпнть имъ глаза,
Маршировка пожарныхъ въ ихъ форменномъ платьѣ,
Возвращеніе съ пожара неторопливое, замедленіе, когда вдругъ
опять призываѣтъ ихъ колоколь, внимательность насто-
рожившихся,

Совершенные позы, естественные, разнообразные, наклонъ головы, изогнутая шея, считанье,
Такихъ я люблю,-- я весь распускаюсь, свободно иду, у груди
материнской я съ малымъ ребенкомъ,
Плыту я въ пловцами, съ борцами борюсь, въ ногу иду съ по-
жарными, замедляю свой шагъ, считаю, и слушаю.

Уольтъ Уитманъ рисуетъ простого сильнаго человѣка, старика-фермера, десятки лѣтъ вдыхавшаго въ себя свободный воздухъ и запахъ солнца, „отца пяти сыновей, и въ нихъ-отцовъ сыновей“, онъ говоритьъ объ этомъ сынѣ Природы, что, „когда онъ шелъ на охоту или рыбную ловлю, съ пятью сыновьями своими и многими внуками, вы сразу его увидали бы, онъ былъ самый красивый и сильный въ этой толпѣ“,—и вы чувствуете, что это такъ и должно было быть: вѣдь слишкомъ [восемь десятковъ онъ прожилъ, онъ дольше всѣхъ другихъ дышалъ землей и солнцемъ, онъ дольше другихъ ежедневно причащался первороднаго бытія, и потому вамъ радостно долго и долго быть вмѣстѣ съ нимъ, касаться его,—вѣдь таинствъ Природы вы здѣсь касаетесь. Уитманъ поетъ какъ птица, когда говорить о ча-рахъ этихъ тѣлесныхъ, этихъ духовныхъ касаній.

Вотъ это женская форма,
Съ головы до ногъ отъ нея ореолъ исходить божественный,
Она привлекаетъ къ себѣ притяженіемъ неумолимымъ, неотри-
цаемымъ,
Я привлечень дыханьемъ ся такъ, какъ будто бы я не больше
чѣмъ беспомощный паръ, все кругомъ отпадаетъ, кроме
меня и этого.

Книги, искусство, религія, время, зриная плотность земли и то,
чего ждалъ отъ небесь, и чего ужасался въ аду, все
растаяло,

Безумныя нити ростуть изъ этого, ростки пробиваются неудер-
жимо, неудержимый отвѣтъ,

Волосы, грудь, бедра, ноги, изгибы ихъ, побрежно упавшія
руки разытая, и мон разомкнулись,

Отливъ, приливомъ ужаленный, и приливъ, отливомъ ужален-
ный, любовная плоть возстающая, кръшиущая и полная
сладостной боли,

Безграничныя свѣтлая брызги любви горячей, безмѣрной, дрожа-
щая влага густая любви, бѣлоцвѣтныи плѣнительныи сокъ,

Новообрачная ночь любви, вѣрою и иѣжно входящая въ зарю
распростертую;

Волнообразно входящая въ день, хотящій и отдающійся,

Потерявшаяся въ этомъ иѣжномъ разрывѣ объянаго сладко-
тѣлеснаго днія.

Это узелъ, а послѣ ребенокъ рождается женщиной, человѣкъ
порожденье есть отъ женщины,

Омовенье рожденья, сліянье большого и малаго, и новый опять
исходъ.

Не стыдитесь, о, женщины, исключительность нашего права
что вы обнимаете все остальное въ себѣ, результаты всего
остального,

Вы ворота тѣла, и вы же врата души.

Если я вижу душу мою отраженной въ Природѣ,

Если сквозь дымку я вижу Кого-то въ невыразимомъ здо-
ровьи, законченности, красотѣ,

Вижу склоненную голову, руки кресть на кресть, Женщину
вижу я.—

Мужчина не меныше душа, и не больше, онъ также на мѣстѣ
своемъ,

Онъ также есть всѣ качества, онъ сила и дѣйствіе,

Яркая вспышка вселенной, что вѣдома, въ немъ,

Презрѣнныe подходить къ нему, хотѣнья и вызовъ идутъ къ
нему очень,

Самая дикая страсти, страсти безъ удержу, благословене въ предельности, скорбь до предельности, очень ему къ лицу, и къ лицу ему гордость,
Гордость мужчина съ полнымъ размахомъ успокоительна и пре-
восходна есть для души,
Знанье идеть къ нему, онъ его любить всегда, онъ каждую
вещь по волѣ своей испытусть,
Что бъ ни пришлось обозрѣть, и какое бъ то ни было море съ
парусами какими бъ то ни было, онъ свои измѣренія ло-
томъ наконецъ завершасть лишь здѣсь,
(Гдѣ какъ не здѣсь завершить онъ свои измѣренія?).--
Тѣло мужчина священно и тѣло женщины священно,
Кто бъ это ни былъ, неважно, оно есть священно--развѣ ни-
что жиѣ всего оно въ артели рабочихъ?
Пусть это будетъ тѣло одного изъ нихъ, съ загрубѣлымъ ли-
цомъ, эмигрантовъ, сейчасъ лишь причалившихъ къ при-
стани,
Каждому мѣсто его, или мѣсто си, въ процессіи.
Все есть процессія,
Вселенная есть процессія съ совершеннымъ размѣрнымъ дви-
женіемъ.

Кто умѣль такъ говорить о тѣлѣ, долженъ былъ
найти для выраженія страсти особья слова, какихъ
не встрѣтишь у другого. И на самомъ дѣлѣ, если
взять любовные стихи другихъ поэтовъ, поймешь,
что это—любовные стихи. Если взять строки страсти
у тѣхъ поэтовъ, которые все свое творчество осно-
вали на страсти, поэтовъ нѣжныхъ, утонченныхъ,
по праву наименованныхъ сладкопѣвицами, мы най-
демъ у нихъ много плѣнительныхъ шопотовъ, зву-
ковъ напѣвныхъ, и вскриковъ, и чаръ усыпляющихъ,
сладко влюбляющихъ, словъ поцѣлуйныхъ. Но
только стихійный буйный Уйтманъ, чуждый ком-

натнаго воздуха, спѣль такой гимнъ страсти, ко-
торый, думается мнѣ, является единственнымъ
среди всѣхъ другихъ.

„Одинъ часъ безумья и радости“—сплошная
страсть, сплошная иѣжность, сплошной вскрикъ
вольной души, влюбившейся въ тѣло, полюбившей
его, души, обвѣнчавшейся съ тѣломъ на свадебномъ
празднествѣ яркой внезапности. Тутъ не лепеты
наши, не двери и лѣстницы, не закрытая окна и
погасшія свѣчи, а разрывъ скалы отъ касанія мол-
ніи, и радость мгновенно взметнувшейся влаги дре-
мавшихъ въ сокрытомъ ключей.

Одинъ часъ безумья и радости!

О, изступленный! Не умѣрай менія!

(Что это такъ освобождастъ менія въ этихъ буряхъ?

Что означаютъ вскрики мои среди молній и бѣшеныхъ вѣтровъ?).

О, испить мистическихъ бредовъ глубже, чѣмъ кто бы то ни
было!

О, дикія и иѣжныя боли! (Я ихъ вамъ завѣщаю, дѣти мои,
Я ихъ вамъ возвѣщаю, не безъ причины, о, женихъ и не-
вѣста!).

О, отдаваться тебѣ, кто бы ты ни была, и взять тебя, отдающуюся,
вонпреки всему миру!

Возвратиться въ Ра! О, стыдливая, женственная!

Привлечь тебя близко къ себѣ, и впервые прижать къ тебѣ
губы мужчины, который рѣшителенъ!

О, смущеніе, трижды завязанный узель, глубокій и темный прудъ,
Весь свободный и свѣтомъ залиты!

О, умчаться туда, гдѣ наконецъ достаточно мѣста, достаточно
воздуха!

Быть вольнымъ отъ прежнихъ цѣней и условностей, я отъ моихъ
и ты отъ твоихъ!

Найти неожиданно лучшее, что есть въ Природѣ, и имъ наслаждаться небрежно!

Почувствовать роть свой свободнымъ, который былъ замкнутъ,
Почувствовать ясно, что нынче, или когда бы то ни было, я
доволенъ собой, я доволены!

О, что-то, чего не зналъ! что-то во снѣ заколдованномъ!
Ускользнуть совершенно отъ всякихъ зацѣпокъ чужихъ, отъ
якорей, трюмовъ!

Вольно нестись! вольно любить! броситься прямо въ опасность
безъ удержу!

Загрызать съ гибелю, звать се, ну-ка поди сюда!

Восходить, взлетать къ небесамъ любви, мнѣ назначеннай!

Подниматься туда своей онынешней душой!

Погибнуть, разъ это должно!

Весь остатокъ жизни наполнить часомъ, часомъ однимъ полноты
и свободы!

Короткимъ часомъ однимъ безумья и радости!

Уольть Уитманъ—освобожденный и свободный.
Онъ вѣстникъ освобожденія для всѣхъ, кто къ
нему прикоснется, какъ всѣхъ освобождаетъ видъ
Моря, водопада, или великихъ рѣкъ, шумъ вѣтра,
гуль грозы, разлитіе красокъ разсвѣта по небу, и
тайна углубленія многозвѣздной лазури, по которой
стелются покровы Ночи. Уольть Уитманъ—размахъ.
Онъ—птица въ воздухѣ. Онъ—какъ тотъ морской
орелъ, который зовется фрегатомъ, остро зрѣніе у
этой птицы, и питается она летучими рыбами, и
вся какъ бы состоять изъ стали; она—какъ серпъ,
какъ коса, крылья у нея—какъ воздушные ятаганы,
когда она парить въ воздухѣ; играя металлически-
морскимъ отливомъ перьевъ, она вся—боевое стре-
мленіе. Такъ она и зовется по-англійски: *Man-of-*

War-Bird, Птица-боецъ. Въ одинъ изъ морскихъ часовъ своихъ, Уитманъ спѣлъ этой птицѣ гимнъ, въ которомъ мы чувствуемъ крылья, ощущаемъ Море и Воздухъ, въ ихъ слитной безбрежности.

ПТИЦА-БОЕЦЪ

(Фрегатъ)

Ты, спавшій на бурѣ всю ночь,
Проснувшійся весь обновленный на своихъ непомѣрныхъ кры-
лахъ,

(Гроза разразилась? Ты выше поднялся, надъ дикой,
На тучѣ покоился, туча качала тебя, рабыня баюкала),
Ты синяя точка теперь, далеко, далеко на небѣ,
Плыешь,
Межъ тѣмъ какъ на палубѣ здѣсь я слѣжу за тобой, выплывая
на свѣтлую полосу.
(Самъ точка, лишь атомъ въ пловучей пустынѣ мировъ).

Делеко, далеко на морѣ,
Послѣ ночи съ свирѣпымъ приливомъ, усѣявшимъ берегъ об-
ломками,
Съ новымъ днемъ, какъ сегодня, счастливымъ и яснымъ,
Съ зарей возрастающе-розовой,
Съ ослѣпительнымъ солнцемъ, въ просторѣ лазурнаго чистаго
воздуха,
Ты тоже являешься вновь.

Ты, рожденный соперничать съ вихремъ, (ты, вѣтеръ, всѣ
вѣтры),
Ты, готовый схватиться съ просторомъ небесъ, съ ураганомъ,
съ землею и съ моремъ,
Ты, воздушный корабль, паруса никогда не роняющій,
Дни, ночи, недѣли, безъ устали, прямо, впередъ, чрезъ простран-
ства, чрезъ Царства, ты кружишься, мчишись,

Ты въ сумеркахъ былъ въ Синегалѣ, ты утромъ въ Америкѣ,
Ты играешь межъ всыхнувшихъ молній, и въ тучахъ громо-
выхъ,
Въ нихъ, въ эти забавы ты душу мою захвати,—
О, что бъ это былъ за восторгъ! твой восторгъ!

Тяжелымъ камнемъ падаетъ птица внизъ, на
добычу. Тяжелымъ камнемъ падаетъ мысль поэта,
который воистину обладаетъ крыльями и смотрить
не въ маленькой замкнутый уголъ ограниченной
мечтательности, а глядить на Миръ и Жизнь во
всей ихъ объемности.

Послѣ воздушныхъ ликующихъ строкъ Жизнь
подарить глядищему на нее иныя строки. Поэтъ,
упиваясь отдѣльностью, вольностью, только что
рѣялъ въ провалахъ воздушныхъ пространствъ. Но
вотъ передъ нимъ странное что-то, что онъ зоветъ—
Городской мертвый домъ.

У воротъ городского мертваго дома,
Когда праздно я шелъ, уходя дорогой своею отъ криковъ,
Я съ любопытствомъ замедлилъ шаги, ибо вотъ, отверженный
призракъ, тѣло несуть проститутки умершой,
Тѣло ся никто не зоветь, они положили его на сырой, на кир-
ничный полъ,
Тѣло ся, божественной женщины, я вижу тѣло ея, я лишь
одинъ на него смотрю,
Ни эта холодная тишина, ни вода, что каплетъ изъ крана, ни
мертвенный запахъ отвѣта во мнѣ не находятъ,
Лишь домъ этотъ— дивный домъ—этотъ тонкій красивый домъ
погибшій,
Этотъ бессмертный домъ, больше чѣмъ всѣ ряды зданій, когда
либо выстроенныхъ,
Красивый страшный обломокъ — жилище души—самъ душа,

Никъмъ не воззванный домъ, избѣгаемый всѣми—прими дыханье одно отъ моихъ содрогнувшихъ губъ,
Возьми слезу одинокую, между тѣмъ какъ я ухожу, какъ мысль о тебѣ,
Мертвый домъ любви—домъ грѣха и безумья, разбитый, разрушенный,
Домъ жизни, недавно еще полный смѣха и говоря— но бѣдный о, бѣдный домъ, и тогда уже мертвый,
Мѣсяцы, годы исполненный откликовъ, убранный домъ— но мертвый, но мертвый, мертвый.

Мысль Уйтмана, въ живомъ живая, среди болей чужихъ горящая болью своей и чужой, не случайно останавливается на чудовищныхъ слѣдствіяхъ нашихъ общихъ уродливостей. Она слышитъ и видитъ все.

Я сижу и гляжу на всѣ скорби міра, на весь его гнѣтъ и стыдъ, Я слышу рыданья, припадокъ рыданій юношей, полныхъ раскаянья, послѣ дѣлъ уже сдѣланныхъ,
Я вижу убогую жизнь старухи, гонимой своимъ дѣтьми, умирающей, полной отчаянья, скорбной, худой,
Я вижу, какъ мужъ обращается дурно съ женой, я вижу, какъ соблазнитель вовлекаетъ въ обманъ юныхъ женщинъ,
Я вижу, какъ ревность и жжетъ и грызетъ, какъ любовь безъ отвѣта старается спрятаться, я вижу все это здѣсь на землѣ,
Я вижу все то, что свершаютъ сраженье, чума, тираннія, узниковъ вижу и мучениковъ,
Я вижу голодъ на морѣ, смотрю, какъ матросы жребій бросаютъ, кто будетъ убить, чтобы жизни другихъ сохранить,
Я вижу, какъ наглые люди заносчиво унижаютъ рабочихъ, тѣснить бѣдняковъ, и негровъ, и всѣхъ угнетенныхъ;
Все это—всю эту низость и пытку, которой конца нѣть, я все это взоромъ объемлю,
Вижу, слышу, молчу.

Въ этихъ поэтическихъ перечисленіяхъ передъ нами два разряда бичей, которые хлещутъ и хлещутъ насъ. Одни носятъ какъ бы вѣчный характеръ, во всякомъ случаѣ характеръ всеисторический. Не будемъ пока говорить о нихъ, хотя и о нихъ, какъ объ устранимыхъ, говорить въ своей поэтической теодицеѣ Уитманъ. Бичи другіе, легко устранимые, временные, чисто-условныe, хлещутъ насъ также больно, уродуютъ, мстятъ, забиваютъ насъ на-смерть. Эти бичи—неправосудности нашей жизни, въ основныхъ ея устроеніяхъ. Мы живемъ въ зломъ домѣ, фундаментъ его—на трупахъ, на полутрупахъ, на живыхъ мучимыхъ. Нужно разрушить злой домъ и построить другой. Мы—люди, мы—строители, неужели не властны мы выстроить все, что подскажетъ намъ чувство, и нарисуетъ мысль!

Путь строенья—борьба. Борьба отъединенного съ собой, и бой отъединенного съ слитной громадой соединенныхъ чудовищъ, которая живутъ неправосудностями.

Путь строительства—путь, усѣянный красными цвѣтами. Уитманъ это знаетъ. Но онъ себя хочетъ отдать, лишь бы этотъ путь существовалъ. „Капайте, капли“, говорить онъ.

Капайте, капли! оставляйте вены мои голубыя!
О, капли меня! медленныя капли, сочитесь!
Чистосердечно отъ меня отпадая, капайте, капли кровавыя,
Изъ ранъ, нанесенныхъ, чтобы волю вамъ дать, на волю изъ
плѣна васъ выпустить,
Изъ лица моего, изъ лба моего, и губъ,

Изъ груди моей, изнутри, гдѣ я былъ скрытъ, вытьснѧйтесь,
красныя капли; исповѣdalъныя капли,
Запятнайте страницу каждую, запятнайте каждую пѣсню, которую
я пою, кровавыя капли,
Дайте узнатъ имъ вашъ алый жаръ, дайте блистать имъ,
Насытьте ихъ вами, совсѣмъ пристыженными, мокрыми,
Слѣйте надъ всѣмъ, что я написалъ или что еще напишу, кро-
вавыя капли,
Въ вашемъ свѣтѣ да будетъ все видно, капли румяно-красныя

Да будетъ все видно, и да будетъ все пере-
создано. Все заново.

Путь пересозданія Уитманъ видить въ торжествѣ
Демократіи. Но онъ понимаетъ это слово не въ
томъ жалкомъ ограниченномъ партійномъ смыслѣ,
какъ понимаютъ и примѣняютъ это слово теперь.
Не политически-экономическая формула для него
это, а религіозно-философская система, въ которую
политически-экономическіе вопросы входятъ лишь
какъ часть, я сказалъ бы—какъ виѣшняя часть.

Уитманъ утверждаетъ, что основные элементы
достойной жизни и національного величія—сильный
характеръ, независимая личность, искренняя рели-
гіозность—не церковная, конечно, религіозность
разумѣется здѣсь, а благоговѣйное воспріятіе всѣхъ
ощущеній бытія, гармонизированіе нашихъ диссо-
нансовъ, вольное слитіе отдѣльныхъ звуковъ и
мелодій въ одну всемірную Симфонію.

Уитманъ убѣжденно говоритъ, что демократи-
ческая идея, надлежащимъ образомъ ухваченная, и
систематически приложенная къ поведенію, вполнѣ
достаточна, чтобы перестроить общество на здоро-

вомъ основани, и дать современнымъ народамъ ту идеальность, которой имъ не хватаетъ, и безъ которой жизнь некрасива. Изъ давящей земли исторгнуть на волю расцвѣтающій стебель. „Изъ всего этого“, говорить Уитманъ, „изъ всѣхъ этихъ жалкихъ условій, выйти, вдохнуть въ нихъ возрождающее дыханіе здоровой и героической жизни, я разумѣю вновь найденную литературу, не простое копированье и отраженѣе существующихъ поверхностей, или сводническое подслуживанье къ тому, что называется вкусомъ—не только забавлять, проводить время, прославлять красивое, утонченное, прошлое, или являть техническую, ритмическую, грамматическую ловкость—но литературу, являющуюся основой жизни, религіозную, согласующуюся со знаніемъ, съ полномочной властью управляющую стихіями и силами, научающую и воспитывающую людей, и—быть можетъ, самый цѣнныій изъ результатовъ ея—свершить освобожденіе женщины, изъ этихъ невѣроятныхъ заточеній и путъ глупости, модничанья, и всякаго рода малокровнаго худосочія—и такимъ образомъ обезпечить сильную и нѣжную женскую расу—вотъ что нужно“.

Осуждая всю прошлую Европейскую литературу, Уитманъ говоритъ: „Великіе поэты—включая Шекспира—отравны для идеи гордости и достоинства простого народа, жизненной крови Демократіи. Образцы нашей литературы, какъ мы ихъ получаемъ изъ другихъ странъ, изъ-за моря, имѣли

свое рожденіе при дворахъ, они грѣлись и выросли на солнечномъ свѣтѣ въ замкѣ: всѣ отзываются милостями принцевъ".

Пересоздать Религію, Литературу, Воспитаніе, всю Жизнь—на основахъ Демократіи. Чтобы она цвѣткомъ, плодомъ, сіяніемъ, свѣтомъ вошла въ человѣческие нравы. „Литература не знаетъ о безмѣрномъ богатствѣ скрытой силы и способностей народа, обѣ обширныхъ его художественныхъ контрастахъ свѣтовъ и тѣней“. Гордый замыселъ Уитмана: изъ Новаго, основаннаго на Демократіи, какъ на всеобъемлющемъ, всезахватывающемъ принципѣ, создать равноцѣнность историческому Прошлому, великому при всѣхъ своихъ ужасахъ и неправосудностяхъ, великому, прекрасному, но изжитому безвозвратно. И прекрасному какъ Прошлое, какъ картина отошедшаго, но отвратному, когда Прошлое, изжитое, хочетъ быть Настоящимъ, и цѣпляется уродливо за живое и молодое, какъ жадный Вампиръ, вставшій изъ могилы, не надлежащимъ образомъ закопанной.

Чтобы Прошлое стало совсѣмъ Минувшимъ, а Новое расцвѣтающимъ и цвѣтующимъ, нужна борьба, и во имя этой борьбы Уитманъ обращается съ заѣтомъ къ Поэту, къ каждому человѣку, который захотѣлъ бы быть красивымъ, быть во всемъ своимъ—Поэтомъ:—„Вотъ что ты долженъ дѣлать: Люби землю и солнце и животныхъ, презирай богатство, давай свою скучную лепту каждому, кто тебя попросить, поддерживай неразумнаго, засту-

пись за слабаго, посвящай, чтò заработкаешь и свою работу, другимъ, ненавидь угнетателей, не вступай въ препирательства о Богъ, имъ терпънье съ людьми и снисходительность, не склоняйся ни передъ чъмъ извѣстнымъ или неизвѣстнымъ, или передъ какимъ либо человѣкомъ или соединеніемъ численнымъ людей—веди себя свободно съ сильными людьми, неполучившими воспитанія, и съ молодежью, и съ матерями семей—пересмотри умомъ все, что тебъ говорили въ школѣ или въ церкви или въ какой-нибудь книгѣ, и отвергни все, что оскорбляетъ твою собственную душу; и твоя собственная плоть будетъ великой поэ мой, и будетъ имѣть роскошнѣйшую краснорѣчивую гибкость, не только въ словахъ, но и въ безгласныхъ линіяхъ губъ и лица, и между рѣсницами глазъ твоихъ, и въ каждомъ движеньи и суставѣ твоего тѣла. Поэтъ не будетъ терять свое время въ бесплодности. Онъ узнаетъ, что почва уже разработана, почва воздѣлана: другие могутъ не знать этого, онъ узнаетъ. Онъ прямо подойдетъ къ мірозданию“.

Во имя борьбы за Новое, Уитманъ поднимаетъ бранное знамя, и поетъ боевую пѣсню, „не только для этого дня, но на тысячу лѣтъ поеть эту пѣсню“. Въ утренній часъ онъ слышитъ говорь-перекличку Поэта, Знамени, Ребенка и Отца. Онъ заносить для насъ на пергаментъ „Пѣснь разсвѣтнаго Знамени“.

ПѢСНЬ РАЗСВѢТНАГО ЗНАМЕНИ

Поэтъ

О, новая пѣснь, свободная пѣснь,
Ты бѣшься, ты бѣшься, ты бѣшься, ты бѣшься,
Зовы тебя порождають, и четкій напѣвъ голосовъ,
Голосъ вѣтра и зовъ барабана,
Голосъ знамени, голосъ ребенка, и голосъ моря, и голосъ отца,
Низко здѣсь на землѣ, и высоко тамъ въ воздухѣ,
На землѣ, гдѣ стоять отецъ и ребенокъ,
И въ воздухѣ вышинемъ, куда глаза устремляются,
Гдѣ бѣтся разспѣтное знамя.

Слова! что вы, мертвяя книжности!
Нѣть больше словъ, ибо глядите и слушайте,
Пѣсня моя здѣсь звучить на открытомъ воздухѣ,
Я долженъ пѣть вмѣстѣ съ знаменемъ; съ браннымъ стягомъ.

Скручу я струну, и вкручу въ нее
Желанье мужчины, желанье ребенка, я вкручу ихъ въ нее,
Жизнью струну я наполни,
Я вмѣщу въ нее яркій конецъ штыка,
Я вкручу въ нее пули и свисты картечи,
(Какъ тотъ, кто несетъ угрозу и символъ далеко въ грядущее,
Съ голосомъ трубнымъ крича: *Пробудитесь, возстаньте, Пробудитесь, возстаньте!*).
Я стихъ изолю съ потоками крови, полный воленія и радости,
Стихъ текучий, или же скорѣе, соперничай
Со знаменемъ, знаменемъ браннымъ.

Знамя

Сюда, ко мнѣ, пѣвецъ, пѣвецъ,
Сюда, ко мнѣ, душа, душа,
Сюда, ко мнѣ, ребенокъ малый,

Мы будемъ въ облакахъ носиться,
Съ вѣтрами будемъ мы играть,
Съ вѣтрами будемъ мы кружиться,
Съ безмѣрнымъ свѣтомъ веселиться.

Ребенокъ

Отецъ, скажи, что тамъ въ небѣ манить меня длиннымъ паль-
цемъ;
И что это мнѣ въ то же время говорить, говорить?

Отецъ

Ничего, дитя, ты не видишь въ небѣ,
Посмотри, тамъ въ домахъ, сколько яркихъ вещей,
Открываются лавки мѣняльные,
Посмотри, приготовилось сколько повозокъ,
Чтобъ поизти среди улицъ съ товарами;
Сколько цѣнности въ нихъ, и труда сколько вложено,
Какъ желаешь ихъ вся земля.

Поэтъ

Свѣжимъ и розово-краснымъ солнце восходить все выше,
Море въ дали голубой плыветь и бѣжитъ и плыветь,
Вѣтеръ надъ лономъ морскимъ вѣтеть, стремится къ землѣ,
Вѣтеръ сильный идеть съ запада, съ юго-запада,
Пѣной молочной-бѣлой играсть надъ гранью водъ.

Но я-то не море и не красное солнце,
Я не вѣтеръ съ ребяческимъ смѣхомъ его,
Я не вѣтеръ, который и хлещетъ и бѣть,
Но я тотъ, кто, незримый, приходитъ, посты,
Прихожу, и пою, и пою, и пою,
Я тотъ, кто лепечеть въ ручьяхъ и дождяхъ,
Я птицамъ извѣстенъ въ поляхъ и въ лѣсахъ.

Они мнѣ щебечутъ и утромъ и вечеромъ,
Я тотъ, кто извѣстенъ прибрежнымъ пескамъ,
И знаютъ шипящія волны мейя,
И знамя, и бранное знамя,
Что мечется, бѣтся вверху.

Р Е Б Е Н О КЪ

Отецъ, да оно живое,
Какъ тамъ много людей, тамъ дѣти,
Вотъ, мнѣ кажется, вижу—оно
Говорить съ своими дѣтьми,
Я слышу, оно говорить и со мной.
Какъ это волшебно!
О, оно расширяется быстро ростеть—Отецъ,
Оно покрываетъ все небо.

О Т Е ЦЪ

Перестань, перестань, глупый мальчикъ,
То, что ты говоришь, нечалить меня,
И мнѣ очень не правится;
Смотри съ другими, опять говорю,
Смотри не вверхъ, на знамена,
Взгляни, мостовая какая внизу,
И замѣть, какъ прочны дома.

З н а м я

Говори съ ребенкомъ, пѣвецъ,
Говори всѣмъ дѣтямъ на югъ и на сѣверъ,
Все забудь, укажи этотъ день,
Я вьюсь, развѣваюсь по вѣтру.

П о э тъ

Я вижу не эти лишь полосы знамени,
Я слышу раскатные топоты армій,

И слышу я окликъ, зоветъ часовой,
Я слышу ликующій вопль миллионовъ,
Я слышу Свободу въ воззваньяхъ людей.
Гремятъ барабаны, безумствуютъ трубы,
Я самъ между ними—возсталъ, и лечу,
Я вольная птица лѣсовъ и утесовъ,
Я вольная птица морей,
Съ высотъ я взираю, на крыльяхъ, на крыльяхъ,
И мнѣ ли плѣнительный миръ отвергать,
Я вижу безчисленность пашенъ, амбары,
Я вижу работы, я вижу рабочихъ,
Я вижу несчетность телѣгъ и телѣгъ,
Я вижу, я слышу, летять паровозы,
Я вижу огромные монцные склады,
Я вижу на Западѣ груды зерна,
Надъ нимъ задержавшись, я рѣю,
Я вижу на Сѣверѣ лѣсь строевой,
И вновь я на Югѣ, и всюду работа;
Окинувши цѣлое зоркимъ оглядомъ,
Я вижу, какъ цѣны сбирая и жатвы,
Я вижу, что значить Единство великихъ,
Надменныхъ, въ единое слитыхъ, владѣній,
(А сколько ихъ будетъ сиѣ!),
Я крѣости вижу надъ гуломъ портовымъ,
Приходить, уходить, плывать корабли,
И все же, и все же, надъ всѣмъ этимъ міромъ
Подъемлю я малое длинное знамя,
Возникшее въ видѣ меча.
Проворно летить оно, мечется, бѣтся,
Войну указуя и вызовъ,
Мой стягъ уже поднять надъ глыбами зданій,
Грозить лезвіемъ это звѣзднос знамя,
Прочь миръ отъ земли и воды!

З Н А М Я

Все громче и громче, сильнѣе, смылѣе,
Все дальше и дальше, пѣвецъ,
Пронзіи своимъ голосомъ воздухъ,
Не миръ и богатства показывай дѣтямъ,
Довольно обѣ этомъ, мы ужасомъ будемъ,
Теперь ужь мы ужасъ, теперь мы рѣзня.
Что значить обширность надменныхъ владѣній?
Ихъ пять, или десять, ихъ сколько, ихъ сколько?
И сколько тамъ складовъ и лавокъ мѣнильныхъ?
Все, все это наше, всѣ земли, всѣ воды,
И морс, и рѣки, и нивы, и долы,
Для нась паруса кораблей,
Для нась эта ширь многотысячноверстая,
Для нась города съ многолюднымъ ихъ грохотомъ,
Для нась миллионы людей,
О, бардъ, ты и въ жизни и въ смерти верховный,
Смотри, мы wysoko, мы бранисе знамя,
Такъ пой же, не только для этого дня,
На тысячу лѣтъ спой теперь эту пѣсню,
Для малой, для дѣтской души.

Р Е Б Е Н О КЪ

О! отецъ, я домовъ не люблю,
Никогда ихъ любить я не буду,
И монеты не нравятся мнѣ,
Но хотѣлъ бы подняться я вверхъ,
Отецъ, мой отецъ, это знамя люблю я,
Я хотѣлъ бы, и долженъ стать знаменемъ.

О Т Е ЦЪ

Мальчикъ родной, ты тревогой меня исполняешь!
Этимъ знаменемъ быть слишкомъ было бы страшно,

Мало ты знаешь о томъ, что такое сегодняшній день,
И что послѣ сегодня, всегда, навсегда,
Здѣсь выгоды нѣтъ никакой,
А опасность на каждомъ шагу,
Выйти во фронтъ и стоять передъ битвами -
И какими еще!
Что у тебя съ ними общаго?
Со страстями неистовыхъ, съ этой рѣзней, съ преждевре-
менной смертью?

З п л м я

Такъ воть, я пою эту смерть и неистовыхъ,
Все сюда, да, всего я хочу,
Я, бранюое знамя, подобное видомъ мечу,
Новый восторгъ, изступленный,
И стремленія дѣтей, этоть лепеть ихъ,
Со звуками мирной земли я солью,
И съ влажными всплесками моря,
Корабли, что на морѣ сражаются въ дымѣ,
И льдиность холоднаго дальнаго Сѣвера;
Съ шелестѣньями кедровъ и сосенъ,
И дробь барабановъ, и топотъ идущихъ солдатъ,
И Югъ, съ его солнцемъ горячимъ,
И бѣлыя гребни заливной волны
Береговъ Востока и Запада,
И все что замкнуто межъ ними,
Водопады и рѣки бѣгунія,
И горы, и поле, и поле, и лѣсъ,
О, весь материкъ въ его цѣлости,
Безъ забвенья малѣйшаго атома,
Все сюда, что посты, говорить, вопрошасть,
Все сюда, мы вберемъ и сольемъ это все,
Мы хотимъ, мы возьмемъ, мы беремъ, мы поглотимъ,
Довольно улыбчивыхъ губъ
И музыки словъ поцѣлуинныхъ,

Изъ ночи возставши для дѣла благого,
Теперь ужъ не вкрадчивымъ голосомъ мы говоримъ,
А какъ вороны каркаемъ въ вѣтрѣ!

Поэтъ

Крѣпнѣсть все тѣло мое,
Жилы мои расширяются,
Все ясно теперь для меня.
Знамя, какъ шириншься ты, приближаясь изъ ночи,
Я тебя воспѣваю надменно,
Я тебя возглашаю рѣшительно,
Я прорвался, и нѣтъ больше путь,
Слишкомъ долго и глухъ былъ и слышенъ,
Мой глазъ и мой слухъ утончились,
Ребенокъ ихъ мнѣ возвратилъ,
Я слышу, о, бранное знамя,
Твой насмѣшилый зовъ съ высоты,
Безумный! безумный! О, знамя,
Но я жѣ тебя пою.
О, да, ты не тишия домовъ,
Ты не пышность и тижесть богатства,
Возьми здѣсь любой изъ домовъ,
Коли хочешь, любой здѣсь разрушь,
Ты ихъ разрушать не хотѣло,
Но разнѣ имъ можно стоять,
Хоть часъ, если ты не надъ ними?
О, знамя, не цѣнность ты вещи,
Тебя не купишь на деньги,
Но что мнѣ все виѣшности жизни,
Что пристани мнѣ съ кораблями,
Вагоны, машины, машины,
Тебя лишь отсюда я вижу,
Изъ ночи, но съ грозьями звѣздъ,
Ты свѣта и тьмы раздѣлитель,
Ты воздухъ вверху разрѣзаешь,

Ты солнечнымъ блескомъ согрѣто,
Ты мѣряешь пропасть небесь,
Въ то время какъ дѣльные съ дѣломъ,
Толкують про дѣло, про дѣло,
Ребенку ты вдругъ полюбилось,
Ребенокъ увидѣлъ тебя,
О, ты, верховодное знамя,
О, стигъ боевой и эмъинный,
Въ выси, недоступной змѣю,
Ты вѣшься и ты шелестишь,
Ты образъ, ты только идея,
Но кровь будетъ здѣсь проливаться,
И яростно будуть сражаться,
И какъ ты возлюблено мной.
Надъ всѣми, и всѣхъ призываю,
И всѣми державно владѣи,
Ты вѣшься, разсвѣтное знамя,
Являя намъ звѣздный свой ликъ,
И всѣхъ я и все оставлю,
И вижу лишь бранное знамя,
И знамя одно воспѣваю,
Которое въ вѣтрѣ шумитъ!

Тамъ гдѣ у обычного стихотворца получается лишь политическое стихотвореніе, имѣющее определенно-данный, однодневный, одномѣстный смыслъ, у поэта, знающаго, что значитъ быть „на крыльяхъ, на крыльяхъ“, возникаетъ гимнъ, совмѣщающій въ себѣ временное съ вѣчнымъ, художественную красоту съ чисто-человѣческимъ призывомъ, проникновенную узычивость живого голоса, убѣдительность мгновенія, и священный характеръ столѣтій. Въ „Пѣсни разсвѣтнаго Знамени“ мы чувствуемъ,

знакомую намъ съ дѣтства, балладность Erlkönig'a, музыкальность сказочности, вспоминаемъ нашъ собственный лепеть, когда, въ дѣтствѣ, впервые нась коснулось широкое вѣяніе міровой жизни, ребенку болѣе понятное, чѣмъ взрослому, если взрослый чуждъ поэзіи героизма, живой философіи вѣчно-стремительного, вѣчно-боевого бытія. Мы чувствуемъ всю драматичность повторнаго, въ историческихъ зреющацахъ неизбѣжнаго, столкновенія между отцами и дѣтьми, между естественнымъ самосохранительнымъ упоромъ, который хочетъ быть на мѣстѣ, хотя бы мѣсто перестало уже быть очагомъ покоя, а стало мѣстомъ неправды и духовной заразы, и между полуслѣпымъ и вѣще-зрячимъ молодымъ разбѣгомъ, которому хочется сдѣлать свой прыжокъ, и который, если разбѣгится достаточно, явно покажетъ, что пропасти можно пересѣчь—не перекидывая моста. Быстро, сразу, побѣдительно.

Пропѣвшій „Пѣснь разсвѣтнаго Знамени“—это военный трубачъ, для многихъ битвъ и многихъ войскъ. Трубачъ, отъ которого сердцу становится радостно, и легче становится идти сомкнутымъ строемъ.

Принцъ Сэхисмундо, герой драмы „Жизнь есть сонъ“, въ которомъ Кальдеронъ воплотилъ типъ человѣка какъ человѣка, впервые, послѣ тюремной тоски, ощущивши возможность исполнять всѣ свои прихоти, не想要 ни забавъ ни развлечений, и говорить—

Лишь грому музыки военной
Мой духъ всегда внимать готовъ.

Подобно этому Уольть Уитманъ, надѣленный дарами отъ творческихъ фей такъ щедро, что могъ бы всю жизнь забавляться игрушками красокъ, страстей, и нарядностей, не想要 покоя, не想要 упоительности. Онъ беретъ трубу, и возвѣщаетъ бой.

Разставаясь съ нимъ, унесемъ въ душѣ его боевой возгласъ.

Еще одинъ боевой возгласъ. Вскрикъ поэта борьбы.

ГРОМЧЕ УДАРЬ БАРАБАНЪ

Громче ударь, барабань! Трубы, трубите, трубите!
Въ окна и въ двери ворвитесь съ неумолимою силой,
Въ храмъ во время обѣдни, пусть всѣ уйдутъ изъ церкви,
Въ школу, гдѣ учится юноша, силою звуковъ ворвитесь,
Жениху не давайте покоя не время теперь быть съ невѣстой,
Возмутите мирнаго пахари, который пашетъ и жнетъ,
Гремите сильнѣй, барабаны - громче, сильнѣе ударьте,
Рѣзкія трубы, трубите звуки намъ, призываїи рогъ!

Громче ударь, барабань! Трубы, трубите, трубите!
Надъ суетой городовъ надъ уличнымъ шумомъ и грохотомъ.
Постели готовы для спящихъ, чтобы спать эту ночь въ домахъ?
Не надо, не нужно, чтобы спящіе спали въ постеляхъ своихъ.
Торговцы торгуютъ? Не надо! Не нужно теперь торгаши.
Ораторъ еще не умолкъ? Нѣвецъ будеть пѣть пожалуй?
Въ судѣ адвокатъ защищаетъ дѣло свое предъ судьей?
Скорѣй же, скорѣй, барабаны разсыпьтесь гремящую дробью,
Произнительно, трубы, трубите, звуки намъ, призываїи рогъ!

Громче ударь, барабань! Трубы, трубите, трубите!
Переговоровъ не надо - разубѣжденія прочь,

**О боязливомъ не думать—о слезахъ и моленяхъ не думать,
О старицѣ, умоляющемъ юношу, помыслы прочь,
Голосъ ребенка да смолкнетъ, зовъ материнскій да смолкнетъ,
Ждущіе похоронъ трупы, пусть даже вздрогнутъ они,
Страшную вѣсть возвѣстите, боемъ своимъ, барабаны,
Съ воплемъ трубите намъ, трубы звучи намъ, призывныи рогъ!**

Такъ умѣлъ говорить поэтъ, у котораго были
сѣдые волосы въ молодости и молодые глаза въ
старости.

Объ Уайлдъ

„Я бѣгу теперь отъ искусства“, говорилъ, за-
нѣсколько лѣтъ предъ своей смертью, Оскаръ
Уайлдъ, встрѣтившись случайно съ однимъ изъ
своихъ пріятелей въ Алжирѣ. „Я хочу молиться
Солнцу, одному лишь Солнцу. Вы замѣтили, что
Солнце гнушаются мыслю? Оно изгоняетъ ее, мысль
должна прятаться въ тѣни. Прежде Солнце жило
въ Египтѣ. Солнце побѣдило Египетъ. Оно долго
жило въ Греціи. Солнце побѣдило Грецію, затѣмъ
Италію, затѣмъ Францію; нынѣ всякая мысль изгнана,
вытѣснена до самой Норвегіи и Россіи, гдѣ никогда
не бываетъ Солнца. Солнце завидуетъ искусству“.

Этотъ красивый парадоксъ, справедливый, какъ
большая часть парадоксовъ, весьма характеренъ
для „Короля Жизни“, умершаго преждевременно,
для Джентльмэна Поэзіи, ринувшагося въ омутъ
безславія, для художника, влюбленнаго въ наслажденіе и угасшаго въ скорби *). Какъ жизнь Оскара
Уайлда, вся сплошь, была блестящимъ смѣлымъ
парадоксомъ, отравленнымъ чрезмѣрностью пре-

*.) См. болѣе подробный этюдъ объ Оскарѣ Уайлдѣ въ
моей книжѣ „Горная Вершина“.

зрѣнія избалованнаго генія къ нищенски-убогой мѣщанской толпѣ, такъ яркимъ парадоксомъ является и его литературная слава, жизненная и посмертная. Какіе скачки! Литературный диктаторъ и многолѣтній триумфаторъ Лондона [и Парижа подвергается, послѣ своего процесса, полному небреженію и презрѣнію, литературно дѣлается мертвѣцомъ, превращается въ ничто — и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ дѣйствительной своей смерти, вдругъ возникаетъ какъ свѣтлый фениксъ, и культь его создается именно имъ его беззавѣтной любви къ искусству, именно въ странахъ, рѣдко посѣщаемыхъ Солнцемъ: въ Германіи, въ Россіи, въ Польшѣ.

За послѣдніе годы онъ цѣликомъ переведенъ, и неоднократно, въ столь непохожей на него странѣ Прусскихъ штыковъ и комнатной демократіи; онъ нашелъ себѣ даровитую переводчицу среди изысканныхъ Поляковъ, такъ любящихъ все тонко-художественное *); онъ нашелъ себѣ цѣнителей и въ Россіи. Книгоиздательство „Грифъ“ напечатало его драму „Саломея“, книгоиздательство „Скорпіонъ“ выпустило его „Балладу Рэдингской тюрьмы“, являющуюся единственнымъ по силѣ воплемъ человѣческой души предъ ужасомъ смертной казни, тоже книгоиздательство „Грифъ“ издало хороший переводъ примѣчательной его книги „De Profundis“ **), въ разныхъ переводахъ появились сказки Уайльда,

*) Мар. Фельдманъ.

**) Ек. Андреевой.

переводятся и, вѣрно, будутъ изданы цѣликомъ его драмы. Изъ этихъ послѣднихъ особенно красива „Саломея“, восточно-пряная и роскошная, ставившаяся съ успѣхомъ въ Парижѣ и въ Берлинѣ.

Наряду съ переводами произведеній Оскара Уайлъда на иностранные языки, стали переиздаваться и въ самой Англіи его сочиненія, находившіяся долгое время подъ запретомъ общеестественнаго безмолвія. Появились также нѣкоторыя его вещи, досель неизвѣстныя. Къ числу ихъ относится интересный этюдъ „The soul of Man“. Этотъ очеркъ особенно интересенъ въ настоящее время: въ немъ утонченный эстетъ говорить съ сочувствіемъ о грядущемъ царствѣ Соціализма, торжество котораго онъ считаетъ несомнѣннымъ и желательнымъ. Съ простымъ и яснымъ краснорѣчіемъ Оскаръ Уайлъдъ доказываетъ, что современный капиталистической строй общественной жизни ведеть къ глубокимъ униженіямъ человѣческаго лика и къ жестокимъ несправедливостямъ. Соціализмъ же, по его мнѣнію, освободить людей отъ несчетнаго количества винѣшнихъ путъ и приведеть къ роскошному расцвѣту Индивидуализма. „Новый Индивидуализмъ“, говорить Уайлъдъ, „для котораго Соціализмъ, желаетъ ли онъ этого или нѣтъ, теперь работаетъ, будетъ совершенной гармоніей. Онъ будетъ тѣмъ, чего Греки искали, но чего они не могли осуществить вполнѣ,—развѣ лишь въ Мысли,—ибо они имѣли рабовъ и питали ихъ; онъ будетъ тѣмъ, чего Возрожденіе искало, но чего оно не могло осуществить

вполнѣ,—развѣ лишь въ Искусствѣ,—ибо оно имѣло рабовъ, и морило ихъ голодомъ. Это будетъ осуществлено вполнѣ и черезъ это каждый человѣкъ будетъ достигать своего совершенства. Новый Индивидуализмъ есть новый Эллинизмъ".

Эти строки Уайльда о Соціализмѣ будуть неожиданностью для многихъ почитателей его поэтическаго творчества. На самомъ же дѣлѣ они—лишь логическій выводъ изъ основныхъ свойствъ его свободолюбивой натуры, преданной высокимъ наслажденіямъ мысли и творчества, и натуры воистину благородной, ибо, желая для себя всего, онъ и за другими признавалъ это великое человѣческое право. Любя Красоту, онъ все хотѣлъ бы обнять ся сіяніемъ, и всѣ взоры обратить къ ней, оторвавши отъ некрасиваго, грубаго, вѣшняго, временяного, подневольнаго, узкаго. На вопросъ читаль ли онъ „Записки изъ Мертваго Дома“, Оскаръ Уайльдъ отвѣтываетъ („De Profundis“, 20): „Эти русскіе писатели превосходны: что дѣластъ ихъ книги велики,—это состраданіе, которое они въ нихъ вкладываютъ. Прежде я очень любилъ „Мадамъ Бовари“. Но Флоберъ не хотѣлъ состраданія въ своемъ произведеніи, и потому оно узко и удушливо. Состраданіе—открытая сторона литературнаго творенія, черезъ которую открывается просвѣтъ въ Вѣчность“.

Чрезвычайно сильны строки Уайльда о мученикахъ человѣка, заключенного въ тюрьму (тамъ же, 30): „Страданіе—безконечно-длинное мгновеніе. Его не раздѣлишь на времена года. Мы можемъ только

отмѣтить его отъѣнки и вести счетъ ихъ правильнымъ возрастамъ. Время не движается для насъ само. Оно вращается. И кажется, оно вращается вокругъ одной точки: страданія... У насъ одно время года: время скорби. Насъ лишили солнца и луны. Пусть на дворѣ сверкаетъ день лазурью и золотомъ,—свѣтъ, что вползаетъ сквозь тусклое стекло, въ окно съ желѣзной рѣшеткой, за которой мы сидимъ,—скуденъ и сѣръ. Вѣчные сумерки—въ нашей камерѣ, какъ вѣчные сумерки—въ нашемъ сердцѣ“.

„Теперь я вижу“, говорить онъ далѣе (стр. 52), „что страданіе, какъ самое благородное душевное движение, на какое способенъ человѣкъ, есть самая типичная черта и вѣриѣйшій признакъ всякаго возвышенного искусства“. „Только изъ страданій соиздаются міры, и безбогъзненно не проходитъ ни рожденіе ребенка ни рожденіе звѣзды. Болѣе того: страданіе—напряженнѣйшая, величайшая реальность міра“. Трогательность и плѣнительность дѣтской души Поэта, который не можетъ не жить противорѣчіемъ! Оскаръ Уайлдъ былъ безразсуднымъ, вакхически-бѣшенымъ духомъ Наслажденія, Оскаръ Уайлдъ такъ краснорѣчиво говоритъ, когда душѣ его нашептала свои слова исхудала Сибилла Страндія. Вполнѣ понятно, что ничей образъ такъ не притягивалъ фантазію Оскара Уайлъда, какъ образъ Христа, противорѣчивый, полный зыбкихъ тайнъ, образъ юнаго бога, который, совершая первое чудо, превратилъ воду въ вино, а самъ испилъ въ своей

жизненной чашъ всю горечь Mira,—говорилъ, улыбаясь, съ дѣтьми, говорилъ объ улыбкѣ цвѣтовъ, а самъ умеръ съ разбойниками, пробитый гвоздями. Совсѣмъ особенны по красотѣ своей слова Уайльда о Христѣ (стр. 62): „Я сказалъ: Ониъ принадлежитъ къ поэтамъ. Это вѣрно. Шелли и Софокль—братья Ему. И вся жизнь Его—чудеснѣйшая поэма... Ни у Эсхила, ни у Данте, этихъ суровыхъ мастеровъ нѣжности, ни у Шекспира, наиболѣе въ своей чистотѣ человѣчнаго изъ всѣхъ великихъ художниковъ, ни въ Кельтскіхъ миѳахъ и легендахъ, гдѣ сквозь туманъ слезъ свѣтится все очарованіе міра и жизнь человѣческая цѣнится какъ жизнь цвѣтка,—нигдѣ нѣтъ того, чтобы простота страданія равнялась возвышенности трагического дѣйствія, раство-рилась въ немъ и могла бы уподобиться послѣднему акту Страстей Христовыхъ, или хотя бы при-блізиться къ нему“.

Нельзя не согласиться также съ мыслью Уайльда, что и до Христа, навѣрно, бывали Христіане, но послѣ Христа ихъ больше уже не было, за однимъ лишь исключеніемъ. Этотъ единственный, конечно, Францискъ Ассизскій. Были приближенія къ Христу и къ Христіанству, было безмѣрное множество чудовищныхъ кошмарныхъ его извращеній, все еще дляящихся, но, въ цѣломъ, въ точности правъ другой геній 19-го вѣка, соблазнявшійся мыслью о Христѣ,— Ницше, сказавшій, что Христіанство умерло съ Христомъ — на крестѣ, который принялъ тѣло Христа.

Тайна одиночества и смерти

(О творчествѣ Мэтерлинка)

Мы живемъ въ этомъ Мирѣ окруженные отовсюду жестокой непроницаемой тайной. Наша жизнь проходитъ какъ сказка, въ развитіи которой мы участвуемъ всей болью, всей чуткостью нашего существа, но содержанія которой мы не подозрѣваемъ, и никогда не знаемъ, какой насть ждетъ конецъ, и гдѣ онъ насть подстерегаетъ. Въ самую неожиданную минуту мы падаемъ въ обрывъ. Отъ самого любимаго существа мы получаемъ самый жестокій ударъ. Самая яркая красочная минута внезапно смыняется плоскимъ кошмаромъ повторности и будней, или грязно-кровавымъ, вихреобразнымъ, удушающимъ кошмаромъ того, что зовется трагической судьбой.

Мы смотримъ вокругъ себя. Мы ищемъ въ Природѣ цвѣтовъ, гармоніи, красокъ, чарующей оправы для тѣхъ драгоценныхъ камней, которые мы называемъ своими лучшими мгновеніями. Но въ то время, какъ мы, съ своей единичной неповторяющейся жизнью, стараемся сдѣлать Природу своимъ средствомъ и своей союзницей, она вдругъ, съ грубостью незрячей силы, съ страшной прямолинейностью

звѣря, живущаго по своимъ, намъ чуждымъ, законамъ, хватаетъ насъ за горло, топчетъ насъ, губить насъ, давить какъ жерновомъ тѣхъ, кого мы любимъ, разрываетъ какъ щипцами кружево нашей мечты, и, оставивъ насъ, во внѣшнемъ и внутреннемъ, калѣками, проходитъ не замѣчая раздробленныхъ нашихъ жизней, нашихъ смытыхъ златооковъ, раздавленныхъ тяжелыми копытами.

Мы ищемъ отвѣта въ Мировомъ Разумѣ. Какъ паукъ устремляеть во всѣ стороны тонкія паутинки, чтобы найти себѣ гдѣ-нибудь точку опоры, прицѣлку для созданія воздушныхъ своихъ дорогъ, мы устремляемся въ пространство всѣмъ тонкимъ, что есть у насъ въ душѣ, мы тянемся, и внизъ, и ввысь, въ безумныя дали, мы истрачиваемъ на эти безконечныя поиски все, все, что есть въ насъ нереально-воздушного, паутинно-чуткаго и нѣжнаго. Но точки опоры нѣть нигдѣ, всюду пропасть, всюду срывъ, всюду скользкая стѣна, на которой нельзя укрѣпиться, пустота, темная, черная, мутно-холодная. И мы безвозвратно уходимъ отъ себя, не приходя ни къ какому пріюту.

Мы инстинктивно цѣляемся за маленькия радости нашихъ маленькихъ жизней, мы строимъ цѣлый міръ на любви къ одному родному существу, въ его глазахъ видимъ звѣзды, въ его приближеніи чувствуемъ весну, во всемъ его миломъ желанномъ явленіи ищемъ тепла и уютности, солнца, красивыхъ и вѣрныхъ огоньковъ грѣющаго насть очага. Но Смерть и Болѣзнь входятъ въ наши дома, не

предупреждая насть, какъ вражескія полчища проходятъ по чужимъ засѣяннымъ полямъ, оставляя за собою лишь взрытую пустыню, срываются, сметаютъ какъ циклономъ наши скучные и робкія построенія, и, прежде чѣмъ мы успѣемъ оглянуться, наша жизнь изуродована.

И если тѣлесная смерть и тѣлесные недуги ужасны и неумолимы, есть что-то еще страшнѣе, нѣчто столь жестокое, что физическая смерть даже дѣлается желанной для обездоленного. Я говорю о двухъ нашихъ демонахъ, которые зовутся непониманіемъ и смертью чувства, умершаго передъ жадными губами другого чувства, которое еще живо, и хочетъ, и тянетъ къ тому, что уже превратилось въ остывшій трупъ.

О чѣмъ бы мы ни говорили другъ съ другомъ, наши души несліянны. Одинокимъ человѣкомъ рождается, одиноко онъ живеть и чувствуетъ, одинокимъ онъ умираетъ. Минутную радость сліянія онъ узнаетъ какъ оазисъ, лишь для того, чтобы съ двойною силой и остротой почувствовать черезъ минуту, что каждая душа идетъ своей дорогой, и когда наши горячія, или похолодѣвшія, руки сжимаютъ одна другую, глаза нашихъ душъ далеко другъ отъ друга, наши души блуждаютъ одиноко въ незримыхъ пустыняхъ, и не медлятъ подолгу въ заблестѣвшихъ нашихъ зрачкахъ, когда шепчутъ губы другимъ устамъ нѣжное какъ поцѣлуй слово: „Люблю“.

Любя другъ друга, мы блуждаемъ въ гrotахъ

и лабиринтахъ. Мы перекликаемся черезъ стѣны, которые не разомкнутся. Горячее сердце взыываетъ къ другому, въ которомъ бьется алая кровь, но враждебное горное эхо путаетъ слова, мѣняетъ ихъ, подмѣниваетъ, и души не узнаютъ болѣе другъ друга, онъ больше не узнаютъ самихъ себя, и тамъ, гдѣ флейтой звучать рыданія влюблennости, чужому разуму слышится издѣвающійся хохотъ, живые цвѣты шуршать какъ искусственные, напѣвныя слова любви дѣлаются мертвыми, какъ глухой непріязненный голосъ, отброшенный сырьими сводами склепа. Это страшный сонъ, когда это только кажется. Что же за боль возникастъ въ сердцѣ, когда сонъ оказывается неустранимой дѣйствительностью! Когда больше нельзя сомнѣваться! Когда руки, ласкавшія, толкаютъ тебя! Когда глаза, горѣвшіе нѣжностью изъ-подъ сказочно-ласковыхъ рѣсницъ, теперь смотрятъ съ свинцовымъ презрѣніемъ уничтожающей холодности!

Наши тѣла не находятся въ гармоніи съ нашими цвѣточно-нѣжными душами. Наши тѣла — темницы.

Нѣть путей отъ мечты къ мечтѣ.

Мы кружимся и ищемъ. Мы кружимся и не находимъ. Мы загораемся и гаснемъ. И снова мы кружимся. Опять мы какъ волны. Мы хотимъ достижений. Мы стонемъ и ропщемъ. Мы любимъ и плачемъ. Мы слушаемъ звукъ нашего собственного голоса. А Море, въ которомъ мы не болѣе какъ волны, живеть въ это время своей собственной

жизнью, незримой и непонятной для насъ, радуется безпредѣльно на эти отдѣльныя наши рыданія, ибо они для него сливаются въ одинъ великий гармонический гулъ, оно живеть, пока мы умираемъ, оно торжествуетъ, когда мы гибнемъ въ колыханьи и лѣни Мирового Океана.

Изначально горѣнья Желанья,
А изъ пламени волны повторныя,
И рождаются въ небѣ сіянья,
И горятъ ихъ сплетенья узорныя.

Неоглядны просторы морскіе,
Незнакомы съ уютомъ и съ жалостью,
Каждый мигъ эти воды другія,
Полны тьмою, лазурностью, алостью.

Имъ лишь этимъ и можно упиться,
Красотою оттѣнковъ различія,
Загораться, носиться, кружиться,
И взметаться, и жаждать величія.

Если жь волны предѣльны, усталы,
Въ безднахъ Mира, стѣной онѣмѣлоу,
Возникаютъ высокія скалы,
Чтобъ разбиться имъ цѣною бѣлою.

Ощущеніе Смерти и внутренняго Одиночества хорошо знакомы каждому художнику и каждому тонко-чувствующему человѣку, но оно сдѣлалось какъ бы лозунгомъ современного художественного творчества. Это ощущеніе, въ драматической формѣ, особенно ярко выразилось у трехъ крупныхъ писателей — Ибсена, Гауптмана, и Мэтерлинка, и у послѣдняго изъ этихъ трехъ оно достигло своей

криSTALLизации, той законченной отвлеченности и оригинальности, въ которой нѣть больше ничего личного, случайного, временного, мѣстнаго. Въ творчествѣ Мэтерлинка мы видимъ ощущеніе Смерти и Одиночества въ такихъ же красивыхъ и непогрѣшimыхъ формахъ, въ какихъ грезящая звѣздностью зимняя фантазія Природы выражается въ снѣжинкахъ и въ морозныхъ узорахъ.

Въ драмахъ Ибсена, который, несмотря на міровую славу, прожилъ всю свою жизнь одинокимъ,— въ этихъ холодныхъ, полныхъ враждебности, истинно-сѣверныхъ, скалисто-угрюмыхъ панорамахъ,— насъ ежеминутно овеиваетъ жуткое чувство надвигающейся гибели, безпріютность одинокой души, на которую вотъ-вотъ обрушится непомѣрная тяжесть. Зябко-одиноки эти невеселые несчастливцы драмы „Росмерсхольмъ“ или „Дикой утки“. Одинокъ этотъ Брандъ, похожій на горное привидѣніе, и Сольнесъ, падающій съ своей же башни, и безумный Освальдъ, влюбленный въ Солнце, убитый гнетомъ непогоды, и своевольная Гедда Габлеръ, и демоническая Йордисъ, скорбная и безжалостная валькирия, которой тѣсно и душно подъ низкимъ потолкомъ ежедневности.

У автора „Одиночныхъ людей“, Гауптмана, это чувство Смерти и несліянности одной души съ другой, быть можетъ, выражается еще сильнѣе. Въ его драмахъ нѣть рунической лаконичности геніального Ибсена, но зато здѣсь теплѣе, горячѣе кровь, и нѣжнѣе страданіе. Незабвенно въ своемъ

одинокомъ мученіи эта малютка Ганнеле, которая умѣеть говорить съ ангелами, но не умѣеть говорить съ людьми. Отъ несліянности и непониманія гибнетъ Гейнрихъ въ „Потонувшемъ Колоколѣ“, въ этой поэмѣ, которую пережили не однажды художники-создатели, окруженные грубою толпой, художники, въ самой творческой своей мечтѣ встрѣчающіе лишь измѣнчивую невѣрную сильфу. Одиночко зябистъ настужъ міровой безжалостности другой Гейнрихъ, бѣдный Гейнрихъ. Гибнетъ Геншель, гибнетъ Крамеръ, гибнуть и сильные и слабые.

Но какъ ни хорошо выражено это безпріютное чувство у Ибсена и Гауптмана, ихъ герои все же слишкомъ много имѣютъ въ себѣ случайнаго, временнаго, областнаго. Съ той точки зрѣнія, съ которой мы рассматриваемъ этихъ драматурговъ сей-часъ, данное свойство есть ущербъ въ творчествѣ. Есть минуты, когда для созерцающаго сознанія неубѣдительно норвежское, неубѣдительно иѣмецкое или французское, совсѣмъ неубѣдительно случайное, что могло стать совершенно инымъ при измѣненіи того или другого условія. Мысль глубокая хочетъ типовъ и мыслей обобщенныхъ и непреложныхъ, не временнаго, а вѣчнаго, не мѣстнаго, а общечеловѣческаго. Въ этомъ смыслѣ Мэттерлинкъ создалъ совершенно особенный, свой театръ, онъ силой отвлеченія настроеній и образовъ, силой систематического устраненія изъ своего творчества реалистическихъ и национальныхъ чертъ, сумѣлъ создать эфирно-прозрачный и стройный Театръ

Душъ. Онъ говоритъ за себя и за меня, за васъ, находящихся здѣсь, и за тѣхъ, которые были, которые будуть въ иныхъ странахъ и въ иныхъ вѣкахъ. Мэтерлинкъ освободилъ цѣлый рядъ драматическихъ моментовъ отъ случайныхъ одѣяній и передъ нами—какъ бы пещера со сталактитами, озаренная луннымъ сіяніемъ,—какъ бы горный пейзажъ, среди которого проходятъ воздушные призраки, говорящіе вѣчныя слова Любви и Смерти,—Искусство, находящееся сродни математическому сознанію, которое мыслить символами и узорностью непреложныхъ чиселъ.

Мэтерлинкъ береть Жизнь въ ся основнотъ мучительномъ противорѣчіи: человѣческая личность преслѣдуется свои цѣли, а Природа, Космосъ, преслѣдуется свои, и встрѣча двухъ этихъ течений, слишкомъ часто враждебная, столкновеніе двухъ разрядовъ цѣлей создаетъ неуемную боль въ человѣческомъ сердцѣ. Человѣческому „я“, Европейскому человѣческому „я“, трудно, почти невозможно, на теперешней ступени его развитія, ощущать связь съ Мировымъ Цѣлымъ, и смотрѣть на земную жизнь не какъ на единичное, лишь разъ возникающее явленіе, а какъ на одно звено цѣлаго ряда другихъ, схожихъ, внутренне послѣдовательныхъ, соединенныхъ и блестящихъ звеньевъ, убѣгающихъ въ Безконечность. Человѣческое „я“ со всѣхъ сторонъ ощущаетъ темную вражескія силы. И въ самомъ себѣ оно видить тотъ же Хаосъ, что и во виѣ, ту же разочарованность, ту же многоголосую разъ-

яренность, тѣ же самые вопли непониманія и узкой обособленности, которые такъ мучительно замѣтать въ звѣриномъ царствѣ. Сонмы различныхъ человѣческихъ „я“ проходятъ въ бесконечномъ потокѣ, и сознаніе съ ужасомъ видѣть, что каждое изъ этихъ „я“ оторвано отъ другого, всѣ они говорять на разныхъ языкахъ, и если слова ихъ повторны до кошмарности, все же въ разговорѣ другъ съ другомъ они не понимаютъ другъ друга. Слово рождается въ живой груди, но, пока оно доходитъ до другой живой груди, оно становится мертвымъ. И люди смотрятъ глазами въ глаза, думаютъ, что видятъ другъ друга, а въ это время каждый что-то думаетъ свое про себя, и взоры тонутъ въ чужой, не отвѣчающей пустотѣ и темнотѣ.

Самые близкіе наши бываютъ самыми далекими, и, когда намъ дѣйствительно трудно, мы не находимъ ни словъ, ни рѣшиности, чтобы сказать о своемъ, убивающемъ насъ, несчастіи самому дорогому, родному человѣку. Когда дерево подкошено мѣткимъ ударомъ топора, оно, дрогнувъ отъ вершины до основанія, съ чуть слышнымъ трепетнымъ шелестомъ падаетъ на землю. Когда наша душа поражена воистину больнымъ мѣткимъ ударомъ, мы никому объ этомъ не скажемъ, абросимся въ воду, сбросимся съ высоты на камни, или выбросимъ въ себя ядъ, свинецъ,—и только незримая но зрящая насъ чудовищная Тишина Вещей услышитъ нашъ предсмертный сдавленный стонъ. Здѣсь, во вѣтъ, происходитъ одно,—тамъ, внутри,

происходить другое. И старый добрый ласковый человѣкъ, прожившій цѣлую жизнь, думавшій и видѣвшій столько и столько въ теченіе десятковъ лѣтъ, не въ силахъ увидать, что юная девушка, съ которой онъ встрѣчался ежедневно, задыхается отъ нечеловѣческаго мученія, что она сейчасъ, вотъ сейчасъ погибнетъ, въ иѣсколькоихъ шагахъ отъ него, въ то время какъ онъ тупо и спокойно будетъ смотрѣть на ликъ повседневности, а она помутившимся отъ внутренней пытки взоромъ въ послѣдній разъ взглянетъ на Небо, обманувшее ее, не услышавшее ее, оттолкнувшее ее. Родные смотрѣли и не видѣли свѣтлую страдающую душу, и, въ концѣ концовъ, увидять только мертвое загрязненное тѣло, которое случайно подобралъ Чужой.

Ту же страшную тупую слѣпоту зрячихъ мы видимъ въ домѣ, куда зашла болѣзнь. Здоровые не могутъ понять больныхъ. Живой никогда не понимаетъ умирающаго. И, чтобы услышать безшумные шаги той Непрошенней, которую мало кто зоветъ, но которая достовѣрно приходитъ къ каждому, нужно быть ребенкомъ, который еще близокъ къ покинутой имъ для Земли, родной Вѣчности, или мудрымъ старцемъ, который уже умеръ для земного, и слѣпыми глазами глядить въ Запредѣльное. Будничные предметы, окружающіе нашу жизнь облекаются, подъ влияніемъ приближающейся Смерти, таинственностью, полной указующихъ намековъ, они явственно иззываютъ къ душѣ, какъ слитный хоръ

предупреждающихъ символовъ. Но, затянутые туманомъ повседневности, опошленные и притупленные отъ прикосновеняя плоскихъ, сѣрыхъ будней, мы глупо говоримъ о тысячѣ ненужностей, мы рабски цѣпляемся за жалкіе разговоры, мы, какъ летучія мыши, задѣваемъ за предметы, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нихъ издали; не имѣя даже и такихъ крыльевъ, мы ползаемъ, мы тяжки, мы глухи, мы безъ отзука, безъ искры вдохновенія, мы низимся, клонимся, мы липнемъ къ землѣ. Лунный свѣтъ будетъ странно играть тѣнями. Соловьи оборвутъ свою пѣсню. Лебеди встревожатся на солнномъ озерѣ. Коса будетъ звенѣть, какъ страшный голосъ далекаго, но приближающагося палача. Вѣтеръ будетъ шептать, цветы будутъ осыпаться, вѣтка сорвется и упадетъ. Все равно. Мы заняты собой. Мы думаемъ объ обѣдѣ и ужинѣ, о какихъ-то будто бы родныхъ и знакомыхъ, которые чужды намъ и невѣдомы намъ, мы думаемъ о часахъ, видя лишь виѣшній ихъ ликъ, и ни мало не разумѣя рокового голоса текучихъ мгновеній. Мы думаемъ здоровымъ своимъ тѣломъ о потребностяхъ своего тѣла, и обратительная глухота наша не почувствуетъ, что вотъ, въ эту самую минуту, бессмертная душа покидаетъ насъ.

Да, мы—слѣпые. Одни -- ослѣпшіе отъ убогой своей жизни, или отъ слишкомъ долгихъ напрасныхъ исканій. Другіе—слѣпорожденные, окруженные вѣчной темнотой, не видѣвшіе ни разу даже

Ту узко-тонкую полоску,
 Тотъ голубой узоръ,
Что, узники, зовемъ мы Небомъ,
 И въ чемъ нашъ весь просторъ.

Мы на безпріютномъ островѣ, который отовсюду окружень враждебнымъ Моремъ, расшатавшимъ всѣ наши устои, и грозящимъ послѣдней выси нашихъ, когда-то достовѣрныхъ, вершинъ. Нашъ вожакъ, нашъ богъ и священнослужитель, на которого мы привыкли возлагать въ скучномъ своемъ убожествѣ всѣ наши надежды, исчезъ. Мы о немъ говоримъ, мы его еще ждемъ, хотя и безъ радости любящаго ожиданія. А онъ уже умеръ, и въ двухъ шагахъ отъ беспомощныхъ слѣпцовъ—еще болѣе беспомощный трупъ,—воплощенъе святыни, которая была маякомъ, а теперь, въ самую трудную минуту, стала лишь остывшеею тяжестью. Наша старая, изношенная повторностью, жизнь, посѣдѣвшая подъ дыханьемъ все одного и того же, похожа на древній сѣверный лѣсъ, гдѣ стволы убѣгаютъ въ недоступную для насъ высь, и качаются, какъ исполненія привидѣнія, подъ небомъ, такого же вѣчнаго вида, глубоко звѣзднымъ, устѣяннымъ планетами, до которыхъ намъ не дотянуться ни взоромъ ни мечтой. Тотъ, который вель нась и былъ намъ защитой, застывшіи сидѣть у дуплистаго дуба, огромнаго дуба, но съ полостью пустоты и изношенности внутри. Умершій близъ полуумершаго дерева не слышитъ ни воплей, ни призывовъ. И мы надѣемся на его глаза, мы чаемъ въ нихъ пути къ успокоенію. А

эти нѣмые глаза уже не смотрять больше на зри-
мую сторону Вѣчности, къ которой мы прикованы,
какъ тѣни прикованы къ предметамъ. Эти глаза
потухли и кажутся окровавленными отъ чрезмѣр-
наго множества великихъ скорбей. Старые слѣпцы
и слѣпые старцы. Они сидятъ на камняхъ и обруб-
ленныхъ пняхъ. Ихъ отдохновеніе—сырая земля и
увядшіе листья. Ихъ единственная слабая отрада—
присутствіе женщинъ, которая по природѣ своей
болѣе нѣжны и утончены, болѣе понимающи. Но
и женщины слѣпы. Притомъ же они отдѣлены отъ
тѣхъ, кто стремится къ нимъ, мертвымъ деревомъ
съ вырванными корнями, и обломками скалы. И
три изъ нихъ шепчутъ и молятся, все время бор-
мочутъ невнятныя слова, эти угрюмые Парки, спле-
тающія нить Жизни и обрѣзающія ее, эти сѣверно-
унылые Норны минувшаго, настоящаго, и будущаго.
Онѣ призрачно молятся и стоятъ около Безумной
слѣпой, которая воплощаетъ въ себѣ роковую не-
избѣжность жизни и рожденія, Безумной, которая
любить рожденаго ею ребенка, но сумасшедшимъ
мозгомъ и надорваннымъ сердцемъ предвидѣть,
какія пытки ждутъ новорожденаго, и потому раз-
ражается дикими воплями, когда ей нужно кормить
своей грудью эту новую жертву гнетущаго насть
Фатума. Всѣ эти женщины страшны какъ слѣпые
безглазые кошмары, какъ посѣдѣвшія тѣни, какъ
духи придорожной ветлы, которую бьетъ непогода.
Лишь одна изъ нихъ, Юная, еще не разлюбившая
цвѣты и не растратившая сердце, сама прекрасна

какъ цвѣтокъ, и будить въ чужихъ сердцахъ воздушныя мысли, исполненные звѣздности.

Непривѣтный міръ, жестокая земля, угрожающее море, опадающіе листья, обездоленность, оброшенность, темнота, тоска.

Вся наша жизнь—точно тяжелый Замокъ, въ которомъ чуткость устала томиться.

Глубокіе рвы. Подъемные мости.
Высокія стѣны съ тяжелыми воротами.
Мрачные покои, гдѣ сырьо и темно.
Высокіе залы, гдѣ гулки такъ шаги.
Стѣны съ портретами предковъ непривѣтныхъ.
Пильцы, чтобы ткань все ту же вышивать.
Узкія окна. Внизу —подземелья.
Зубчатыя башни, ихъ сѣрий цвѣть.
Сѣрий ихъ цвѣть, тяжелыи громады.
Что тутъ дѣлать? Сегодня какъ вчера.
Что тутъ дѣлать? Завтра какъ сегодня.
Что тутъ дѣлать? Завтра какъ вчера.
Только и слышишь, какъ воеть вѣтеръ.
Только и помнишь, какъ ноеть сердце.
Только взойдешь на вершину башни.
Смотришь на дальнюю даль горизонта.
Тамъ, далеко, страны другія.
Здѣсь все тѣ же лѣса и долины.
Тамъ, далеко, новое что-то.
Здѣсь все тѣ же равнини и горы.
Замокъ, замокъ, открои мнѣ ворота,
Сердце больше не можетъ такъ жити!

Гдѣ же выходъ и есть ли выходъ изъ этого гнетущаго царства Смерти и духовнаго Одиночества?

Выходъ есть, и мы можемъ его найти.

Великій ужасъ нашей жизни происходит, въ слишкомъ значительной степени, оть ложной мысли, которая зовется великой Ересью отдѣльности. Это—наша Европейская мысль—мысль единичности жизни, и несвязанности человѣческой судьбы съ Мировымъ Узоромъ. Мы думаемъ, что мы живемъ лишь однажды. Въ данной формѣ, съ такимъ вотъ ликомъ, конечно мы живемъ въ цѣлой Вѣчности лишь разъ. Но, не теряя тождественности своего истинного внутренняго „я“, мы въ дѣйствительности живемъ не одинъ разъ и не на одной планѣтѣ, а воплощаемся много разъ и постепенно проходимъ различные ступени великой восходящей Лѣстницы, ведущей насъ къ нескончаемой Гармоніи.

Великій ужасъ нашей жизни заключается также въ томъ, что мы тяжки и грубы, когда мы можемъ быть легкими и нѣжно-воздушными. Мы топчемъ цветы, которыхъ не видимъ. Мы даже оспариваемъ ихъ существование. Мы глупо шепчемся, когда звучить музыка. Мы заняты собой, когда предъ нами радостность красиваго явленія. Мы не любимъ красоты въ себѣ, и гнетемъ красоту въ другихъ. Мы охотно миримся съ самыми плоскими, съ самыми ничтожными, а потомъ мы же задыхаемся въ духотѣ, создаваемой нами. Мы не хотимъ утончать нашу душу и расширять міръ нашего сознанія. Мы не возвращаемъ раскидистыхъ деревьевъ и нѣжныхъ растеній, съ сияніями похожими на звѣзды. Мы не лелѣемъ ту прозрачность, которая временами возникаетъ даже въ самомъ грубомъ чело-

вѣкѣ. Если бы мы захотѣли, мы съ этой самой се-
кунды стали бы счастливѣ и красивѣ:

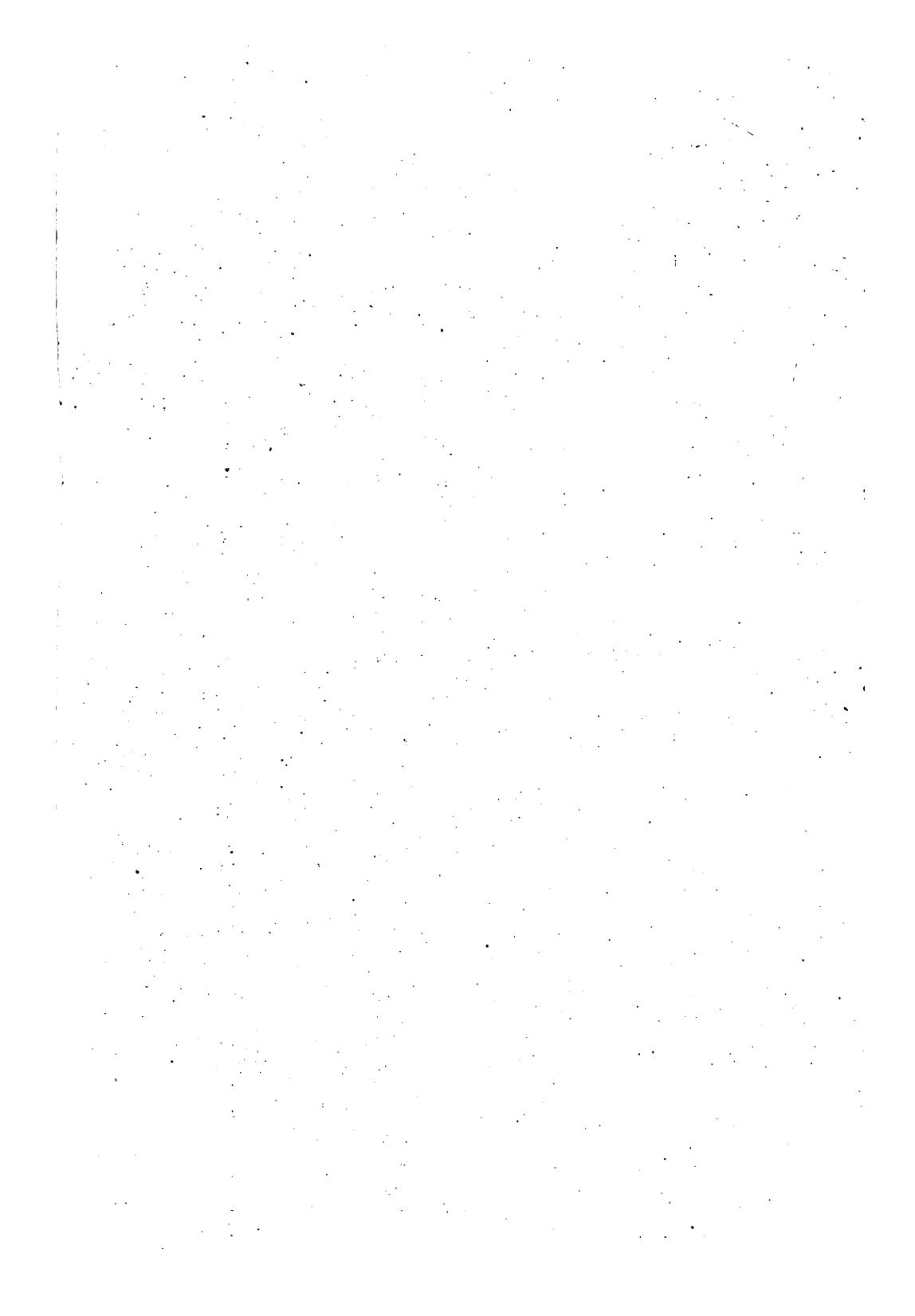
Если мы остаемся слѣпцами и глухонѣмыми даже
въ любви, и передъ лицомъ царственно-прекрасной
красоты Природы и серафически-прекрасной кра-
соты Женщины,—все же предъ Красотою и подъ
лучомъ Любви въ нась порой просыпаются боги.

Извѣстное одиночество—неотъемлемая принад-
лежность человѣческой души, въ силу самого по-
нятія личности, какъ чего-то отдѣльного. Но, когда
мы утончаемъ нашу душу, это одиночество, оста-
ваясь печальнымъ, дѣлается красивымъ, какъ хру-
стальный замокъ изо льда. Если мы обвѣнчаемъ
нашу душу съ Красотой, самая боль будетъ для
насъ наслажденіемъ, наши слезы будутъ какъ капли
утренней росы и капли вечерней росы въ чашахъ
золотистыхъ цвѣтовъ.

Первый слѣпорожденный въ драмѣ Слѣпыхъ го-
ворить, что голосъ мѣняется, когда мы смотримъ
на кого-нибудь пристально. Не только голосъ, но
и весь нашъ духовный обликъ мѣняется, когда мы
смотримъ на что-нибудь пристально, и не только
въ зеркальность бросаемъ мы свое отраженіе, но
и отъ зеркальности воспринимаемъ виущенія, и,
заглянувши въ глубокій колодецъ, или въ серебря-
ные воды озера, мы идемъ дальше съ углублен-
нымъ взглядомъ и съ воздушной серебристостью
грезъ въ душѣ.

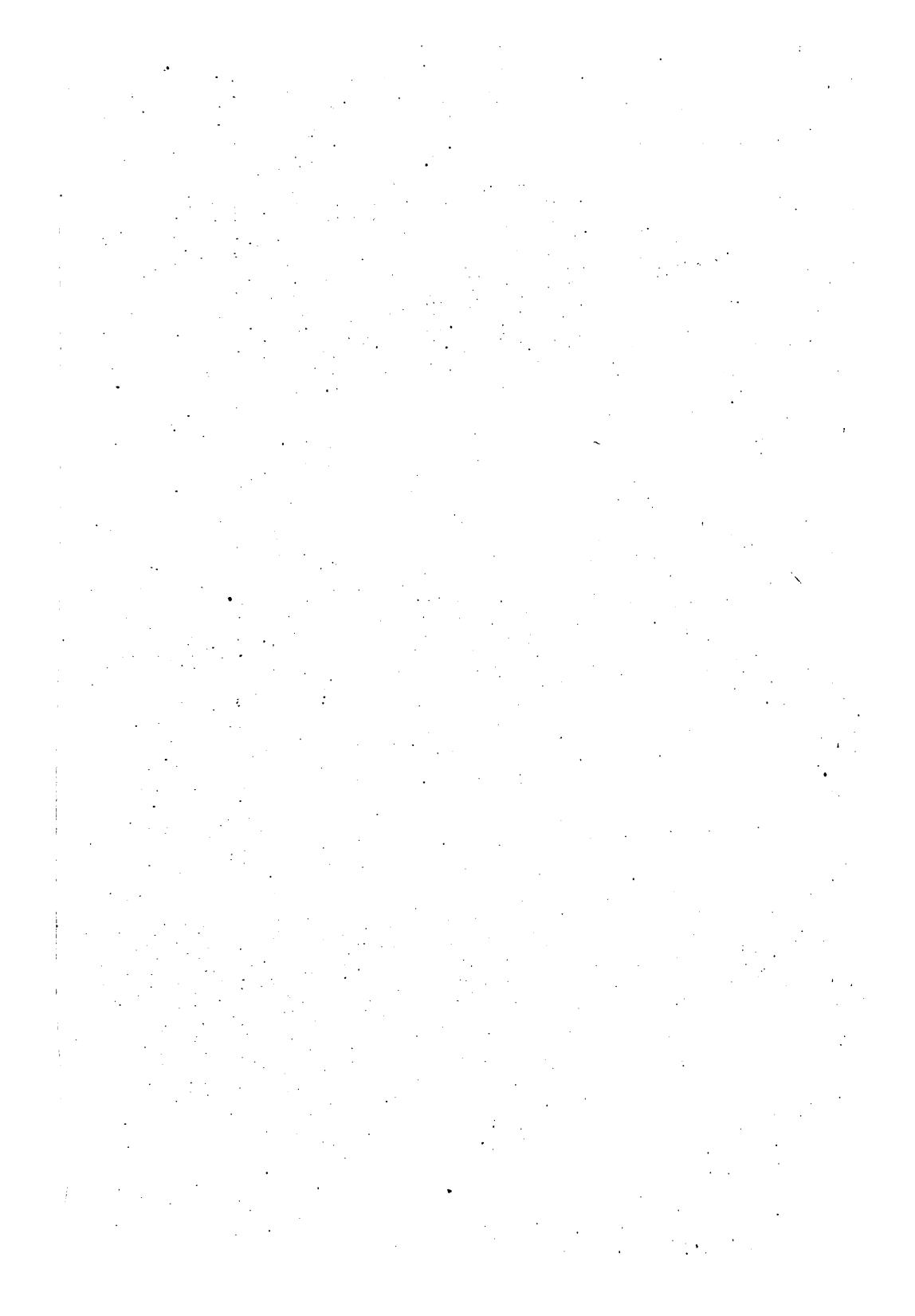
Если мы будемъ душой своей смотрѣть на гар-
монію, мы конечно осуществимъ ее въ нашей жизни.

Жалкіе слѣпцы, занятые своекорыстно своимъ тяжкимъ страданіемъ, глухо и упорно повторяютъ: „Мы слышимъ только запахъ земли“. Но Юная слѣплая, еще прекрасная и вольная, потому что сердце ея открыто для Красоты, говоритъ: Я слышу запахъ цвѣтовъ вокругъ нась“. И твердо вѣря, что крикъ новой жизни це только жалкій вопль, но и зовъ идти впередъ, къ чему-то лучшему, я повторяю съ этой красивой Юной слѣпой: „Есть цвѣты, есть цвѣты вокругъ нась!“

Символизмъ народныхъ повѣрій

(З а м ъ т к а)

Положительный разумъ-разсудокъ такъ называемаго образованнаго общества можно сравнить съ плоской скучной равниной, по которой тянутся монотонныя проѣзжія дороги, правильными линіями идутъ желѣзнодорожныя рельсы, а тамъ и сямъ на приличномъ разстоянніи красуются дымящіяся фабрики и докучные заводы, на которыхъ въ духотѣ и тѣснотѣ отупѣвшіе человѣкіи производятъ для эфемернаго бытія фальшиво-реальная цѣнности, элементарная полезности тусклыхъ существованій.

Народный разумъ-воображеніе, фантазія простолюдина, не порвавшаго священныхъ узъ, соединяющихъ человѣка съ Землей, представляеть изъ себя не равнину, гдѣ все очевидно, а запутанный смутный красивый лѣсъ, гдѣ деревья могучи, гдѣ въ кустарникахъ слышатся шопоты, гдѣ змѣнтится подъ вѣтромъ и солнцемъ болотная осока и протекаютъ освѣжительныя рѣчки, и серебрятся озера, и цвѣтутъ цвѣты, и блуждаютъ стихійныя духи.

Этимъ свѣжимъ дыханіемъ богатой народной фантазіи очаровательно вѣеть со страницъ проник-

новенной книги С. В. Максимова „Нечистая, невѣдомая и крестная сила“ (Спб. 1903): Царь-Огонь, Вода-Царица, Мать-Сыра-Земля—какъ первобытно-радостно звучатъ эти слова, какъ сразу здѣсь чувствуется что-то пышное, живое, царственное, ритуальное, поэзія мировыхъ стихій, поэзія двойственныхъ намековъ, заключающихся во всемъ, что относится къ міру Природы, играющей нашими душами и тѣлами и дающей намъ, чрезъ посредство нашего всевоспринимающаго мозга, играть ею, такъ что вмѣстѣ мы составляемъ великую вселенскую Поэму, окруженнную лучами и мраками, лѣсами и перекличками эхо.

Въ красочныхъ существенныхъ строкахъ Максимова, владѣвшаго какъ никто великорусской народной рѣчью, передъ нами встаетъ наша „лѣсная и деревянная Русь, представляющая собою какъ бы неугасимый костеръ“, эта страна, взлелѣянная пожарами и освященная огнемъ. „По междуурѣчьямъ, въ дремучихъ непочатыхъ лѣсахъ врубился топоръ..., проложилъ дороги и отвоевалъ мѣста... на срубленномъ и спаленномъ лѣсѣ объявились огнища или пожоги, онѣ же новины, или кулиги—мѣста, пригодныя для распашки“. Русскій человѣкъ выжигалъ дремучіе лѣса, чтобы можно было выточить о землю соху и сложить золотые колосья въ снопы. Онъ выжигалъ ранней весной или осенью всѣ пастбища и покосы, чтобы старая умершая трава, „ветошь“, не смѣла мѣшать рости молодой и чтобы

сгорали вмѣстѣ съ ветошью зародыши прожорливыхъ наськомыхъ, вплоть до плебейски-многолюдной и мѣщански-неразборчивой саранчи.

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящий, живой.

Этотъ многоликій Змѣй становится эпически безмѣрнымъ и изступленно-страшнымъ, когда ему вздумается развернуться во всю многоцвѣтную ширину своихъ звеньевъ. Лѣтописи исторіи хранятъ воспоминаніе объ одномъ изъ такихъ зловѣщихъ праздниковъ Огня, разыгравшемся въ 1839-мъ году въ знаменитыхъ Костромскихъ лѣсахъ. Написавшій книгу о Невѣдомой Силѣ видѣлъ этотъ праздникъ самъ. Солнце потускнѣло на безоблачномъ небѣ, это—въ знойную пору іюля, называемую „верхушкою лѣта“. Воздухъ превратился въ закопченное стекло, сквозь которое свѣтиль кружокъ изъ красной фольги. Лучи не преломлялись. Въ ста верстахъ отъ пожарища носились перегорѣлые листья; затѣвшій можъ и хвойныя иглы. Пляска пепла на версты и версты. Цвѣта предметовъ измѣнились. Трава была зеленовато-голубой. Красныя гвоздики стали желтыми. Все, что передъ этимъ было ликующе-краснымъ, покрылось желтизной. Дождевыя капли, пролетая по воздуху, полному пепла, принимали кровавый оттѣнокъ. „Кровавый дождь“, говорилъ народъ. По лѣснымъ деревнямъ проходилъ

Ужасъ. Женщины шили себѣ саваны, мужчины на-
дѣвали бѣлые рубахи, при звукахъ молитвъ и при
шопотахъ страха изступленнымъ ихъ глазамъ чудился
ликъ Антихриста. Вой урагана. Движеніе раскален-
ныхъ огненныхъ стѣнъ, плотная рать съ мѣткимъ
огненнымъ боемъ. Скрученныя жаромъ, пылающія
лапы, оторванныя бурей отъ вспыхнувшихъ елей.
Синія, красныя, мглистыя волны дыма. Завывающее
волковъ, рокотанье грома, перекличка захмѣлѣвшаго
Огня, воспламененный діалогъ Неба и Земли.
А послѣ, когда пиръ этотъ кончился? Залпы и
взрывы, зубчатые строи лѣсныхъ великановъ, съ
круглыми жаромъ вѣтвями, мгновенно-исчезающіе
смерчи пламени, которое взметается—и иѣть его,
все это явило свою многокрасочность, и новую кар-
тину создаетъ творческая безжалостность Природы.
Пламя садится, и смрадъ, не сжигаемый имъ, чадить,
ѣсть глаза, стелется, ластится низомъ во мракѣ.
Только еще пламенѣютъ, долго и чадно горятъ
исполинскія груды вѣтроломныхъ костровъ, вѣр-
ломныхъ костровъ, что были такими сейчасъ еще
свѣтлыми, а теперь ссыдаются, рушатся, выбрасы-
ваютъ вверхъ искряные снопы, и, умирая, опроки-
дываются.

Русскіе крестьяне издавна привыкли почитать
„небесный огонь“, снисшедшій на землю не разъ въ
видѣ молніи. Но они почитаются также и земной
„живой огонь“, „изъ дерева вытертый, свободный,
чистый и природный“. На Сѣверѣ, гдѣ часты па-

дажи скота, этотъ огонь добываютъ всѣмъ міромъ среди всеобщаго упорнаго молчанія, пока не вспыхнетъ пламя. Всякій огонь таинствененъ, онъ возбуждаетъ благоговѣніе, и при наступленіи сумерекъ огонь зажигаютъ съ молитвой. Черта, заставляющая вспомнить о Парсахъ-огнепоклонникахъ, ясно ощущавшихъ міровую связь земного огня съ огнемъ многозвѣздныхъ небесныхъ свѣтильниковъ. „Освященный огонь“ воплощается въ свѣчахъ. Вѣнчальная свѣча, пасхальная, богоявленская, четверговая, даже всякая свѣча, побывавшая въ храмѣ и тамъ пріобрѣтенная, обладаютъ магической силой: онъ уменьшаютъ муки страдающихъ, убиваютъ силу недуговъ, онъ—врачующія и спасающія.

Многосложно и благоговѣйно отношеніе народа и къ другой міровой стихіи, парной съ Огнемъ, Водѣ. Много разсѣяно по широкой Руси цѣлебныхъ родниковъ и святыхъ колодцевъ, порученныхъ особому покровительству таинственной святой Пятницы. Вода цѣлебна и очистительна. Въ этомъ Славяне сходятся съ Индійцами, христіане сходятся съ магометанами. Вода притягиваетъ къ себѣ тѣла и души своею освѣжающею глубиной. Первый дождь весны обладаетъ особыми чарами, и цѣлой толпою, съ непокрытыми головами, съ босыми ногами, выбѣгаютъ деревенскій людъ подъ свѣжіе потоки, когда впервые послѣ зимняго сна и зимней мглы небо прольетъ свѣтоносную влагу. Есть чары и въ рѣч-

ной водѣ, только что освободившейся отъ льда. Старики и дѣти и взрослые спѣшатъ соприкоснуться съ ней. Вода помогаетъ при домашнихъ несчастьяхъ: нужно только просить „прощенія у воды“. Вода является магическимъ зеркаломъ на Святкахъ, и дѣвушка можетъ увидать въ ней свое будущее. Чрезъ воду колдуны могутъ послать на недруга порчу. Стихіи властны, многообразны, многосложны, и многоцвѣтны. Поговорка гласитъ: „Водѣ и огню Богъ волю даль“.

Что наиболѣе возбуждаетъ народную фантазію изъ всего, находящагося на землѣ, на Матери-Землѣ, это,—конечно, таинственный лѣсъ, какъ бы символизирующей все наше земное существованіе сложной своей запутанностью. Крайне любопытна эта способность народнаго воображенія индивидуализировать растенія, усматривать въ нихъ совершенно разнородные лики. Какъ есть священные деревья, исполненные цѣлительной силы, есть также деревья, прозванныя „буйными“. Они исполнены силы разрушительной. Съ корня срубленное и попавшее между другими бревнами въ стѣны избы, такое дерево безпричинно рушить все строеніе, и обломками давить на смерть хозяевъ. Какъ не вспомнить слова одного изъ героевъ Ибсена: „Есть месть въ лѣсахъ“. „Стоять лѣса темные отъ земли и до неба“—поютъ слѣпые старцы по ярмаркамъ. Да, отъ земли и до неба мы видимъ сплошной дремучій лѣсъ, и что мы иное, мы, сознающіе, и пости-

гающіе, какъ не слѣпцы на людскомъ базарѣ. „Только птицамъ подъ стать и подъ силу трущобы еловыхъ и сосновыхъ боровъ. А человѣку, если и удастся сюда войти, то не удастся выйти“.

Все странно, все страшно здѣсь. Рядомъ съ моло-
дою жизнью—деревья, „приговоренныя къ смерти“, и уже гніющія въ сердцевинѣ, и уже сгнившія сплошь, въ моховомъ своемъ саванѣ. Здѣсь вѣч-
ный мракъ, здѣсь влажная погребная прохлада среди лѣта, здѣсь движенія пѣтъ, здѣсь крики и звуки пугаютъ сознанье и чувство, здѣсь деревья трутся стволами одно о другое и стонутъ, скрипятъ, ста-
рѣютъ, и становятся дуплистыми, ростутъ, умножая лѣсную тьму. Здѣсь живеть путающій слѣды и сбивающій съ дороги геній чаши,—Лѣшій. Но Лѣ-
шій—все же не Дьяволъ, онъ кружить, но не губить, и въ мѣстахъ иныхъ его просто именуютъ „Лѣсь“, прибавляя поговорку: „Лѣсь праведенъ,—не то, что Чортъ“.

Странный духъ этотъ Лѣшій, въ глазахъ его зе-
леный огонь, глаза его страшны, но въ нихъ свѣтъ жизни, въ нихъ угли живого костра и въ нихъ изумрудъ травы. Обувь у него перепутана, лѣвая пола кафтана запахнута за правую, рукавицы надѣ-
иетъ—и тутъ начудитъ, правую надѣнетъ на лѣвую руку, а лѣвую на правую. Правое и лѣвое перепу-
тано у Духа Жизни, любящаго сплетенныя вѣтви и пахучіе лѣсные цвѣты. И во всемъ онъ путанникъ, не то, что другіе. Домовой всегда домовой, и ру-

салка не больше какъ русалка. А онъ любить и большое и малое, и низкое и высокое. Лѣсомъ идеть,—онъ ростомъ равняется съ самыми высокими деревьями. Выйдетъ для забавы на лѣсную опушку—ходитъ тамъ малой былинкой, тонкимъ стебелькомъ, подъ любымъ ягоднымъ листочкомъ укрывается. Лицъ у него отливаетъ синеватымъ цвѣтомъ: ибо кровь у него синяя, и у заклятыхъ на лицахъ всегда румянецъ, такъ какъ живая кровь не переставая играетъ въ нихъ и поеть цвѣтовыя пѣсни. Онъ и самъ, какъ его кровь, умѣеть пѣть какъ бы безгласно: у него могучій голосъ, но нѣмотствующій, и онъ умѣеть пѣть безъ словъ. Такъ онъ проходитъ по чащѣ, не имѣя тѣни, зачаруетъ человѣка, зашедшаго въ лѣсъ, околдуется, обойдется, заведется, напуститъ въ глаза тумана и заставитъ слушать хохотъ и свистъ и ауканье, затащитъ въ болото, и безъ конца, безъ конца заставитъ крутиться на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Любопытно, что у лѣшихъ есть заповѣдный день, 4-е октября, когда „лѣшие бѣсятся“,—въ этотъ день они „замираютъ“. Передъ этимъ, въ экстазѣ истового буйства, они ломаютъ деревья, учиняютъ драки, гоняютъ звѣрей и, въ концѣ концовъ, проваливаются сквозь землю, сквозь которую суждено проваливаться всякой нечистой силѣ; но, когда земля весной отойдетъ и оттастъ, Духъ Жизни тутъ какъ тутъ, чтобы снова начать свои продѣлки, „все въ одномъ и томъ же родѣ“. Любопытно также, что

Лѣшему дана одна минута въ сутки, когда онъ можетъ сманить человѣка. Но какъ властны чары одного мгновенія, быстрой смѣны шестидесяти секундъ, или того даже менѣе. Человѣкъ послѣ этого ходить одичалымъ, испытывая глубочайшее равнодушіе ко всему людскому, не видить, не слышать, не помнить, живеть—окруженный лѣсною тайной.

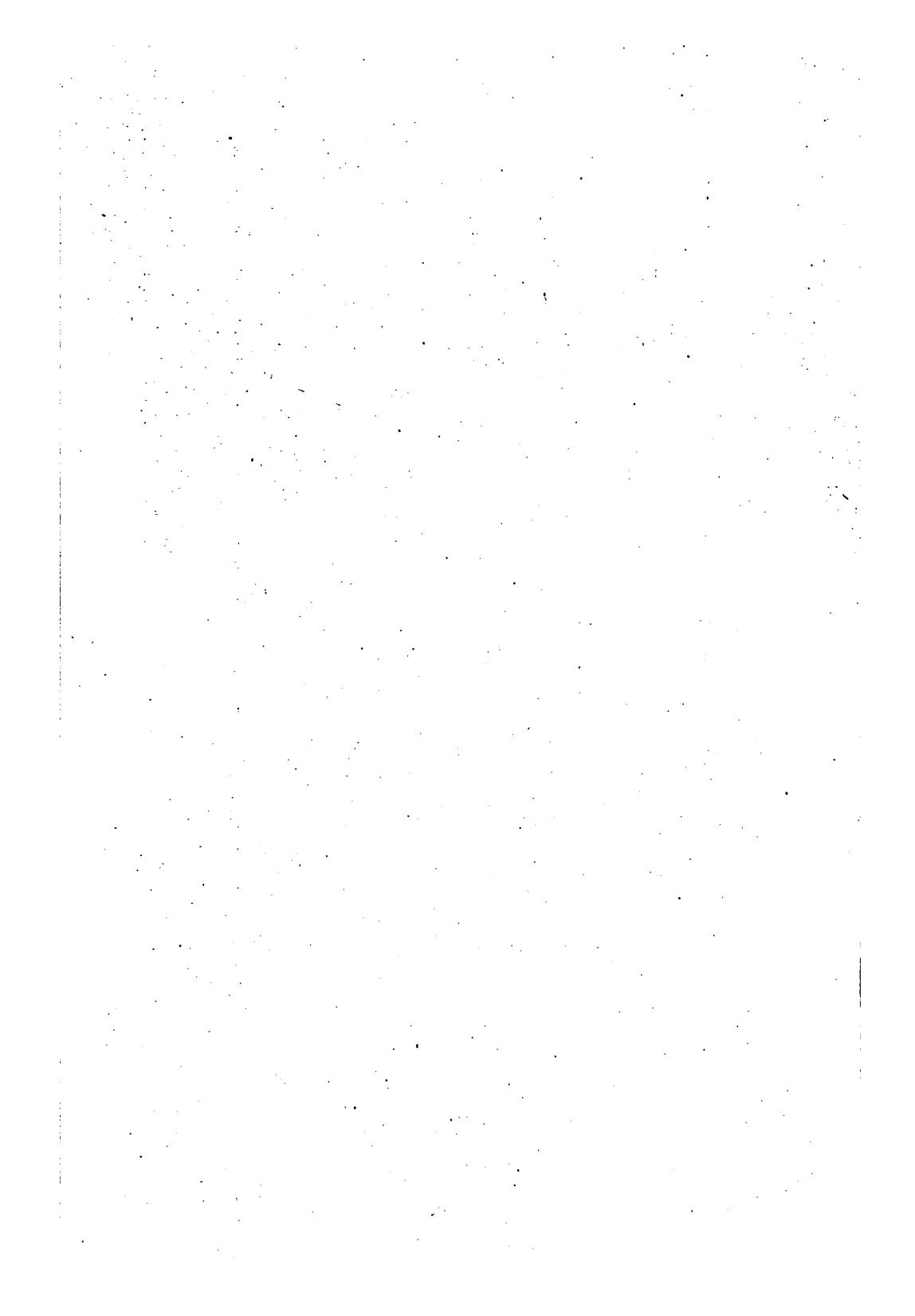
Въ лѣсныхъ чащахъ великой Россіи разбросаны небольшія, но глубокія озера, наполненные темной зачарованной водой, окрашенной желѣзистой закисью. Тамъ подземные ключи, которые пробиваются, уходятъ и переходятъ. Углубленія озерного дна имѣютъ форму воронки и говорятъ о Мальстрѣмѣ. Въ другихъ озерахъ видны подземные церкви и подводные города. На зыбкихъ берегахъ, поросшихъ пахучими цвѣтами съ сочно-клейкими стеблями, вѣтъ что-то сокровенное, слышанъ звонъ подземныхъ колоколовъ, достойные видять, огни зажженыхъ свѣчъ, на лучахъ восходящаго Солнца—отраженные тѣни церковныхъ крестовъ. Тамъ и сюмъ ясно чувствуются подземные рѣки, слѣды ихъ ощущаешь черезъ провалы, носящіе название „глазниковъ, или „оконъ“. Межъ земляныхъ пустотъ опять выступаютъ небольшія озера. И большія озера. И глубокія. И озера-моря. И морскія пространства. Тамъ въ хрустальныхъ палатахъ сидятъ Водяные. Свѣтять имъ серебро и золото. Свѣтить имъ камень-самоцвѣтъ, что ярче Солнца. И они никогда не умираютъ, а только измѣняются съ перемѣнами

Луны, И они пируютъ. Сзываютъ на пиръ и ближ-
шихъ и дальнихъ родичей, собираютъ жителей ому-
товъ и ведутъ азартныя игры.

А кругомъ—лѣса шумятъ, ростутъ, густые, под-
нимаютъ весенній гуль, бросаютъ въ воздухъ много-
слитность голосовъ, звѣриныхъ и дьявольскихъ,
и безъимянныхъ, существующихъ одно лишь мгно-
венье; но единственнымъ всплескомъ звуковымъ касаю-
щихся сразу до всѣхъ отзывныхъ струнъ души,
лѣса говорять, лѣсъ ростетъ отъ земли до неба и
звучно поютъ о немъ слѣпцы.

Флейты изъ человѣческихъ костей

(Славянская душа текущаго мгновенія)

Dwie są bowiem melancholie: jedna jest z mocy, druga ze słabości; pierwsza jest skrzydłami ludzi wysokich, druga kamieniem ludzi topiących się.
Słowacki. Anhelli.

1

На одномъ изъ острововъ Тихаго океана—Великаго океана—въ закатный часъ вечера я слушалъ музыку флейтъ. Надо мною были высокія четкія пальмы, съ вѣрами раскидистыхъ листьевъ, трепетавшихъ отъ вѣтра, который налеталъ и улеталъ. Кругомъ было много сплетенныхъ, цѣпкихъ, другъ друга душающихъ растеній, возникающихъ другъ изъ друга, оттѣняющихъ другъ друга, умерщвляющихъ другъ друга. Въ Небѣ было то расплавленное воздушное золото, которое возникаетъ лишь на нѣсколько мгновеній передъ смертью дня, тѣ морскіе изумруды, которые можно видѣть въ Небѣ лишь на линіяхъ пресбѣченія между половиной и половиной Земли. Шаръ Солнца не былъ видѣнъ, но мнѣ казалось, что, уходя за воды Океана, онъ долженъ былъ походить въ тѣ минуты на огромный странно-измѣненный, печальный Мѣсяцъ, на свѣтило

двойственныхъ Небесъ, подобно тому, какъ царевна Мексиканскаго неба, Вечерняя Звѣзда, загораясь огромнымъ серебрянымъ ликомъ, одновременно углубляетъ день и ночь и, будучи вечернимъ свѣтиломъ, звалась у Ацтековъ—отшедшее Солнце.

Волны Моря равномѣрно ударялись о пески, золотые пески передъ тѣмъ, какъ стать сѣрыми. Волны Моря точили пески и рождали стουстый гулъ, кончавшійся шипѣніемъ и шопотомъ. Но надъ этими звуками и мгновеннымъ Безмолвіемъ, легче и выше, какъ пына легче волнъ, печалилась свѣтлая музыка флейть. Въ этихъ звуковыхъ рыданьяхъ упорно повторялся одинъ и тотъ же напѣвъ. Онъ начался съ самыхъ иѣжныхъ красокъ чувства, съ полу-прозрачныхъ намековъ чего-то убѣгающаго; онъ возрасталъ, умножаясь въ журчаньяхъ; пѣль, говорилъ, упрекалъ, убѣждалъ, изъ ручья, изъ ручьевъ становился потокомъ; дѣгался громкимъ, звенящимъ, грозящимъ; водопадно шумѣль; доходилъ до крика, и, дойдя до кричащихъ угрозъ, вдругъ упадалъ съ звуковыхъ высотъ; и музыка на время прерывалась; только послѣдними жалобами, то тутъ, то тамъ, погасали брызги мелодіи, точно разорвалось ожерелье—и все еще падали послѣднія жемчужины.

Печальные люди съ бронзовыми лицами, на которыхъ тускло свѣтилось воспоминаніе,—память, перенѣшанная съ отчаяніемъ надежды,—люди въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, подобныхъ саванамъ, сидѣли вокругъ костра, и это они создавали напѣвъ, исторгая звуки изъ флейты. Во всемъ этомъ, во всемъ,

что ихъ окружало, была странность противорѣчія. Въ Небѣ было воздушное золото и расплавленные изумруды, а люди съ бронзовыми лицами смотрѣли не на нихъ, но на красное пламя костра, съ его дымной невѣрностью. На островѣ флейтъ Природа являла всю роскошь возможностей, но среди высокихъ деревьевъ и среди цвѣтовъ, раскрытыхъ какъ губы, ютились жалкие шалаши, гдѣ было тѣсно и скучно. Только одна высокая башня, круговая башня на холмѣ, казалась бы прекрасной, если бъ она не походила такъ на призракъ тюрьмы, и если бы не такъ сыто, пресыщенно, смотрѣли съ нея черные ряды разгѣженныхъ коршуновъ. И четкія пальмы, съ вѣрами ихъ листьевъ, лиловая орхидея, свисавшая съ деревьевъ, огненные лепестки пламецовъта, все говорило о знойной странѣ, но флейты пѣли о Сѣверѣ, пѣли о Сѣверѣ, и я слышалъ свистъ мятели, я видѣлъ блѣствольные березы, о которыхъ бьется взметенный спѣгъ, видѣлъ сосны, широкія ели, тосковаль вѣтъ безконечной зимѣ.

Почему эти флейты такъ странно звучатъ? Отчего ихъ видѣть такъ причудливъ? Почему въ достижениіи звуковыхъ вершинъ такъ явствененъ крикъ убитаго? Отчего эти флейты блѣдѣютъ въ густѣющихъ сумеркахъ?

Я встать съ своего мѣста и подошелъ къ людямъ, бывшимъ у костра. Я могъ говорить на ихъ языкахъ. Временами, когда я блуждаю, я могу говорить со всѣми, на любомъ языкѣ—какъ тѣ, кто одержимъ Дьяволомъ.

Я спросилъ людей съ темными лицами, кто они, что они, о чёмъ повторно поетъ ихъ долгая пѣсня, какая странная, какая "страшная чара въ ихъ бѣлѣющихъ флейтахъ. Они мнѣ отвѣтили.

"Откуда мы родомъ—мы сами не знаемъ. Нашихъ отцовъ заманили сюда и бросили. Мы вѣчно тоскуемъ о дальнемъ. Насъ завлекли, завели, обманули. Мы отовсюду окружены Тайной. Мы отовсюду скованы Моремъ, и у насъ нѣть кораблей. Мы служимъ врагамъ, которые живутъ воинъ тамъ, подъ охраною круговой башни. И, когда кто-нибудь изъ настъ посмотритъ яснѣй, чѣмъ другіе, его отмѣчаютъ, его окружаютъ, его уводятъ въ высокую башню, оттуда еще мы слышимъ зовъ его голоса, потомъ Человѣкъ-Свѣтловзоръ погасаетъ, его тѣло бросаются коршунамъ, его кости бросаютъ намъ, мы изъ нихъ дѣлаемъ флейты и поемъ нашу боль и надежду".

"Да, у насъ есть надежда", сказалъ одинъ изъ нихъ. "Ибо двѣ есть печали: одна—отъ силы, другая—отъ слабости; первая—крылья людей высокихъ, вторая—камень людей утопающихъ".

И одинъ за другимъ каждый сказалъ свое слово.

"Бѣдный народъ", промолвилъ одинъ, "одно лишь величье мы знаемъ, величье неволи".

"Сколькіе умерли, сколькіе умерли", промолвилъ другой.

"Къ чему стремиться? Повсюду настъ ночь обойметъ", былъ еще голосъ.

"Мы крики, мы стоны", былъ еще голосъ. "Мы отсвѣты раковинъ".

„Мы съ тѣми, что проиграли, играя въ судьбы“.

„Намъ снятся солнца безъ блеска, грядущіе боги въ оковахъ, моря, донынѣ еще не названныя, вѣчно текущія къ счастливымъ берегамъ“.

И одинъ воскликнулъ безумно: „Я родомъ невольникъ, но духомъ мститель“.

И другой воскликнулъ безумно: „Я сплю, я вижу, есть путь, хоть длинный. Скитаюсь всюду, взбираюсь всюду, на концы свѣта, гдѣ поютъ ангелы“.

И раздался голосъ: „Если иѣтъ свободы, у насъ есть амулеты—амuletъ мести, драконить“.

„Месть—услада боговъ“, закричалъ самый дальний.

И всѣ закричали, склоняясь одинъ къ другому, такъ что лицъ ихъ не было видно: „Пой и проклинаяй“.

„Уйди—или пой и проклинай“, закричали они мнѣ, какъ изступленные, и музыка флейтъ зазвучала опять, отъ самаго иѣжнаго звука до страшного вопля убитаго. Отъ костра на мое лицо упалъ красный отсвѣтъ. Я отступилъ отъ нихъ. Я вспомнилъ свой Сѣверъ, я понялъ, что въ это самое время тамъ рождается красное Солнце разсвѣта, и съ отчаяньемъ бросился на землю.

Я вернулся на Сѣверъ, не мыслью одною, но также и тѣломъ. Я сталъ своимъ со своими, сѣвернымъ съ Сѣверомъ, съ Русскими Русскимъ. Нѣть,

ужь скажу—Славянинъ со Славянами. Славянинъ, это слово—свѣтлѣе, звучнѣе, и больше вмѣщаетъ въ себя. Въ этомъ словѣ не только есть сила:—грозная сила, смягчаясь, пріобрѣтастъ въ немъ вѣчный характеръ. Грубость откинута въ немъ, преображеннаю. Къ лѣдяному Сѣверу протянулся Югъ, румяныя ленты разсвѣта и заката перекинулись въ немъ отъ Востока и до Запада, на плоскихъ равнинахъ выросли горы, вѣчныя, снѣжныя, глубокія, обрывистыя; между сѣрыми лицами возникли свѣтлыя; бронзовыя лица стали красотой; суша обнялась съ текучею влагой; зашумѣло кругземное Море; мысль Коперника коснулась Земного Шара; блеснули рыцарскіе мечи; заиграла музыка; тонко затрепеталъ воздушный польскій танецъ; развернулась улыбчивость вѣжливой мазурки; заиграла музыка, музыка флейтъ.

Съ дѣтскихъ дней до Русскаго слуха доходили вкрадчивые звуки Польской рѣчи, замирали, слабѣли, снова доходили, скоро возникнуть вкрадчиво и властно, вкрадчиво, но властно. Братъ и Сестра были долго въ разлукѣ. Они должны соединиться. Разлука создаетъ ложныя мысли, ложныя чувства, ложныя продолжности пространства и фантазіи. Все это гибнетъ отъ блеска лучей. Братъ и Сестра устремляются другъ къ другу въ первый же мигъ Свободы.

Польская рѣчь—энергія ключа, который взрывается горы. Русскій языкъ—разлитье степей, развернутость волыныхъ равнинъ. Гордая бронзовая

музыка согласныхъ — влажная протяжная мелодія гласныхъ—два языка, Польскій и Русскій—два великихъ теченья Славянской рѣчи.

Когда звучить вдали Польская рѣчь, Русскій слухъ жадно прислушивается:—„Вѣдь это мой родной языкъ? Вѣдь это говорять по-русски? Нѣтъ, постой. Что-то есть еще. Я понимаю и не понимаю. Въ простое вмѣшалось таинственное. Не говорилъ ли я самъ такъ, когда-то, давно-давно? Мы были вмѣстѣ—потомъ я ушелъ“.

О, въ этой встрѣчѣ есть странная прелесть—грустная пѣснь разлуки и свиданья.

Польскій языкъ учить Русскую рѣчь силѣ: онъ есть энергія. Тамъ, гдѣ они совпадаютъ, они одинаково сильны, или соперничаютъ съ вѣчной побѣдой и безъ пораженія, будучи оба содружно красивы: Тамъ, гдѣ они разошлись, въ протяжныхъ звукахъ Русской рѣчи слышится мягкость серебра, въ судорожно-скжатыхъ порывахъ Польской рѣчи слышатся вскрики желѣза и бронзы. Русскій скажетъ: „Вѣтеръ“. Полякъ молвитъ: „Wiatr“. Русскій промолвитъ: „Ничего“. Полякъ броситъ: „Nic“. Русскій крикнѣтъ: „Къ оружію“. Полякъ отзовется: „Do bronii“.

Намъ, Русскимъ, нуженъ Польскій языкъ, ибо онъ учить мести. Учитъ силѣ. Быстротѣ.

Русскимъ нужна Польская душа. Ибо Польскія судьбы велики и печальны, красивы и безумны. Онѣ учать разбѣгу морского вала, безстрашію замысла, твердости въ самомъ паденьи—за паденьемъ до дна есть возстанье изъ мертвыхъ.

Величіе жертвы—источникъ всемірной бессмертной Красоты. Чѣмъ туча темнѣе, тѣмъ страшнѣе гроза, тѣмъ ярче расцвѣты цветовъ и деревьевъ въ опьяняюще-свѣжемъ воздухѣ.

Я вернулся на Сѣверъ. Это было осенью. Золотой Сентябрь слился съ вольнымъ дыханьемъ Октября, съ бодрящей его свѣжестью. Золотая осень поблѣднѣла, стала сѣрой, въ потускнѣни смѣшились въ ней грязь и кровь, завыли выюги, и былъ дикій Декабрь. Мимо меня проходили толпы, мимо меня проходили солдаты, мимо меня проносили трупы, мимо меня пронеслись побѣдные вскрики смѣлыжъ, быстро смѣнившись хохотомъ наглыхъ и стонами раненыхъ. Ликъ Человѣка измѣнился и надолго сталъ ликомъ Звѣря. Нѣсколько дней свободы для честныхъ и пристыженности—подлыхъ смѣшились разгульностью наглаго варварства, какого, минѣ кажется, еще не было нигдѣ. Колесо Времени совершило свой полный кругъ, комья грязи сорвались съ него, и мысль опять вступила въ младенчество, вмѣсто—словъ былъ лепеть, вмѣсто быстрыхъ и стройныхъ движений—были судорожныя хватанья и отвратительность цѣпляющихся рукъ. Младенчество дряхлости. Не свѣтлый ребенокъ, а мерзкій Коцей. Сказка. Живыя сказки. И, слыша въ душѣ замиранія флейтъ, я измѣненнымъ голосомъ шепталъ.

Я съ ужасомъ теперь читаю сказки,
Не тѣ, что все мы знаемъ съ дѣтскихъ лѣтъ,
О, нѣть, живую боль въ ея огласкѣ
Чрезъ страшный шорохъ утреннихъ газетъ.

Мерещится, что вышла въ кругъ, снова,
Вся нежить, тѣхъ столѣтій темноты,
Кровь льется изъ Бориса Годунова,
У схваченныхъ ломаются хребты.

Рвутъ крючьями изыскъ, глаза и руки,
Въ разорянный животъ втыкаютъ шесть,
По воздуху, въ почахъ, крадутся звуки,
Смѣхъ вора, вопль захваченныхъ невѣсть.

Средь бѣла дна на улицахъ видѣнья,
Бормочутъ что-то, шепчутъ въ пустоту,
Разстрѣлы тѣль, душъ темныхъ искривленья,
Самъ Дьяволъ на охотѣ. Чу! „Ату!

„Ату его! Руби его! Скорѣе!
Стрѣляй въ него! Хлещи! По шею! Бей!“
Я падаю. Я стыну, цѣненъя.
И я ихъ братъ? И быть среди людей!

Постой. Гдѣ я? Избушка. Чѣмъ ноги.
Кость человѣчья. Это для Яги?
И кровь. Идутъ дороги все, дороги.
А! Вотъ она. Кто слышитъ? Помоги!

Мысль изнемогала. Въ воспоминаніи дрожали
дыханья свободного Моря и лепестки пламецвѣта,
а рядомъ — какая-то безумная дьявольская игра.
Паутина на мозгѣ. Черныя птицы колдуютъ. Во-
роны. Помни.

Черные вороны, воры играли надъ нами.
Каркали. День погасаль.
Темными снами
Призракъ наполнилъ мнѣ блѣдныій бокаль.
И, обратившись лицомъ къ погасающимъ зорямъ,

Пиль я, закрывши глаза,
Види сквозь блѣдныя вѣки дороги съ идушимъ и вѣдущимъ сгор-
бленнымъ Горемъ,
Вороны вдругъ прошумѣли какъ туча, и вмигъ разразилась
Словно внезапно раскрылись обрывы. [гроза.]
Выстрѣлы, крики, и воины, и взрывы.
Гдѣ мы, друзья?
Страннѣй бокаль отъ себя оторвать не могу я, и сказка моя
Держитъ меня, поблѣднѣвшаго, здѣсь, заалѣвшиими синами—цѣ-
Мысли болятъ. Я, какъ призракъ, застыль. [плями.]
Двинуться, крикнуть нѣтъ воли, нѣтъ силы.
Каркаютъ вороны, каркаютъ черные, каркаютъ злыя надъ нами.

Какъ душныя испаренія Мареммъ окутывають
мозгъ чадомъ и создаютъ бредъ лихорадокъ, съ
ихъ уродствомъ и съ ихъ смертельностью, такъ въ
нашихъ Сѣверныхъ болотахъ возникли удушающіе
пары, поднялись изъ низинъ своихъ, распространя-
лись, разошлись, расползлись, отвратительные,
какъ насекомыя, какъ гады, какъ удавы, какъ спрутъ.
Отъѣлись человѣческимъ мясомъ. Изъ безсильныхъ
тѣней стали толстыми, жирными. Насѣли на горло
и сердце людей. Укрѣпили свои скользкіе нетвер-
дыя лики. Вѣдьмы-Лихорадки. Тринадцать Сестеръ.
Тресуницы, что пляшутъ подъ страшную музыку.
Вѣдома намъ ихъ пляска. Наша Славянская „Danse
Macabre“.

Сестры, Сестры, Лихорадки,
Ноземельный взбитый хоръ.
Мы въ Алу играли въ прятки.
Будеть. Кверху. Безъ оглядки.
Норадѣсть хоръ Сестеръ.

Мы остыдимъ, распостудимъ,
Разогрѣемъ, разомнемъ:
Мы проворны, ждать не будемъ.
Сестры! Сестры! Кверху! Къ людямъ!
Вотъ, мы съ ними. Ну, начнемъ.

Цыпко, крѣпко, Лихорадки,
Снова къ играмъ, снова въ прятки.
Человѣкъ — забава намъ.
Сестры! Сестры! По мѣстамъ!
Всѣ тринацать съ краснобаевъ.
Гдѣ онъ? Живъ онъ? Начинаемъ.

Ты, Трясся, дай ему
Потрястись, попавъ въ тюрьму.

Ты, Огненя, боль продли,
Прахъ Земли огнемъ пали.

Ты, Леденя, такъ въ озинобѣ
Загони, чтобы звалъ онъ гробъ.

Ты, Гибеся, дунь на грудь,
Камнемъ будь, не дай дохнуть.

Ты, Грудея, на груди
Линшу, вдвое погоди.

Ты, Глухея, плюнь въ него,
Чтобы не слышалъ ничего.

Ты, Ломея, кости гни,
Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухнея, знай свой срокъ,
Чтобы распухъ онъ, чтобы отекъ.

Ты, Желтея, въ свой чередъ,
Пусть онъ, пусть онъ расцвѣтеть.

Ты, Корчая, вслѣдъ иди,
Ручки, ноженъки сведи.

Ты, Глядея, встань какъ бѣсъ,
Чтобы сонъ изъ глазъ исчезъ.

Ты, Сухая, онъ ужъ плохъ,
Сдѣлай такъ, чтобы весь изсохъ.

Ты, Неней, всѣмъ сестра,
Проплиши ему „Пора“.

Въ Человѣкѣ нѣть догадки.
Цѣпки, крѣпки Лихорадки.
Всѣхъ Сестеръ тринацать наасъ.
Сестры! Кинзу. Конченъ часъ.

Я усталъ быть участникомъ и зрителемъ этой инфернальной пляски. Я плясалъ и плясалъ и плясалъ. Я кружился до бѣшенства, до изступленья. Я плясалъ до отчаянья, дико, до боли, до смерти. Я упалъ. И снова я въ комнатѣ. Не на кладбищѣ, нѣть, въ своей комнатѣ. Вотъ, я касаюсь стѣны, я касаюсь постели, я сижу у стола. Забыться. Побыть съ поэтами. Они вѣдь чаруютъ. Они зачаруютъ отчаянье. Ихъ строки танцуютъ, скользятъ, убакиваются.

Я раскрылъ „Праздникъ мертвыхъ“, „Dziady“, Мицкевича. Странныя строки открылись: — „Вампиръ“.

„Serce ustalo, pierś już lodowata,
Scięły się usta i oczy zawarły:
Na świecie jeszcze, lecz już nie dla świata;
Coż to za człowiek? Umarły“.

(„Upior“),

Это звучить по-русски похоже:—

Сердце устало, грудь ужь льдомъ одѣта,
Стиснуты губы, очи— въ скрытой тризнѣ;
Все еще на свѣтѣ, но ужь не для свѣта:
Кто жь человѣкъ тогъ? Умершій. Безъ жизни.

Не хочешь ли быть такимъ? спросила насмѣшливое мысль. Ихъ много,—такихъ умершихъ, отвернувшихся, въ жизни безъ жизни живущихъ. Покойно.

Я перевернуль странницу. Я смѣшалъ всѣ страницы. И въ поэмѣ „Konrad Wallenrod“ я увидѣлъ слова: „Ty milczysz? Sپiewaj i przeklinaj!“!—„Ты молчишь? Пой и проклини!“ Въ душѣ задрожали звуковыя рыданья. Спуталось разное вмѣстѣ, какъ это бываетъ во снѣ. Заиграла музыка флейть. И въ „Праздникѣ мертвыхъ“ я нашелъ дьявольскій танецъ — вѣжливую мазурку Польской рѣчи—пѣснь Польского узника.

Какому бѣ злу я ни былъ отданъ,
Рудникъ, Сибирь,—о, пусть. Не зря
Я буду тамъ: я вѣрноподданъ,
Работать буду для Царя.

Куя металль, вздымая молотъ,
Во тьмѣ, гдѣ не горитъ заря,
Скажу: пусть тьма, пусть вѣчный холодъ,
Топоръ готовлю для Царя.

Татарку выберу я въ жены,
Татарку, въ жены, говоря:
Быть можетъ, выношенъ, какъ стоны,
Родится Паленъ для Царя.

Когда въ колоніяхъ я буду,
Я огородъ себѣ куплю,
И каждый годъ, повѣрѣ чуду,
Ленъ буду сѣять, коноюю.

Изъ коноюи сплетутся нити,
Въ нихъ серебро мелькнетъ, горя,
Къnimъ, можетъ, честь придетъ --о, ждите:
То будеть шарфомъ для Царя.

Эту пѣсню поетъ Феликсъ, польскій мученикъ русскаго варварства, забитый въ тюрьму, одна изъ безчисленныхъ жертвъ того звѣря Самодержавія, который осуществилъ нашъ давнишній кровавый. Декабрь, достойный праотецъ позорнаго ничто, безъимяннаго, безликаго, но умѣющаго съ точностью вскрывать жилы--другимъ. И, услышавъ эту пѣсню, другой узникъ, Конрадъ, запѣваетъ другую, а хоръ ему подхватывается. Эта другая пѣсня безумна, какъ вскрикъ человѣка замученнаго. Вотъ, онъ сейчасъ умреть, вотъ ужъ онъ умираеть, но кричать, говорить, хотеть высказать все до конца, успѣть, успѣть сказать.

Пѣснь моя ужъ въ могилѣ была, ужъ холодной,
Кровь почуяла, вотъ, изъ земли привѣстать,
Смотрѣть вверхъ, какъ вампиръ, крови ждущій, голодный,
Крови ждеть, крови ждеть, крови ждеть.
Миценя, миценя! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ, пусть даже, пусть и безъ Бога!

Пѣснь сказала: пойду я, пойду ввечеру.
Буду грызть сперва братъенъ, имъ дума моя,

Тотъ, кого я когтями за душу беру,
Пусть вампиромъ предстанеть, какъ я.
Миценя, миценя! Гдѣ врагъ, тамъ берлога,
Съ Богомъ или хотя бы безъ Бога!

Мы потомъ изъ ирата выпьемъ кровь будемъ пить.
Его тѣло разрубимъ, потомъ топоромъ,
Его ноги намъ нужно гвоздями пробить,
Чтобъ не встать, какъ вампиръ, съ жаднымъ спомъ.

И съ душою его мы пойдемъ въ самый Адъ,
Всѣ мы разомъ усядемся тамъ на нее,
Чтобы бессмертье ея удушить, о, сто кратъ,
И пока будеть жить, будемъ грызть мы ее.
Миценя, миценя! Гдѣ врагъ, тамъ берлога.
Съ Богомъ пусть даже, пусть и безъ Бога!

„Конрадъ, ради Бога, остановись!“ кричитъ испуганный одинъ изъ узниковъ. „Это языческая пѣсни!“—
„Какъ онъ ужасно смотритъ!“ восклицаетъ другой.
„Это сатанинская пѣснь!“ Но Конрадъ продолжаетъ
пѣть, подъ звуки смѣющеся, плачущей флейты—
„съ товариществомъ флейты“, какъ примѣчаетъ Мицкевичъ.

Я взионусь, я лечу, на вершину скалы,
Я высоко надъ родомъ людскимъ,
Между пророковъ.
Я грядущаю грязно-черньющи дымъ
Расторгаю, разрѣзани саваны мглы
Окoмъ своимъ,
Для того чтобы выявить свѣтъ сибиллинскихъ уроковъ.

Я опять смѣшалъ страницы, и увидѣлъ слова,
мнѣ слишкомъ известныя:—

Бѣдныи народы! какъ мнѣ жаль твоей доли:
Одно лишь геройство ты знаешь — геройство неволи".

И я прикоснулся къ другому Славянскому поэту, Зигмунту Красинскому, и въ его „Иридіонѣ“ прочелъ: „Я родомъ невольникъ, но духомъ мститель“ („Irydion“, Wst r). И въ его „Неоконченной Поэмѣ“ прочелъ: „Съ тѣми, что проиграли, играя въ судьбы, вѣчно я—ибо они должны быть безнадежны— ибо имъ нуженъ я“. („Niedokonчену Poemati“). И въ его „Небожественной Комедіи“ я прочелъ: „Скитаюсь всюду, взбираюсь всюду,—на концы свѣта, гдѣ поютъ ангелы („Nie-boska Komedja“).

Гдѣ же маякъ въ этихъ скитаніяхъ? Что влечеть эту душу изгнанника идти и идти? Кто зоветъ его? И печальный Красинскій отвѣтилъ: „Солнца безъ блеска, грядущіе боги въ оковахъ, моря донынѣ еще не названныя, вѣчно текущія къ счастливымъ берегамъ“. („Irydion“, IV). И, какъ дальнее эхо, донеслось: „Еще твои прадѣды пѣли, что месть есть услада боговъ“ (ib., III).

И я понялъ, что двѣ есть печали: одна—какъ крылья, другая—какъ камень. Я отбросилъ книги поэтовъ, и, вспомнивъ, что душа—крылатая, сказалъ себѣ: „Загляни теперь въ свою душу“.

3

Я взглянулъ въ колодецъ души, и, ощутивъ бездомность, почувствовалъ безмѣрное одиночество. Передо мной прошло все то, чѣмъ я могу жить

какъ я, какъ одинъ, или вдвоемъ, или втроемъ. Жить, наслаждаясь умно и утонченно. Независимо оть времени—и временно выдвигаемыхъ явлений. Независимо оть стиснутыхъ чудовищъ, составляющихъ массу, людей, человѣчество. Не одинъ ли я? Одинъ вхожу я въ міръ, одинъ изъ него выхожу—пусть и тутъ и тамъ у меня есть провожатые—одинъ я, одинъ, одинъ. Взглянуть на все такъ—сквозь призму, художникъ вѣдь я, любовникъ, любимый, поэтъ, познающій, всегда познающій, всегда созерцающій, въ самой вспышкѣ вулкана, кипящей вотъ тутъ въ груди, сохраняющей свѣтлую сферу видѣнія, видѣнья. Богъ цвѣтость. Богъ зеркальности. „Любви!“ зазвучали струны. „Люби!“ зарыдали свирѣли. И вдругъ чей-то шопотъ и смѣхъ. Шопотъ насмѣшки. Моя поблѣднѣвшая душа говорила съ чьей-то блѣдною дрогнувшей душой. Вѣчный онъ говорилъ, и съ нимъ вѣчная, его, она. Я былъ въ моряхъ ночей.

„Прощай, мой милый!.. „Милая, прощай!..
Замкнулись двери. Два ключа пропѣли.
Дверь шепчетъ двери: „Что же, конченъ Май?“
„Какъ Май? Ужъ дни октябрьскіе приспѣли“.

Стукъ, стукъ. „Кто тамъ?“ „Я, это я, Мечта.
Открой!“. Стукъ, стукъ. „Открой. Луна такъ свѣтить“.
Молчаніе. Недвижность. Тьмнота.
На зовъ души какъ пустота отвѣтить!

„Прощай, мой милый! Милый! Ха! Ну, ну,
Еще въ неѣ остроумія довольно“.

„Онъ милой назвалъ? Вспомнилъ онъ весну?
Пойти къ нему? Какъ бьется сердце больно!“

Стукъ, стукъ. — „Кто тамъ?“ — Молчанис. Темно.
Стукъ, стукъ. — „Опять! Закрыты плохо ставни“. —
Въ моряхъ ночей недостижимо дно,
Нѣть въ мірѣ власти мигъ вернуть недавній.

Изъ тонкихъ ли нитей, изъ этихъ ли нитей, ко-
торыя рѣжутъ такъ больно, сплету я цвѣтные узоры
забавъ, скручу воздушную лѣстницу? Оборвешься,
тонки они слишкомъ, тонки и удавны. И красивы
узоры паутины подъ Солнцемъ, красивы они подъ
Луной, хотя бы осенней. Но подъ дождемъ? Но въ
душной комнатѣ? Но въ тѣсной комнатѣ, гдѣ пыльно,
слишкомъ пыльно? Злой смѣхъ возникъ въ душѣ
мсей. На подобномъ пиршествѣ — быть не хочу. Бока-
ль любви, лети. Какъ тонко звенить хрусталь,
когда его разбиваешь!

Я бросилъ весело бокаль.
Ребенокъ звонко хохоталъ.
Спросилъ его: Чего онъ такъ?
Сквозь смѣхъ онъ молвилъ мигъ: Чудакъ.

Бокаль любви разбилъ, но вновь
Захочешь пить, любить Любовь.
И въ тотъ же мигъ о, какъ мнѣ быть? —
Я захотѣлъ любить и пить.

Куски я съ полу подобралъ.
Изъ нихъ составилъ вновь бокаль.
Но, весь израненный, я вновь
Не сладость пилъ, а только кровь.

И, захотѣвъ любить одну любовь, я увидѣлъ себя блѣднымъ, съ закрытыми глазами, съ слишкомъ красными губами. Такіе бываютъ вампиры, подумалъ я, и самъ самому себѣ сталъ нестерпимо тягостенъ.

Полюбить своего ребенка, подумалъ я съ нѣжностью. И мнѣ стало легко. Видѣть измѣненія ми-лаго лика, ребенка, который, какъ облачко, мѣняется каждый мигъ, участвовать въ его измѣненіяхъ. И вдругъ съ ясностью я увидѣлъ, какъ дѣтское лицо превратилось въ холодное что-то и каменно-враждебное. Я увидѣлъ, какъ ребенокъ, который былъ мой и которого я цѣловалъ, небрежно вскочилъ и уѣжалъ къ цвѣтамъ, въ садъ, гдѣ мотыльки, въ садъ, къ краснымъ цвѣтамъ. И я былъ одинъ. Я увидѣлъ, какъ ребенокъ мгновенно превратился въ стройнаго юношу, зажигательно-смѣлаго и безразсуднаго. Юноша досадливо что-то крикнулъ мнѣ, уходя. Я былъ у окна, а онъ на волѣ. Онъ ушелъ, веселый, къ юнымъ. Тамъ былъ смѣхъ и безумныя рѣчи. Были выстрѣлы, кровь была, но юные лица были счастливы, и ни одинъ не жалѣлъ о семье своей. И я чувствовалъ, какъ въ глубинѣ, здѣсь въ груди, что-то больно порвалось. И я былъ одинъ. Я увидѣлъ, какъ ребенокъ, все одинъ и тотъ же, принималъ безконечные лики. Но всѣ они уходили отъ меня. Я слышалъ страшныя слова: „Ты мертвый. Безъ жизни“. И ни одинъ не хотѣлъ быть со мной. Я увидѣлъ, какъ ребенокъ превратился въ старика. Старикъ былъ сухъ, былъ трусливъ, и

разсчетливъ. Онъ страшно походилъ на ребенка и съ ребяческой безжалостностью тупо бормоталъ: „Не научилъ меня, не научилъ быть безразсуднымъ, всю жизнь я разсчитывалъ, жизнь и просчиталъ. Ты виновать, ты во всемъ виновать“. И въ злыхъ глазахъ уже была смерть, а старческія губы вдругъ закраснѣлись и залепетали проклятія. И я былъ одинъ. А подъ окномъ взростали красные цѣїты. Изъ тьмы, изъ отчаянья, изъ осенней грязи, изъ зимнихъ холодовъ.

Полюбить Искусство. Безумный, или не знаешь, вѣдь холодный мраморъ любить горячую руку вателя. Онъ любить разсчетъ и сознательность высшихъ числъ, управляющихъ судьбами Мира, а не скучную низость расчета тѣхъ чиселъ, въ которыхъ считанія малаго дня. Мраморъ тебя изуродуетъ, если ты измѣнникъ предъ собой. Краски твои заржавѣютъ, если нѣть въ твоемъ сердцѣ горячихъ капель. Ты можешь любить Искусство, если даже ты будешь позорнымъ. Но Искусство все видитъ. Оно не полюбитъ тебя. Въ горлѣ твоемъ будетъ вкусъ желчи, и ты будешь напрасно жаждать.

Быть въ минувшихъ мірахъ? Но минувшее было текущимъ мгновенiemъ, горящимъ, кипящимъ, зовущимъ, вбирающимъ. Потому-то оно такъ плѣнительно въ самой застылости лавы. Правдивость мгновенія есть достовѣрность Вѣчности. Если ты хочешь быть живымъ, будь съ кипящею лавой, съ кровавою лавой, съ подземнымъ краснымъ расцвѣтомъ Земли, который рнется наружу.

Я былъ одинъ. Въ окно глядѣла ночь. О чѣмъ
бы не начиналъ я думать, все кончалось красными
цвѣтами. Гдѣ-то далеко свѣтился пожаръ. Ужь скоро
ночь кончится, подумалъ я. Скоро—заря. И душа
безсильно заплакала:—

Зоря-Зорянница,
Красная Дѣвица,
Красная Дѣвица, полуночница.
Красныя губы,
Бѣлыя зубы,
Свѣтлыя кудри, свѣтлоочница.
Вѣ ли вы, Зори,
Въ красномъ уборѣ,
Съ кровавыми лентами, рдяными?
Вѣчно ли крови,
Встари и знови,
Розами быты надъ туманами?
Зоря-Зорянница,
Красная Дѣвица,
Будь ты мою защитою,
Отъ вражіей силы,
До временної могилы,
И отъ жизни тоскою повитою.
По какому пантю,
Рудожелтою нитю,
Ты иглой золотою, проворною,
Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой,
Свой узоръ надъ трясиною черною?
Чудо-Дѣвица,
Зоря-Зорянница,
Зоря-Зорянница прекрасная,
Хочется ласки,
Мягкости въ краскѣ,

Будеть ужь, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись,
Будеть намъ, ужь будеть этой алости.
Или ты, Зоря,
Каждый день горя,
Такъ и не узнаешь нѣжной жалости?

4

Я заснулъ глубокимъ сномъ. Ночь была темна,
Я какъ бы пересталъ существовать. Перевоплотился
въ свои сновидѣнья. Былъ со многими. Былъ мно-
гими.

Мнѣ снилась безмѣрная страна, до боли доро-
гая мнѣ. Мѣсяцъ свѣтилъ, и вся она точно была
окутана саваномъ. Страна вѣкового безмолвія. Ве-
ликій океанъ схороненныхъ надеждъ.

Въ этой странѣ скрывался въ далекомъ лѣсу
Великанъ, который, чтобъ мучить другихъ, лишилъ
себя сердца, и спряталъ его, какъ кровавый комокъ,
въ невѣдомомъ мѣстѣ. Живя безъ сердца, онъ могъ
пробивать чужія сердца, исторгать изъ нихъ кровь,
не испытывая ни колебанія ни сожалѣнія. Живя
безъ сердца, онъ былъ безобразнымъ и все раз-
ростался чудовищной мерзостной тушей, но не ви-
далъ своего безобразія. И минутами, сонной мысли
казалось, что, если такъ долго еще онъ будетъ
рости, пробивая сердца, онъ упрется ногами въ
одинъ океанъ, онъ упрется головою въ другой, и
шуточнымъ станетъ самое Небо.

По волѣ того Великаны безчинствовали, въ печальной безмѣрной странѣ, безликіе призраки, принимавшіе въ разныхъ мѣстахъ, для собственныхъ цѣлей, различные образы, и одѣвались они въ различность всякихъ одеждъ. Всѣ они были палачи и душитѣли, но въ одномъ мѣстѣ казалось, что это— военные, въ другомъ, что это — священники, въ третьемъ—купцы, и много еще безсмысленно-лживыхъ, кощунственно-подло-обманнныхъ было одеждъ. Призраки всюду всили свои хороводы. Разгульный шабашъ возникалъ. Тѣни расцѣплялись, снова сцѣплялись, какъ летучія мыши, отвратными гроздьями висящія въ углахъ старыхъ домовъ. Тѣни даже какъ будто говорили. Обѣщались, увѣряли, убѣждали, уговаривали. Потомъ хватали волчьими зубами, разрынали въ куски человѣческое мясо, и, напившись крови, прекращали теченіе призрачныхъ сновъ, садились рядомъ, какъ совы на овинѣ садились рядомъ, и душѣ, возмущенной уродливостью кошмары, было ясно видно, что различные одежды дьявольскаго маскарада не обнимаютъ никакихъ точныхъ тѣлъ—лишь раздуты маревомъ, отдѣльны отъ всего человѣческаго, пусты, пусты—только гдѣ-то тутъ и тамъ шатко проходятъ безликіе призраки, какъ будто что-то подслушивають—не живеть ли Земля, не живые ли люди живое что говорятъ—шарахнутся въ быстромъ испугѣ — задвижется пугало одеждъ—и снова и снова.

А Великанъ тупо смѣется, и, разростаясь въ призрачномъ величиіи, тоже двигаетъ и языкомъ и

руками. Говорить и дѣлаеть. Но, что-нибудь скажъ, дѣлаеть наоборотъ.

Я лежалъ, пригвожденный сномъ. Все зналъ, все видѣлъ, крикнуть хотѣлъ — не было голоса, двигаться не могутъ онѣмѣвшіе члены — я лежалъ, подъ бѣльющими Мѣсяцемъ, какъ снѣжная глыба на снѣжной равнинѣ, протянувшейся въ самую бесконечность.

Безмѣрная печальная страна, послѣ шабаша вѣдьмъ и оборотней, была обѣята великимъ поконемъ Смерти. Но льдины гдѣ-то ломались, и звонъ ихъ доходилъ до Небесъ. И гдѣ-то съ холмовъ обрывались тяжелыя залежи снѣговъ, и гулъ ихъ подобенъ былъ грохоту Моря, оттѣня звенящія разламыванья льдовъ.

Я былъ и не былъ. Я видѣлъ село, занесенное снѣгомъ. Вдругъ оно стало лѣтнимъ, весеннимъ, не знаю — какимъ. Женщина, которую какъ будто я зналъ, женщина, которую я назвалъ бы родной, которой я назвалъ бы Родиной, — такъ мнѣ она была мучительно-дорога, — одна не спала въ этомъ спящемъ, рано уснувшемъ, вечернемъ селѣ. И она говорила, а мнѣ казалось, что это не она говорить, а ива, серебряная ива шелестить надъ водой неуловимо-воздушно.

Я мать и я люблю дѣтей.
Едва зажжется Мѣсяцъ, серповидно,
Я плачу у окна.
Мнѣ больно, страшно, мнѣ мучительно-обидно.
За что такая доля мнѣ дана?

Зловѣцій прудъ, погость, кресты,
Мнѣ это все отсюда видно,
И я одна.
Лиши Мѣсяцъ свѣтить съ высоты.
Онъ жнетъ своимъ серпомъ? Что жнетъ? Я брежу. Полно.
Будь твердой. Плачь, но твердой нужно быть. [Стыдно.
Отъ Неба до Земли, сия,
Идетъ и тянетъ иервущаися нить.
Ты мать, умѣй, забывъ себя, любить.

Да, да, я мать, и я дурная,
Что не умѣла сохранить
Своихъ дѣтей.
Ихъ всѣхъ смилила въ прудъ Колдунья злая,
Которой правится сводить съ ума людей.
Тихонько ночью приходила,
Когда такъ крѣпко я спала,
Мой сонъ крѣпки, дѣтей будила,
Какая въ ней скрывалась сила,
Не знаю я. Весь міръ былъ мгла.
Своей свѣчой она свѣтила,
И въ прудъ ея свѣча вела.
Чѣмъ, чѣмъ злодѣйка ворожила,
Не знаю я.
О, съ тѣми, кто подъ сердцемъ былъ, разстаться,
О, жизнь безчастная моя!

Лиши въ мысляхъ иногда мы можемъ увидаться,
Во снѣ.

Но это все—не все. Она страшилъ, чѣмъ это.
И казнь безжалостнѣй явила Вѣдьма мнѣ.
Вонь тамъ, въ сіянны мѣсячнаго свѣта,
Въ той люлькѣ, гдѣ качала я дѣтей,
Когда малютками они моими были,
И каждый былъ игрушкою моей,

Предъ тѣмъ, какъ спрятался въ могилѣ
И возрастилъ плакунъ-траву,
Лежитъ подмынышъ злой, уродливый, нескладный,
Котораго я нежитю зову,
Свирѣпый, колченогий, жадный,
Глазастый, съ страшною распухшою головой,
Ненасытимо-плотоядный,
Подмынышъ злой.
Чуть взглянешь онъ въ окно и листъ березы винеть,
Шуршитъ недобрый вихрь желтѣющей травой,
Вдругъ схватить дудку онъ, играть безумно станеть,
И молчія въ овину грянетъ,
И пляшетъ все кругомъ, какъ въ пляскѣ хоровой,
Несутся камни и полыни,
Подмынышъ въ дудку имъ дудить,
А люди падаютъ, въ ихъ сердцѣ онѣмѣніе,
Молчатъ, блѣднѣютъ страшный видъ.
А онъ глядить, глядить стеклянными глазами,
И ничего не говорить.
Я не пойму, старикъ ли онъ,
Ребенокъ ли. Онъ тѣшился надъ нами.
Молчитъ и тѣсть. Вдругъ тихій стонъ.
И жутко такъ раздастся голосъ хилый:
„Я старъ, какъ древній лѣсъ!“
Поплыть въ воздухѣ могилой.
И точно встанеть кто. Мелькнулъ, прошелъ, исчезъ.

Однажды я на страшное рѣшилась:
Убить его. Жить стало нестерпѣжъ.
За что такая мѣтъ немилость?
Убрать изъ жизни эту гнилость!
И вотъ я наточила ножъ.
А! какъ сегодня ночь была, такая,
На небѣ Мѣсяцъ всталъ серпомъ.
Онъ спаль. Я подошла. Онъ спаль. Но Вѣдьма злая
Слѣдила въ тайности, стояла за угломъ.

Я не видала. Я надъ нимъ стояла.
Я только видѣла его.
Въ моей душѣ горѣло жало.
Я только видѣла его.
И жажду тѣшила иѣмую:
Воть эту голову, распухшую и злую,
Отрѣзать, отрубить, чтобы исчезъ паукъ,
Притихъ во мракѣ гробовомъ.
„Исчезнешь ты!“ И я ударила ножомъ.
И другъ
Не тѣло предо мною, мякина,
Солома, и въ соломѣ кровь,
Да, въ каждомъ стеблѣ кровь и тина.
И воть я на пруду. Трясина.
И въ домѣ я опять. И вновь
Бѣгѣть Мѣсяцъ серповидно.
И я у моего окна.
Въ углу подмышиша мнѣ видно.
Тамъ за окномъ ногость. Ногость. И я одна.

Мой сонъ измѣнился. Въ вѣтрѣ промчались возгласы:— „Миценя! Миценя!“ Нельзя оставлять чудовищъ безъ кары. Нельзя имъ давать, своимъ бездѣйствиемъ, совершать, вновь и вновь, злодѣянія. Нужно овладѣть чудовищами, понять, и уничтожить ихъ. И, если нельзя восстановить погубленнаго, нужно, во что бы то ни стало, мстить, отомстить губящему. Я видѣлъ себя идущимъ и рѣшительнымъ.

Жить было душно. Совсѣмъ погибалъ я.
Въ лѣсъ отошелъ я, и Лиха искалъ я.
Думу свою словно тижесть несу.
Шелъ себѣ, шелъ и увидѣлъ въ лѣсу
Замокъ желѣзный. Кругомъ черепа, частоколомъ.

Что то я въ замкѣ найду?
Можетъ, такую бѣду,
Что навсегда позабуду, какъ можно быть въ жизни веселымъ.
Все же иду
Въ замокъ желѣзный.
Вижу, лежитъ Великанъ.
Видъ у него затрапезный.
Тучень онъ, грязенъ и нагль, и какъ будто бы пьянь.
Кости людскія для мерзкаго—ложе.
Лихо! Вокругъ него —Злыдни, Журьба.
А по угламъ, вкругъ стола, по стѣнамъ, вместо сидѣній, гроба.
Лихо. Ну, что же?
Я Лиха искалъ.
Страшное Лихо, слѣпое.
Подчутигъ гостя. „Потѣши-ка“. Миѣ голову мертвую даль.
Взялъ я ее—да подъ лавку. Лицо усмѣхнулось тупое.
„Скушаль“? спросилъ Великанъ.
„Скушаль“. Но Лихо ужъ зналъ, какая сноровка
Тѣхъ, кто въ бѣсовскій заходить туманъ.
„Гдѣ ты, головка-мутовка?“
„—Здѣсь я, подъ лавкою, здѣсь“.
Жаромъ и холодомъ я преисполнился весь.
„Лучше на столь ужъ, головка-мутовка,
Скушай, голубчикъ, ты будешь —самъ будешь —вкуснѣй“.
Въ эту минуту умножилось въ мірѣ число побѣдившихъ людей,
Поднялъ я мертвую голову —спрятать на сердцѣ. Уловка
Миѣ помогла. Повторился вопросъ и отвѣтъ.
„Гдѣ ты, головка-мутовка?“
„Здѣсь я, подъ сердцемъ“. —Ну, съѣдена, значитъ, поду-
маль дуракъ-людоѣдъ.
„Значить, чередъ за тобой“, закричало миѣ Лихо.
Бросились Злыдни слѣпны ко мнѣ, зашаталась слѣпая Журьба
Въ нежитей черепомъ тутъ я ударилъ—и закипѣла борьба.
Бились мы. Падаль я. Былъ ихъ. Убиль ихъ. И въ замкѣ же-
лѣзномъ вдругъ сдѣлалось тихо.
Вольно вздохнулъ я. Да здравствуетъ воля —понявшаго чудище—
раба.

Мой сонъ пробудилъ меня, и я открылъ глаза. Ночь была по-прежнему темна. Но на стѣнахъ моей комнаты дрожали красные отсвѣты. Это далекій пожаръ усилился, и его зарево доходило до меня. Не тревогу, а радость возбудила во мнѣ мысль, что пожаръ усиливается. Я былъ въ заклятомъ городѣ, гдѣ мучаются и убиваютъ. Каждый домъ былъ злой домъ. Каждый домъ былъ черный домъ. Пусть все они сгорятъ, съ своей вѣковой неправдой. Все пусть сгоритъ, я пусть сгорю, но только пусть этотъ послѣдній сонъ исполнится. Великанъ и нежити должны быть уничтожены. Обиженнная мать должна быть отомщенной. Мщенія! Мщенья!

Грудь моя дышала легко. Я былъ не одинъ. Предо мною плясали дрожанія краснаго свѣта, и каждая вспышка была символъ, былъ голосъ, былъ знакъ. Они говорили со мной, и меня увлекали. Входили въ меня, какъ дыханіе жизни, веселое, свѣтлосе. Великанъ еще живъ, и онъ стоглавый. Какъ его уничтожить? Какъ бы обѣ этомъ узнать? И я сладко заснуль, опять, потому что я чувствовалъ, что сейчасъ я узнаю.

5

Мнѣ привидѣлась легкая стройная тѣнь. Она возникла предо мною, какъ наклоненная ко мнѣ. Заглянувши глубоко въ мои глаза, она выпрямилась, и снова склонялась ко мнѣ. Точно она была жницей или точно сбирала цветы, которыхъ не видить

тълесный глазъ. Я чувствовалъ, какъ отъ меня отпадаетъ все темное, и свѣтлою какъ мечъ дѣлается воля. Я чувствовалъ странную нѣжность къ этой благоволительной, нѣжно колдующей тѣни. И казалось мнѣ, что она похожа на ту измученную, за которую я хотѣлъ отомстить, какъ похожи двѣ сестры, одна—печальная, другая—свѣтлая, и одна до безумья замученная, а другая—полная веселаго безумія жизни и мести.

И, желая знать, я спросилъ, кто она. Свѣтлая во мнѣ запѣли свирѣли.— Я тѣнь твоей родной страны, я душа Народной Пѣсни, я мечта и сознательность дѣйствія. Я дамъ тебѣ два амулета, свѣтлый и темный. Одинъ возрождается, другой отомщаетъ. Если ты будешь твердъ въ своей волѣ, ты вполнѣ разрушишь злыхъ чары. Ты возродишь умерщвленную. Или ты отомстишь за нее. Пусть тучи черпютъ—сильнѣе гроза, полнѣй возрожденье. Пусть ярче горитъ пожаръ—онъ сжигаетъ все старое. Не жалѣй себя. Не жалѣй и другихъ, если они скопо жалѣютъ себя. И къ вамъ принесется молніевзорый Перунъ. Вы, люди—какъ змѣи. Вамъ нужно мѣнять свои кожи. Я сказала сейчасъ тебѣ—вы люди. Я раздѣлила тебя и себя. Нѣть, мы одно. Мы вмѣстѣ, насы много, насы тысячи, насы миллионы, мы волны, мы стоны, мы тучи, мы крики, мы роковая громада, мы молніи. Къ намъ, и нами, и съ нами, летитъ солнцевая колесница. И люди глядятъ засвѣтлѣвшими глазами.

Отъ колеса солнцевой колесницы.
Небесный огонь долетъл до людей,
Факель зажегъ для умовъ, въ ореолъ страстей.
Отъ колеса солнцевой колесницы
Кто-то забросилъ къ намъ въ души зарницы,
Даль намъ властительность чаръ,
Тайну змѣиныхъ сиѣй,
Для созванія змѣй
На великий пожарь,
На праздникъ сжиганья змѣиныхъ изношенныхъ кожъ,
Чешуйчатыхъ званий,
Когда превращается старая ложь
И лохмотья затмѣній,
Во мракѣ почномъ,
Въ торжествующей блескъ самоцвѣтныхъ горѣній,
Тишина обращается въ громъ,
И пляшутъ, съ Востока до Запада, въ небѣ, кругомъ,
Синія молніи, синія молніи, чудо радѣнья громовыхъ лучей,
Слившихся съ дрожью свѣтло-изумрудныхъ, хмѣльныхъ
О, праздникъ змѣиныхъ! [новизною змѣиныхъ очей.
О, кольца сплетенныхъ,
Огнемъ возрожденныхъ,
Ликующихъ змѣй!

Мой сонъ измѣнился. Я былъ снова въ селѣ,
но не въ зимнемъ, не въ осеннемъ, не въ весен-
немъ,—въ жгуче-лѣтнемъ. Я былъ въ жаркомъ Іюлѣ,
когда Солнце бываетъ на высшей своей точкѣ. Но
Солнца не было видно, потому что небо было за-
тянуто сплошной пеленою, мѣстами темнѣвшей. И
въ то же время, хоть Солнца не было видно, было
то тутъ, то тамъ свѣтло, и въ сердцѣ моемъ было
весело. Я видѣлъ внутренность простой избы, но
она была какъ храмъ—какъ храмъ дѣтей Солнца,

бронзовыхъ людей Мексики и Перу: внутри было серебро и золото, хоть кровля была соломенная. Въ этой простой мужицкой избѣ стояла она, женственный-дѣятственный призракъ, она, что назвала себя—душой Народной Пѣсни,—мечта и сознательность дѣятствія—Заклинательница грозъ. Она смотрѣла и молча думала, а мысли ея были слышны мнѣ.

Красной калиной покой свой убравъ,
Принеся въ него много лѣсныхъ, стрѣловидныхъ, какъ будто отточенныхъ, травъ,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
И горитъ ли въ неѣ сѣребро, ярко ли злато.
Все какъ и нужно кругомъ.
Мысли такія же въ сердцѣ, сверкаютъ, цвѣтятся огнемъ.
Сердце колдуетъ.
Что это? Что это тамъ за окномъ?
Дрогнула молния въ небѣ. Темнѣеть оно? Негодуетъ?
Или довольно, что въ этомъ нѣть сердцѣ пожаръ?
Вѣтеръ прерывисто дуетъ.
Громъ.
Гулко гремитъ за ударомъ ударъ.
Длится размахъ грозового раската.
Свѣтится золотомъ малая хата.
И оносанъ огнемъ,
Въ брызгахъ, въ изломахъ червленнаго золата,
Въ рокотахъ струнъ,
Съя алмазы продолынныи дождемъ,
Въ радостяхъ бури, въ восторгѣ возврата,
Мчится Нерунъ.

Все кругомъ измѣнило свой видъ. Какъ простая изба превратилась въ храмъ, изукрашенный золо-

тому и красноцветностями, такъ и плоская равнина
вокругъ стала измѣненной, изборожденной оврагами,
рытвинами и глубокими пропастями, пресъчена и
украшена зубчатой громадою горъ, между которыхъ
дымились вулканы. Я видѣлъ хищная агавы съ ихъ
стилетными остріями. Я видѣлъ красные цветы как-
туса. Я слышалъ гортанную гнѣвную рѣчь и взрывы
горныхъ ручьевъ, прорывавшихъ стѣны утесовъ и
рушившихъ камни по уклонамъ стреминъ. Страна
кипѣнья и борьбы, страна вражды къ тому, что хо-
четъ вражды и не хочетъ другого. Безпощадность
къ тому, кто не знаетъ пощады. Причудливый край.
Тамъ честки, какъ страстная мысль, всѣ линіи, всѣ
очертанія. Тамъ ярки всѣ краски, какъ чувство.

Грозенъ звукъ гортанныхъ словъ,
Нѣть цвѣтовъ тамъ безъ шиновъ,
Безъ уколонъ или яда.
Хищный клокотъ вѣнчъ словъ
Машитъ слухъ, но въ немъ засада,
Какъ засада въ зыби взгляда.
Дротикъ мѣтко достаетъ,
Чуть коснется, конченъ счетъ.
Тамъ отравленныя стрѣлы.
Лукъ посты и достаетъ,
Чуть задѣль ты, огнѣный,
Ты ужъ мертвый, ты ужъ бѣлый.

О, святая вражда—къ тому, что хочетъ вражды,
и не хочетъ другого. Я буду твоимъ вѣстникомъ,
буду крикомъ борьбы, всепобѣдной звенящей стру-
ной, буду воплемъ, и стономъ, и плачемъ, и музы-
кой, слитыми въ мѣткій ударъ. Я вберу въ свой

взоръ всѣ исканія взглядовъ—и глаза мои будуть властны. Я вброшу въ свой голосъ всѣ голоса—и голосъ мой будетъ какъ буря. Я хочу освѣженного міра, я хочу цвѣтовъ изъ молній.

И я съ мольбой обратился къ той стройной тѣни, къ той заклинательницѣ грозъ, которая назвала себя душою Народной Пѣсни:—Дай мнѣ скорѣе два амулета, свѣтлый и темный, ибо воля моя—какъ мечъ. И она дала мнѣ камень-электронъ, извѣстный Славянамъ ужь тысячи лѣтъ, и сказала строки заклятия. И я повторилъ ихъ.

Электронъ, камень-алатырь,
Горючъ-могучъ-шитарь.
Гори. На насъ возстали Упыры,
Отиратныхъ годовъ Нары.

Завѣтный камень-свѣтозаръ,
Рожденье волнъ морскихъ.
Какъ въ Морѣ—глубь, въ тебѣ—пожаръ.
Войди въ горючій стихъ.

О, слитокъ горечи морской
И свѣтлыхъ слезъ Зари.
Электронъ, камень дорогой,
Горя, враждой гори.

Волна бѣжитъ, волну дроби,
Волна сильней, чѣмъ мечъ.
Электронъ, я закляль тебѣ,
Ты, вспыхнувъ, сможешь сжечь.

И, отдавъ мнѣ свѣтлый талисманъ, она вздохнула, потемнѣли ея глаза, блеснули гнѣвомъ, и была

она въ ненависти еще свѣтлѣе и красивѣе, чѣмъ въ любви, въ лицѣ ея появилось что-то змѣиное, зачарованнымъ взоромъ взглянула въ мои глаза, тверже сковала мою волю, и дала мнѣ темный амулетъ. И, отдавая мнѣ этотъ камень-драконитъ, она сказала строки заклятия. И я повторилъ ихъ.

Темный камень драконитъ
Ужь не такъ хороши на видъ.
Изумрудъ его нѣжнѣй,
Въ брилліантѣ свѣтъ сильнѣй.

И нѣжнѣй его опаль,
И рубинъ предъ нимъ такъ алъ.
И однако драконитъ
Тѣмъ хороши, что вѣрю мстить.

Цифѣ листать ею, лождичи,
Какъ ущербныи Мѣсяцъ внизъ,
Надъ пещерой колдовской,
Желтой выгнется дугой.

Тамъ Драконъ въ пещерѣ спить,
Въ мозгѣ Звѣри драконитъ.
Гибокъ Змѣй, но мозгъ его
Неуклонище всего.

Мозгъ Дракона - весь въ узлахъ,
Желтый въ нихъ и бѣлыи страхъ,
Красный камень и металль
Въ нихъ неразъ захочатъ.

Темный въ этомъ мозгѣ сонъ,
Чернай цѣпью скованъ онъ.
Желтый Мѣсяцъ внизъ глядить.
Вотъ онъ камень драконитъ.

Тише, тише подходи.
Въ снѣ Дракона ис-щади.
Замеръ въ грезѣ онъ своей.
Мѣтко цѣлься, прямо бей.

Поразивъ его межъ глазъ,
Мозгъ исторгни, и сейчасъ
Предъ тобою заблеститъ
Страшный камень драконить.

Съ этимъ камнемъ на врага.
Рѣки бросять берега.
И хоть будь твой врагъ великъ,
Онъ въ водѣ потонетъ вмигъ.

Этотъ камень-амулетъ
Много ласть тебѣ побѣдъ.
Вѣцій камень драконить,
Зеленѣя, мѣтко мстить.

Этимъ камнемъ подъ Луной
Понграй во мглѣ ночной.
Дальний врагъ твої ощутить,
Мстить ли камень драконить.

Я спряталъ оба амулета, какъ лучшую свою святыню. Я зналъ, что теперь для меня открыты всѣ дали, всѣ просторы вольной жизни. Я обратилъ свои глаза къ Прекрасной. Она дала мнѣ единственный, священный, поцѣлуй—и скрылась какъ Заря среди воздушныхъ облаковъ—а я очутился въ тюрьмѣ, но въ душѣ моей было торжество.

Знать себя волной среди волнъ, звукомъ, и мгновеньями главнымъ звукомъ, въ слитной гармоніи бьющихся звуковъ, быть струной со струнами, быть молніей съ молніями—большаго счастья нѣть.

Извѣдать всю тяжесть, всю стиснутость гнета, и принять на себя вдвое большій стиснутый гнетъ, чтобы снять его съ другого, извѣдать десятикратный гнетъ—и однако же чувствовать себя легко—большаго счастія нѣть.

Узнать, что темныя лица, въ силу твоей добровольной жертвы, сдѣлались радостно-свѣтлыми, и что лживая низость стала правдиво-высокой—или отброшена къ самымъ низинамъ, гдѣ ей и мѣсто, измѣнить своей волей основы жизни—большаго счастія нѣть.

Я былъ въ тюрьмѣ, и зналъ это счастье, и больше у меня не было слезъ. Нѣтъ слезъ, кричалъ я съ торжествомъ.

Нѣть слезъ. Я больше плакать не умѣю,
Съ тѣхъ поръ какъ посвѣщенъ я въ колдуны.
О, Вѣщая жена! Я вѣдалъ съ нею
Вѣдовскoe. На зовъ ея струны
Скликались звѣри. Говоръ человѣчій
Былъ межъ волковъ лѣсныхъ. А межъ людей
Такія, въ хренахъ, слышались мнѣ рѣчи,
Что нѣть ужъ больше слезъ въ душѣ моей.
Кто тамъ подъ пыткой? Кто кричитъ такъ звонко?
Молчу. Себя заклинилъ я колдовски.

Мучь всѣхъ! Меня! Мучь моего ребенка!
Мольбы не будетъ. Кровь забыть въ виски.
Забытесь въ головѣ какъ тяжкій молотъ.
Но слезъ моихъ тебѣ, палачъ, не знать.
Пусть будетъ самый сводъ небесъ расколотъ,
Ты проклять. Тверды мы. И эту рать
Не побѣдить налачествомъ убогимъ.
Мы все ростемъ. Стальнѣеть лытка въ нась.
Минуты время движутъ кругомъ строгимъ.
Ты проклить. Проклять. Жди. Еще лишь часть.

Я былъ на свободѣ опять, на новой свободѣ.
Стѣны тюрьмы умѣютъ разрушаться — и во снѣ, и
на яву. Я былъ на свободѣ, и весело пѣлъ пѣсню-
заклятіе о трехъ былинкахъ. Мой голосъ былъ,
свѣжій и юный, и звуки его доходили до тѣхъ,
кто мнѣ не былъ виденъ.

Все мнѣ грезятся мысли о волѣ.
Выхожу я изъ дома самъ-другъ.
Выхожу я во чистое поле,
Прихожу на зеленый лугъ.
На лугу есть могучія зелья,
Въ нихъ есть сила, а въ силѣ веселье.
Всѣ цветы, какъ и быть надлежитъ, по мѣстамъ.
И мечту затанувъ въ себѣ смѣлую,
Три былинки срываю я тамъ,
Красную, черную, бѣлую.
Какъ былинку я красную буду метать
Такъ далеко, что здѣсь никому не видать,
За шумящее синее Море,
Къ краю міра, на самый конецъ,
Да на островъ Бунинъ, что въ кипящемъ просторѣ,
Да подъ мечъ-кладенецъ.
Зашумить и запѣнится Море.

А былинку я черную бросить хочу
Въ чащу лѣса узорнаго,
Я ее покачу, покачу
Подъ ворона чернаго.
Онъ гнѣздо себѣ снѣль на семи на дубахъ,
А въ гнѣздѣ томъ уздечка поконится бранная,
На дубовыхъ вѣтвяхъ,
Заклятая, для сердца желанная,
Съ богатырскаго взята коня.
Упадеть та уздечка, блестя и звени.
Вотъ, былинка еще остается миѣ, бѣлая.
Я за поясъ узорчатый эту былинку заткну,
Пусть колдуется она, онѣмѣлая,
Тамъ завинть, тамъ зашпинть, зачарованъ колчанъ,
Въ заостренной стрѣлѣ заложилъ я весну.
Тремъ былинкамъ удѣль побѣдительный дань,
И мечта какъ пожарь, если смылая.
Миѣ отъ красной былинки есть мечъ-кладенецъ,
Миѣ отъ черной былинки есть взнузданный конь,
Миѣ отъ бѣлой былинки мечтаний конецъ—
Есть колчанъ, есть стрѣла, есть крылатый огонь.
О, теперь я доволенъ, я счастливъ, я радъ,
Что на свѣтѣ есть врагъ-супостать.
О, на этомъ веселомъ зеленомъ лугу
Я навстрѣчу бросаюсь къ врагу!

Предо мной разстилалась вольная степь, предо мною мелькали луга и поля и лѣса. Я видѣлъ безмѣрность міра, который весь раскрывается, когда вольно подходитъ къ нему съ свободной, раскрытой душой. Вольныя рѣки Славянской рѣчи ласкали мой слухъ, и качались, и зыбились, пѣли въ моей трепетавшей душѣ. Я чувствовалъ слитность Неба и Земли, великую радость бытія. Радость любви и

ненависти. Я, смѣясь, продолжалъ ворожить, и стихъ мой, мой говоръ Народной Пѣсни былъ, какъ хмѣль, освободителенъ. Я пѣть Наговоръ на Недруга.

Я ложусь, благословясь,
Встану я перекрестьясь,
Изъ избы пойду дверями,
Изъ стѣнъ я воротами
Противъ нѣдруга иду.
Позабывши о неволѣ,
Тамъ далече, въ чистомъ полѣ,
Раноутренней росою
Освѣжуясь, утрусь зарею,
И зову на бой бѣду.

Бѣлымъ свѣтомъ обнадеженъ,
Краснымъ свѣтомъ опригоженъ,
Я подтычуся звѣздами,
Солнце красное надъ нами,
И въ сіяющей красѣ,
Какъ у Господа у Бога,
Изъ небеснаго чертога,
Алый день ветаетъ, ликуя,
Ненавистника сражу я,
Да возрадуются всѣ.

7

Я весело шелъ впередъ, и не знаю, какой міръ былъ богаче, тотъ ли, который зеленѣль кругомъ или тотъ, который свѣтился и пѣль во мірѣ, въ душѣ моей. Я шелъ теперь по зеленому лугу. Въ концѣ своемъ онъ замыкался великой Водой. Великой текучею Влагой. Справа было болото, а слѣва

полноводная рѣка, въ которую впадалъ журчащій ручей, знакомый мнѣ съ дѣтства. Надъ ручьемъ была серебряная ива, а подъ ней, подъ ея трепетавшими листьями, росли камыши—и росли камыши на болотѣ, и всѣ они шуршали и шептались.

Шелестъ, и шорохъ, и шопотъ тѣхъ камышей, что росли надъ текучею влагой, которой можно было освѣжить себя, и тѣхъ камышей, что росли на трясинѣ, которая засасываетъ, слагались въ одинъ прерывистый говоръ, великий, безмѣрный какъ Тайна. И мнѣ казалось, что каждый камышъ говоритъ:— Если насть срѣзать, и сдѣлать изъ каждой тростинки свирѣль, мы разскажемъ о тайнахъ Жизни и Смерти, и составимъ великую музыку, поющу музыку флейтъ. Насъ много, и мы побѣдимъ. Мы царимъ надъ другими звуками, и царимъ надъ Молчаниемъ. Съ полупрозрачныхъ намековъ на что-то, что мелькаетъ, скользитъ, убѣгааетъ, мы доходимъ до громкаго гула, до кричащихъ угрозъ, мы доходимъ до крика убитаго, и вѣдаемъ слово „Мщенье“. Мы шепчемъ, шуршимъ, шелестимъ, мы ждемъ своего мгновенія, насть много, и мы побѣдимъ.

И, застывъ надъ Великимъ Теченіемъ, я понялъ съ восторгомъ, что два талисмана со мною, и что знаю я двѣ печали, и что красиво, красиво, отбросивши камень къ низинамъ, развернуть широкія крылья.

- 15) КЕННАНЪ, ДЖОРДЖЪ. Сибиры! Въ двухъ томахъ. Половинъ перевода. Ц. каждому тому 75 к.
- 16) МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Вѣчные спутники. 3-е изд. Акрополъ, „Дафнис и Хлоя“. 40 к.—Ибсена. 30 к.—Кальдеронъ и Сервантесъ. 30 к.—Маркъ Аурелий, Плиний Младший. 30 к.—Пушкинъ. 40 к.
- 17) . Грядущій Хамъ. 1 р.
- 18) . Пророкъ русской революціи. 1 р. 25 к.
- 19) МЕТЕРЛИНКЪ, МОРИСЪ. Сочиненія. Въ трехъ томахъ, въ переводе Л. Вилькиной. Съ рисунками художника Н. К. Рериха. Томъ I. Съ предисловіями Н. Минского, З. Бензеворой и В. Розанова. Съ портретомъ, исполненнымъ геліографію. 2 р.—Томъ II. Переводъ Л. Вилькиной. Съ иллюстраціями Ш. Дудле, Минкэ и Н. Рериха. 2 р.
- 19) МОГИЛЯНСКІЙ, М. М. Первая Государственная Дума. 1 р.
- 21) . Усталые. Драма въ 3 д. 50 к.
- 22) МОГИЛЯНСКІЙ, П. М. Интернаціоналъ. Очерки рабочаго движенія второй половины XIX в. 15 к.
- 23) НИЦШЕ, ФР. Антихристіанінъ. Опытъ критики христіанства. Переводъ В. А. Флеровой. подъ ред. А. Я. Ефименко. Спб. 1907 г. 75 к.
- 24) ПОССЕ, К. Курсъ дифференціального и интегрального исчисленій. 2-ое исправл. и дополн. изданіе. Въ двухъ частяхъ. Ц. каждой части 2 р. 25 к.
- 25) РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ. Жизнь Іисуса. Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокращеній съ 19-го пересм. и дополн. изд. Съ портретомъ Ренана, исполненнымъ геліографію. 1 р. 50 к. Отдельно портретъ Ренана 20 к., съ пересм. 35 к.
- 26) РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ. Апостолы. Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокращеній съ одиннадцатаго издания. 1 р. 50 к.
- 27) РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ. Антихристъ. Переводъ Е. В. Святловскаго безъ всякихъ сокращеній со второго издания. 1 р. 50 к.
- 28) РОЗАНОВЪ, В. Легенда о Великомъ Инквизиторѣ. 3-е изданіе. 1 р. 50 к.
- 29) . Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ. Ц. каждому тому 2 р.
- 30) . Ослабнувшій фетишъ. Психологическія основы русской революціи. 20 к.
- 31) РОЙТМАНЪ, ДМ. Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательного предмета. Что должно составлять содержаніе элементовъ математики? (включая и высшую математику). 50 к.
- 32) СВЯТЛОВСКІЙ, В. Професіональное движеніе въ Россіи. Спб. 1907 г. 1 р. 50 к.

1 р. 50 к.

- 33) СЕРРЕ, (J.-A.). Дополненіе къ „Теоріи круговыхъ функций“. 60 к.
- 34) СОМОВЪ, И. Аналитическая геометрия. Издание четвертое, подъ редакціей проф. П. Сомова. Спб. 1907 г. 2 р.
- 35) ТРАЧЕВСКІЙ, А. С. Учебникъ новой исторіи (былъ истребленъ цензурою до выхода въ свѣтъ). 1 р. 75 к.
- 36) Новая Исторія. Томъ II. 1750—1848 гг. (была истреблена цензурою до выхода въ свѣтъ). 3 р.
- 37) ТЭНЪ, И. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Томъ I. Старый порядокъ. Въ переводе Германа Лопатина. Спб. 1907 г. 2 р. 50 к.
- 38) ЧЕРНЫШЕВЪ, В. Школьникъ. Русская учебная хрестоматія. Для 3-го и 4-го годовъ обучения. Спб. 1907 г. 60 к.
- 39) ШЕСТОВЪ, Л. Добро въ учениі гр. Толстого и Ф. Ницше. (Философія и проповѣдь). Спб. 1907 г. 1 р.
- 40) ШНИЦЛЕРЪ, А. Діалоги: 1. Анатоль. — 2. Хороводъ. Переводъ съ нѣм. Изящное изданіе, съ рисункомъ на обложкѣ, исполненнымъ въ краскахъ. Спб. 1907 г. 1 р.
- 41) ЩАПОВЪ, А. П. Сочиненія. Въ трехъ томахъ. Томъ I, съ портретомъ Щапова, исполненнымъ фототипіей, 800 страниц. 3 руб.— Томъ II, 2 р. 50 к.—Томъ III (печатается) (№ 20 Ист. Отд.).

„ТРИЛОГІЯ“ Д. С. Мережковскаго

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„ХРИСТОСЬ и АНТИХРИСТЬ“,

состоющая изъ трехъ частей:

- 1) Смерть боговъ (Юліанъ Отступникъ),
- 2) Воскресшіе боги (Леонардо да-Винчи),
- 3) Антихристъ (Петръ и Алексѣй).

Цна I-ой части въ простомъ изданіи 1 р. 25 к., въ изящномъ—2 р. —
II-ой " " " 2 р. 50 к. " 3 р. 50 к.
III-ой " " " 2 " — " 3 р. —

Записывающіе изъ Склада на сумму свыше 1 р. за пересылку не платятъ.—
Каталогъ высылается за 7-миоп. марку по первому требованію.

Тип. Ф. Вайберга и П. Гершунина. Екатерин. кв. № 71—8.